

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук

Ф.Г. Галиева

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
БАШКОРТОСТАНА

Уфа – 2012

УДК 398.331
ББК 63.5 (2Рос.Баш) 6-7
Г95

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
(протокол № 3 от 05.04.2012 г.)*

Рецензенты:

Роднов М.И., доктор исторических наук,
отдел этнополитологии
Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук

Галиева Ф.Г.

Г95 Этнографические исследования русского населения Башкортостана / Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. 140 с., ил.

В книге рассмотрено своеобразие русской культуры Башкортостана как результат взаимодействия с башкирами, татарами и другими народами, как синтез деревенских и городских, народных и профессиональных традиций, языческих, православных и атеистических представлений. На примере различных сторон жизнедеятельности этноса показано не только влияние русских на народы, но и обратное воздействие, использование хозяйственно-культурного опыта крупных и малочисленных этносов.

УДК 398.331
ББК 63.5 (2Рос.Баш) 6-7

© ИЭИ УНЦ РАН им. Р.Г. Кузеева, 2012
© Ф.Г. Галиева, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Этноним *русский* возник от раннего двусоставного сочетания *русские люди*, в котором вторая часть перестала употребляться. Как самоназвание бытовало до XVIII в. В XVII–XVIII вв. заменилось на *русы*, *россы* или *россияне*, а в XVIII–XIX вв. – на *великорусы*. В XVII–XIX вв. под русскими понималась совокупность великорусов, малороссов (сюда же включали русинов) и белорусов, то есть всех восточных славян. С начала XIX в. исследователи считали различия между группами достаточными, чтобы признать их особыми народами. В связи с последующим углублением этих различий и национальным самоопределением украинцев и белорусов, этноним «русские» перестал на них распространяться и сохранился лишь для великорусов, заместив собой прежний этноним.

Русские являются самым крупным народом в Европе. Большие диаспоры есть в Украине, Казахстане, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литве, Молдавии, Приднестровье, а также Узбекистане, Киргизии, Туркмении. Крупные общности присутствуют в США, Канаде, Бразилии, Германии. Численность русских в мире, России и на Южном Урале сокращается. В 2010 г. их было около 133 млн. чел., из них около 111 млн. чел. проживали в России (77,8%), 1411069 чел. – в Башкортостане (34,7% населения республики). В 2002 г. в России зафиксировано около 116 млн. русских, в Башкортостане – 1490715 чел. (36,4 %).

Национальный язык – русский – принадлежит к восточной подгруппе славянских языков, входящих в состав индоевропейской семьи языков. В русском языке используется письменность на основе русского алфавита, восходящего к кириллическому алфавиту (кириллице). Русский язык – один из шести официальных языков ООН, по всему миру им владеют примерно 300 млн. чел. (5-е место по распространённости), из них 160 млн. считают его родным (7-е место в мире). Башкортостан уникален тем, что до сих пор здесь сохраняются переселенческие диалекты русского языка, принадлежащие к разным группам, постоянно взаимодействующие, в то же время испытывающие влияние тюркских и финно-угорских языков. Выделяются говоры северного наречия (28 населенных пунктов), говоры южного наречия (35 н.п.), переходные с системы южных к среднерусским акающим (22 н.п.), среднерусские окающие (63 н.п.) и среднерусские акающие (53 н.п.).

По вероисповеданию большинство русских являются православными христианами. Русская православная церковь неотделима от культуры, духовности и многовековых традиций народа. Сразу же с основанием первых русских поселений на Южном Урале начали строиться храмы, вначале деревянные, а затем каменные. До революции в Башкирии насчитывалось более 500 храмов, не считая домовых церквей, часовен и монастырей, 8000 священнослужителей. Было около 400 церковно-приходских школ, около 400 библиотек. Сегодня действует более 200 православных храмов. Благодаря поддержке органов государственной власти, вновь засияли своей красотой открытые храмы в городах Стерлитамаке, Салавате, Ишимбае, Мелеузе, Кумертау, Октябрьске, Бирске и Уфе.

На территории Башкортостана сохранились общины старообрядцев (староверов), относящихся к толкам и согласиям поповского (австрийское / белокриницкое, беглопоповское) и беспоповского (поморы, федосеевцы, спасовцы, часовенные, рябиновцы, странники) направлений. Группы беспоповцев проживают в с.

Нижнетроицком, Верхнетроицком Туймазинского района, с. Бекетово Ермакеевского района. Общины поморов имеются в Уфе, Архангельском, Иглинском районах, рябиновцев – в Уфе, Ишимбае, Мелеузовском, Архангельском районах, спасовцев – в Ишимбае, Стерлитамакском районе.

Несмотря на многочисленность и огромную роль во всем мире, русские до сих пор остаются слабо изученными, особенно в национальных республиках, с историко-этнографической, фольклористической, культурологической, искусствоведческой точки зрения, даже там, где они составляют численное большинство. В царской России это объяснялось интересами правительства и просвещенного общества прежде всего к «экзотическим» культурам присоединенных к Русскому государству «инородцев», в XX в. – парадигмами советской национальной политики.

Республика Башкортостан – не исключение. Исследования по истории заселения русскими территории Южного Урала появились в XVIII–XIX вв. (П.И. Рычков, В.М. Черемшанский, М.К. Любавский, Б.Э. Нольде). Этническая культура русских стала объектом научного внимания преподавателей вузов и отдельных академических работников лишь в середине XX в. (лингвист З.П. Здобнова, фольклористы И.Е. Карпухин, Б.Г. Ахметшин, Л.И. Брянцева, литературовед М.Г. Рахимкулов).

В Институте этнологических исследований УНЦ РАН впервые под руководством чл.-корр. РАН Р.Г. Кузеева¹ обоснована необходимость комплексного изучения русских, башкир и других народов Башкортостана во взаимодействии и взаимовлиянии. К настоящему времени поставленная проблема освещена на примере народной одежды (И.Г. Петров, Е.Е. Нечвалода, Г.Р. Кутушева), традиционных занятий и промыслов (М.Г. Муллагулов), религиозных представлений (А.Б. Юнусова, Р.Р. Садилов, С.А. Кляшев), фольклора (Ф.Г. Галиева). Башкирскими учеными проведены исследования выделенных Р.Г. Кузеевым этносоциальных, этнотерриториальных, этноконфессиональных групп русских: горнозаводского населения (И.В. Кучумов, Р.М. Мударисов), крестьянства (М.И. Роднов), старообрядчества (Е.С. Данилко), казачества (В.А. Иванов, А.И. Картунов). Вместе с тем, вопрос определения специфики русской культуры в Башкортостане остается открытым. В историографии сложился корпус источников о влиянии русских на башкир и другие народы, но слабо изучен обратный процесс. Не показано формирование поликультуры Башкортостана, в которой важное место занимают русские традиции.

Задачи усложняются тем, что русская культура в Башкортостане многослойна и полифонична. Башкирский край стал родиной для русских переселенцев из многих губерний России – Пермской, Владимирской, Вятской, Тамбовской, Орловской, Воронежской, Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Курской, Тульской и других – носителей разных этнокультурных диалектов и традиций. Лишь в Уфимском уезде жили выходцы более чем из 30 губерний². Как писал

¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992; Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки / гл. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 2002.

² Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа, 2001. С.9.

В.М. Черемшанский в середине XIX в., «русские поселения Оренбургской губернии, происходя из различных краев нашего обширного отечества, естественно вынесли с собой много особенностей и доселе еще не слились в одно целое и отличаются между собою и в нравах, и в обычаях, и в самом разговоре». Причем «в одном и том же селении можно найти выходцев из нескольких губерний»¹. Изучить их – означает познать культуру русского населения всей России, а также процесс интеграции русских субкультур друг с другом и с многочисленными местными народами.

М.А. Круковский в 1909 г. отмечал: «На Урале русское население, коренное и пришлое, чрезвычайно разнородное, но цельное. Всяк принес со своей прежней родины свои обычаи, обряды, наряды; можно встретить в соседних деревнях совершенно различные головные уборы женщин: в одной деревне носят кокошник калужского образца, а в другой новгородский. Впрочем, такие кокошники сейчас большая редкость, лежат спрятанными на дне дедовского сундука <...>, и если где надевают их наряды, то лишь в самых глухих углах»².

Развитие русской традиционной культуры в Башкортостане исторически предопределено целым рядом факторов. Переселение русских из разных губерний России объясняет изначальное функционирование многих этнокультурных диалектов, а впоследствии – их взаимодействие и выработку общего континуума. Сохранению локальных (диалектных) особенностей на территории Башкортостана способствовали массовый характер заселения выходцев из одной губернии, а впоследствии торгово-экономические и культурные контакты с прежней родиной. Удаленность от городов и природно-географическое своеобразие (горнолесные, степные районы) характеризуют степень урбанизации населения и сохранности традиционной культуры. Период основания (вторая половина XVI – XX вв.) и тип селений (гнездовой, дисперсный) обуславливает интенсивность и разнообразие этнических контактов.

Русская традиционная культура на территории Башкортостана развивалась в условиях крестьянской общины и менялась вслед за социальными переменами. Этот тезис очевиден при виртуальной этнографической реконструкции жизни русской деревни, которую мы провели путем объединения в одну мозаику различных источников. Это полевые записи (1985–2011 гг.) и архивные материалы: экспедиции Башкирского научно-исследовательского института языка и литературы 1938–1939 гг. под руководством Н.П. Колпаковой (Ленинград), экспедиции Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рылского Национальной академии наук Украины 1942–1943 гг., экспедиции 1948–1949 гг. кафедры фольклора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова совместно с Башкирским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы им. М. Гафури под руководством Э.В. Померанцевой.

Полевые исследования автором проведены в районах компактного расселения русских, а также украинцев, белорусов, башкир, татар, латышей, немцев, чувашей, марийцев и мордвы для выявления межэтнических

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом им промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 203.

² Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909. С. 142.

взаимодействий. Записи сделаны в Альшеевском, Архангельском, Баймакском, Благоварском, Бурзянском, Давлекановском, Дуванском, Зианчуринском, Зилаирском, Иглинском, Кугарчинском, Куюргазинском, Уфимском, Чишминском районах Башкортостана¹.

Использованы интернет-публикации о русских в Башкортостане, о государственных и районных программах возрождения этнических культур, о мероприятиях, направленных на сохранение и развитие этничности и гражданственности.

Если фольклорно-этнографические экспедиции помогают описать этническую культуру одного-двух, максимум трех поколений людей, интернет-материалы освещают современность, то заглянуть в более ранний период позволила пресса прошлых столетий. В ряде местных газет в середине XIX – начале XX столетия были популярны очерки и заметки о быте, культуре, фольклоре. Это: «Оренбургские губернские ведомости» (изд. с 1838 г.), «Уфимские губернские ведомости (с 1865 г.), «Оренбургский листок: Газета общественная и литературная» (с 1876 г.)², «Оренбургские Епархиальные ведомости» (с 1873 г.), «Уфимские Епархиальные ведомости» (с 1879 г.), «Оренбургский край» (с 1893 г.). Указанные издания знакомят с культурами далеких, в то время экзотических этносов, например, китайцев, но основное внимание уделено местным народам. Статьи и заметки посвящены башкирам (своеобразие деревень³, устно-поэтическое творчество⁴), русским (праздники, обряды⁵), отдельно – казакам⁶, киргизам (коневодство⁷), другим «инородцам»⁸. Добротные этнографические очерки повествуют об истории переселения, обрядам, одежде, языковым особенностям мордвы⁹ и чувашей¹⁰.

Автор выражает искреннюю и глубокую благодарность своим коллегам за ценные советы, работникам архивов за помощь в сборе материала, и, конечно, дорогим информаторам, без которых невозможно написание настоящих очерков.

¹ *Ахатова Ф.Г.* Восточнославянские песни в Башкортостане: фольклорные процессы в многоэтничном регионе. М., 2006.

² Оренбургский листок: Газета общественная и литературная. Изд. И.Е. Ефимовский-Мировицкий (далее – ОЛ). 1876–1906.

³ Бурзянская деревня // ОЛ. 1876. 15 авг.

⁴ Башкирские легенды о месяце // ОЛ. 1876. 16 мая.

⁵ Село Романовское, заговоры, свадебные и другие обряды среди жителей этого села // Оренбургский край (далее – ОК). 1894. № 200 (13 июня).

⁶ Русские казаки // ОЛ. 1900. 5 нояб.; Сибирские казаки // ОЛ. 1900. 5 дек.; *Завьялов А.* Свадебные обряды казаков Челябинского уезда // ОК. 1894. № 220 (29 июня); № 223 (6 июля); № 226 (13 июля).

⁷ Коневодство у киргиз // ОЛ. 1876. 5 окт.

⁸ Встреча весны // ОЛ. 1876. 10 окт.; 17 окт.; 24 окт.; Погребальные обряды // ОЛ. 1904. 3 окт.

⁹ *Бурдуков М.* Мордва (этнографический очерк) // Уфимские губернские ведомости (далее – УГВ). 1905. № 176 (18 авг.); № 177 (19 авг.); № 178 (20 авг.).

¹⁰ *К-н.* Из быта чувашей Уфимской губернии // УГВ. – 1905. – № 21 (27 янв.); *Бакалина Е.* Чувашский обычай похищения невест // УГВ. 1905. № 66 (23 марта); *Бурдуков М.* Чуваша. Этнографический очерк // УГВ. 1905. №; 190 (6 сент.); № 191 (7 сент.); № 192 (8 сент.); № 193 (10 сент.); № 194 (11 сент.).

Раздел 1

РУССКИЕ СЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКОРТОСТАНА

Из истории заселения русскими Башкирского края

Первые русские переселенцы – стрельцы, казаки, дворяне и их крепостные – появились в крае во второй половине XVI в., после присоединения основных земель Башкирии к Русскому государству, до середины XVII в. заселяли центральную (вокруг Уфы) и северо-западную часть, а с середины XVII в. стали продвигаться в Зауралье. На новой территории в XVI–XVII вв. строили города-крепости (Уфа, Мензелинск, Бирск) и оборонительные линии. В конце XVI – начале XVIII вв. на территории Башкирии насчитывалось свыше 30 крепостей. Их жителями были в основном русские.

С середины XVII в. и до 30-х – 40-х гг. XVIII в. возникли крепостные укрепления по р. Исеть, сформировалось исетское служилое казачество. В 30–50-е гг. XVIII в. в связи с постройкой Оренбургской укрепленной линии и основанием г. Оренбурга создано Оренбургское казачье войско.

Переселение русских на Южный Урал осуществлялось в нескольких формах. Помимо военно-правительственной колонизации (основание крепостей-городов, поселение воевод с гарнизоном), имели место крестьянская (самая массовая), монастырская (основание монастырей с конца XVI в.), дворянская и заводская (XVIII–XIX вв.).

На рубеже XVII–XVIII вв. в крае появились старообрядцы, бежавшие на Южный Урал и Зауралье от преследований официальной церкви и правительства из центральной России и Прикамья. Немало было и беглых крепостных крестьян.

Массовое переселение русского крестьянского населения на Южный Урал началось в 1730-е – 1740-е гг. из северных и поволжских, позднее – центральных и южных губерний России и Сибири. Основными занятиями пришлого населения стали земледелие, скотоводство, кустарные промыслы, в лесных районах – выделка мочала, изготовление рогож, плетение кулей. Горнозаводское население, сформировавшееся ко второй половине XVIII в. благодаря притоку крестьян из среднего Поволжья, центральных и южных районов России, совмещало работу на заводах с огородничеством. Русское городское население активно вступало в этнокультурные контакты с иными этносами, и, в свою очередь, создавало очаги русского культурного влияния¹.

Земли Южного Урала были привлекательными для русских переселенцев. А.А. Пекер в 1860 г. писал об Уфимской губернии: «Чернозём, это неистощимое русское сокровище, малоизвестное в западной Европе, покрывает здесь целые уезды. Он избавляет земледельца от удобрения полей и щедро награждает его труды, если он позаботится, хотя небрежно, вспахать свое поле. Разнообразие и обширность угодий, обилие вод и влаги, могут обеспечить и на будущее время

¹ Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 208.

благосостояние края». Исследователь отмечает обилие лесных угодий, сенокосных участков и лугов с обилием цветистых, сочных и питательных трав. Степь в большинстве случаев также удобна для хлебопашества¹.

Миграции русских крестьян на Южный Урал, особенно на юго-запад Башкирии (Белебеевский уезд) обрели массовый характер в последней четверти XIX в. в связи с отменой крепостного права, а также продажей башкирских земель в связи с межеванием. Успешному переселению способствовало открытие Поземельного Крестьянского Банка (1883), строительство Самаро-Оренбургской (1877) и Самаро-Златоустовской (1890) железных дорог. Ещё один поток переселенцев был вызван в начале XX в. столыпинскими аграрными реформами. В регионе резко повысилась плотность населения, что не могло не повлиять на хозяйственный уклад и все сферы деятельности народов, привело к полиэтнизации и активизации этнических контактов.

Заселение русскими крестьянами Южного Урала происходило в результате организованных (санкционированных властями) и стихийных миграций в связи с малоземельем на прежней родине, поиском свободных дешёвых земель на новых местах и освоением башкирского края. Другими причинами были: социальное расслоение, усиление крепостничества в центральных районах государства, репрессии против участников массовых движений (раскол), стихийные бедствия на западе (неурожаи, особенно 1891 и 1892 гг.)². В 1894 г. около 200 семей переселилось из Рязанской губернии в связи с закрытием зеркальной фабрики; в Белебеевском уезде Уфимской губернии они основали п. Рождественский и п. Царёво-Константиновский³. Крестьяне Оренбургской губернии во второй половине XIX в. переселялись в Уфимскую по причине не малоземелья, а дешёвой аренды здешних земель⁴.

О возможности заселения башкирского края крестьяне России узнавали из разных источников. По материалам В.А. Абрютина, собранным в результате расспросов переселенцев и опубликованным в 1898 г., чаще всего своим землякам сообщали бывшие крепостные крестьяне, переселённые своими помещиками на Южный Урал. Получив свободу, в большинстве они отказывались от получения надела, чтобы не связывать себя обязательствами с казной, и переходили на арендованные земли, пользуясь их дешевизной, нередко своих помещиков. Слухи о богатом и малонаселённом башкирском крае распространяли также мастеровые люди соседних губерний: «Вятские переселенцы обыкновенно говорят, что ещё задолго до зарождения мысли о переселении, они давно уже ходили в Уфимскую губернию, весною на замочку мочала, а зимою для тканья рогож, и таким путём знакомились с краем». Переселенцев «со всей земли русской» собирали мастеровые горных заводов.

¹ Пекер А. Очерк Уфы // Вестник ИРГО. СПб, 1860. С. 196.

² Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде. Тула, 2008. С. 27.

³ Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 16, 67–68.

⁴ Михайлов В. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1897. С. 82.

Некоторые переселенцы оказывались в Башкирии случайно, направляясь в Сибирь в поиске свободных земель, но оставались здесь навсегда из-за недостатка средств на дальнейшее путешествие, или прельщаясь дешёвизной и удобством местных земельных угодий. «Случаев ухода переселенцев в Сибирь было очень мало <...>. Многие из них, возвращаясь разорёнными, отбивали охоту у других пытаться счастье в дальней Сибире»¹. В. Михайлов, изучив русские поселения Уфимской губернии, отмечает; что, судя по времени образования посёлков, движение и устройство переселенцев в Уфимской губернии совпадает с периодом движения крестьян в Сибирь, с конца 1870-х гг. до конца XIX столетия, оно шло постоянно и непрерывно»².

Процесс освоения края был трудным. Некоторые возвращались на родину. Так произошло, например, с первыми 10 семьями выходцев из Екатеринославской губернии, пожелавшими устроиться в Ермекеевской волости Белебеевского уезда. Их не устроил холодный климат, недостаток воды, серая, суглинистая земля. Однако некоторые сородичи остались и основали п. Самойловский³.

О том, как выходцы из с. Царева Елатомской округи Тамбовской губернии появились на южно-уральских землях, читаем: «После составления списка переселенцев с. Царева захватили заботы по подготовке к трудному и долгому пути. Мужчины день и ночь пропадали на гумнах, топили овины для сушки оставшихся снопов и розвязи (розвязь – стебли пшеницы, не связанные в снопы), слышался перестук цепов и топот копыт – шла молотья <...>. Во дворах готовили телеги, сбрую и усиленно кормили лошадей. В одну-две-три повозки надо было уложить весь домашний скарб, усадить всех членов семьи и взять с собой скотину. У обычных крестьянских телег поднимали выше наклейки (борта) для большей вместимости. Заднюю часть телеги накрывали тёсом или лыком от дождя и зноя. Сбивали клетки для домашней птицы. Мужчины плели лапти, женщины готовились не только варить еду в дороге, но и печь хлеб. Кроме домашнего скарба каждая семья брала с собой соху, борону и семена разных культур для сева». Преодолев тысячу вёрст, крестьяне трое суток обивали пороги в уездом городе, чтобы получить разрешение на поселение. Затем землемер определил место для домов, границы огородов, наделы земли для хлебопашества. Договорились, что застройка будет уличной. После этого переселенцы на скорую руку соорудили шалаши от дождя и солнца. Большие семьи сразу строили срубные дома. Некоторые ставили дом на две семьи, другие останавливались на строительстве полуземлянок⁴.

Некоторые русские переселенцы, не имея средств, арендовали землю. Владельцы земель в первое время помогали переселенцам устроиться, выдавали лес, хлеб, денежное пособие. Состоятельные люди покупали землю за наличные

¹ *Абрютин В.А.* Указ. соч. С. 11–12, 21.

² *Михайлов В.* Указ. соч. (далее – Михайлов В., 1897). С.11; *Михайлов В.* Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898 (далее – Михайлов В., 1898). С. 8–9.

³ *Абрютин В.А.* Указ. соч. С. 65.

⁴ *Кабанов Г.С.* Мы – переселенцы. Оренбург, 1999. С. 13–14.

деньги при содействии Крестьянского Поземельного Банка. По характеру землевладения выделялись следующие группы русских крестьян: в) «водворившиеся на казенных землях»; б) арендующие землю; в) на купленной земле у башкир и частных владельцев¹.

Жители п. Рождественский и п. Царёво-Константиновский Белебеевского уезда как бывшие мастеровые, несмотря на наличие выделенных им хороших участков земель, не стали заниматься сельским хозяйством, а свои наделы сдавали в аренду².

Колониальная политика Русского государства, в том числе появление многочисленных русских селений на отнятых или за бесценок проданных башкирских землях, в XVII–XVIII вв. привела к массовым возмущениям башкир и череде восстаний. В XIX в. ситуация стабилизировалась, и отношения между народами перешли в русло хозяйственных взаимодействий. Например, есть сведения о том, что конфликт между жителями с. Ярославка Дуван-Мечетлинской волости с одной стороны, с. Сабанаково и с. Лемез-Тамаково с другой — завершился тем, что русские крестьяне своих соседей – башкир-скотоводов – начали снабжать хлебом и картофелем взамен на разрешение пользоваться их землёй³.

Увеличивалась численность русского населения. Согласно наиболее ранним достоверным сведениям, в 60-х гг. XVIII в. в Оренбургской губернии, куда входила Башкирия, их было около 100 тыс. чел.⁴ К началу XIX в. цифра возросла более чем в три раза и достигла 325,5 тыс. чел. (46% от всего населения губернии). В 1897 г., согласно всеобщей переписи населения, «великороссы», для кого русский язык был родным, в выделенной Уфимской губернии составляли 834,1 чел. (37,97% населения). В новых границах Оренбургской губернии их насчитывалось 1126 тыс. чел. (73,2%). В Уфимской губернии большей частью они проживали в Уфимском (27,37%), меньшей – в Бирском, Стерлитамакском, Мензелинском, Златоустовском и Белебеевском уездах⁵.

На протяжении XX столетия усиливались урбанизационные процессы. После образования Башкирской АССР основная часть земель оренбургского казачества и горнозаводского населения оказалась за её пределами. По переписи 1926 г., в Башкирии проживало 1064,7 тыс. русских⁶. К началу 1940-х гг.

¹ *Абрютин В.А.* Указ. соч. С. 13.

² Там же. С. 67–68.

³ Село родное Ярославка / авт. и сост. С.А. Брагина, А.В. Ковин, А.П. Ковин. Дуван, 2009 (?). С. 14.

⁴ *Акманов И.Г.* Хозяйство населения Южного Урала в XVII–XVIII вв. // *Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI–XX вв.* Уфа, 1994. С.5–23.

⁵ Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. VII; *Кучумов И.В.* К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана). Уфа, 2010.

⁶ Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа, 1926.

численность русских достигла 1281 тыс. чел¹. В годы Великой Отечественной войны сюда были эвакуированы тысячи русских, многие из которых обрели новую родину.

Начиная с середины XIX в., славянское и тюркское население республики находятся в устойчивом демографическом равновесии. Перепись населения 1989 г. отметила 50,3% мусульманского населения – башкир и татар, и 42% русских, украинцев, белорусов и других православных народов. По итогам переписи 2002 г. в Республике Башкортостан было 130 национальностей и этнических наименований; славянский мир по-прежнему остался в паритетных отношениях с тюркским. Русские, украинцы и белорусы составили 38,1 % населения, башкиры и татары – 54,0 % населения, соответственно 1221302 чел. и 990702 чел.

В настоящее время русские расселены по территории Башкортостана повсеместно, но неравномерно. Более всего они сосредоточены в южной, северо-восточной и центральной зонах. Большинство (83,02%) проживает в городах.

Формирование поселений

На купленных у башкир землях русские крестьяне основывали селения разного типа – от хуторов-одинок, хуторов-поселков, выселков, починков до крупных сёл, посёлков и деревень. В них проживало от десятка до тысячи и более человек². Термин *село* больше был характерен выходцам из южных, *деревня* – из северных губерний. На территории Башкортостана селом стали называть крупные селения с общим для нескольких деревень церковным приходом и волостным управлением. Казачество жило в *станицах*, горнозаводское население – в *заводах*³, староверы – в глухих деревушках и хуторах; иногда хутора разрастались до размеров небольших деревень⁴.

Некоторые переселенцы какое-то время «бродили по краю, снискивая себе пропитание временными работами по найму»⁵ и лишь затем сооружали временные и постоянные жилища. Отдельные семьи обосновывались в селениях ранее прибывших сородичей или других народов, прежде всего, родственных по

¹ Ковязин С.А. Русское население Башкирии (история, современность, религия, обычаи и обряды). Уфа, 1991.

² Дело об устройстве быта переселенцев Оренбургского края (1875 г.) // ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14494. Л. 2; Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1981.

³ Завод в данном случае – тип селения на Урале с населением до нескольких тысяч человек, в которых бывшие крестьяне становились рабочими заводов, но продолжали заниматься традиционным хозяйством. Заводы напоминали города. По М.А. Круковскому [Указ. соч. С. 277], «заводы представляют смесь всех племен и народов. Здесь городские постройки, городские костюмы. Только монгольские народы удерживают свой костюм, свой стиль».

⁴ Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале. Уфа, 2002. С. 144.

⁵ Дело об устройстве быта. Л. 5.

культуре (украинцы, белорусы). В ряде случаев у инородцев получала приют компактная группа русских переселенцев. Так, наиболее ранние переселенцы-кунгуряки, по исследованиям В.С. Касимовского 1860-х – 1870-х гг.¹, вначале имели свой «временный притон» в Дуван-Мечетлинской волости Златоустовского уезда Уфимской губернии (на северо-востоке республики), «в маленькой мордовской деревушке, имеющей домов 20, находящейся при реке Малой Кошелевки и называемой, по имени башкирской волости, Дуваном». Они стали «кортомить (брать в аренду) у башкир удобные для хлебопашества плодородные земли и в 1760–1770 гг. основали село Дуван. Почти одновременно крестьяне из Пермской губернии (в основном кунгуряки) основали села Тастуба (упоминается в документах 1787 г.), Лемазы (1788 г.), Метели (1793 г.), Месягутово (1798 г.), Сикияз (Тепловка, 1798 г.), Сарты (1798 г.), Озеро (1798 г.). Из разросшихся образовывали новые селения, например, село Тастуба Дуванского района вплоть до середины прошлого столетия имело много выселков, которые, в свою очередь, имели выселки: Харинский, Мусихинский (ныне с. Вознесенка), Аптышевский, Луканинский, Зайцевский и др.².

Русские селения на территории Башкортостана возникали как в результате добровольного, так и вынужденного переселения крестьян. Было огромное количество помещичьих селений. По материалам прессы, д. Леонидовка Белебеевского уезда Уфимской губернии основали в 1820-х гг. крепостные крестьяне, сосланные сюда по воле помещика Б. «за провинности»³. Первыми жителями села Побоище Кугарчинского района стали «мосали» – четыре семьи крепостных крестьян из-под Тулы и Рязани, выигранные в карты помещиком Мосоловым⁴.

Названия селений возникали от имен и фамилий основателей (с. Метели – Метеля, с. Ермолаево – майор А.Т. Ермолаев), помещиков и их наследников (Аксаковка, Волково, Зубово / Екатериновка). Сёла именовали в честь возведенных церковных храмов (Богородское, Покровка, Вознесенка, Спасское, Ярославка / Никольское). Они отражали конфессиональные особенности первых жителей (Молоканово⁵), место их прежнего проживания (п. Костромской, п.

¹ *Касимовский В.* Исторические очерки о Дуване (1868, 1877 гг.). Месягутово, 1991. С. 6; *Этнографический очерк села Дувана Уфимской губернии Златоустовского уезда.* Составлен Действительным Членом Уфимского Статистического Комитета В. Касимовским // Уфимские губернские ведомости. 1868, 1877; *Касимовский В.С.* Несколько слов о кунгуряках, живущих в Уфимской губернии // Русские Башкортостана. История и культура. Уфа, 2003. С. 101–108.

² *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 501.

³ *Бурдуков М.С.* Верхнетроицкое Белебеевского уезда // УГВ. 1905. № 166 (4 авг.).

⁴ Полевые материалы автора (далее – ПМА) 2000 г.

⁵ Молокане – одна из разновидностей «духовных христиан», сложилась во второй половине XVIII – начале XIX в. в Тамбовской губернии и распространилась затем на ряд других районов страны, включая Сибирь и Закавказье. Молокане отрицают церковь, церковную иерархию, пост, иконы и богослужебные обряды православия, моления совершают в молельных домах, поют библейские тексты. За выступления против

Пензенка, п. Самарский) и своеобразии местности на новой родине (Березовка, Красный Яр, Большой Лог, Красная Горка). В ряде случаев топонимы соответствовали местным гидронимам (с. Лемазы основано у р. Лемазы; с. Ермолаево / с. Куюргаза – у р. Куюргаза). Русские, переехавшие группой уже в заселенные места, часто перенимали старые названия (с. Дуван). Обосновываясь рядом с нерусскими, к местному топониму добавляли «Русский» (Русский Юрмаш, Русское Урсаево). Некоторые селения имели названия на русском и башкирском языках (Рухтино / Исакаково, Тепловка / Сикияз). Топонимы варьировались (в Белебеевском уезде: Сысоевка / Сысуевка / Тамбовка / Ломоносовка¹). Одно русское селение в разное время могло иметь несколько названий (в том же уезде: Малозингереево / Дурасовка / Малая Дурасовка / Русская Зингереевка, Зингереевка, Малая Зингереевка²).

Двойные названия объясняет история селений. Так, д. Бекетово Ильинской волости Белебеевского уезда основана крестьянами помещиков Бекетовых. После разорения Бекетовых прилегающие к деревне земли заложили в Белебеевском отделении Крестьянского поземельного банка., а затем продали переселенцам из деревень Никулино, Донская и Липиновка Шигровского уезда Курской губернии. Это произошло около 1880 г. Новую деревню назвали Донская. Крестьяне старой деревни в 1850-х – 1880-х гг. принадлежали поручице Ивановой Марье Федоровне, селение в этот период называлось Ново-Бекетово и Ивановкой. Со временем обе деревни слились, до 1970-х гг. одна часть деревни называлась Донская, а другая – Бекетово³.

Некоторые топонимы связаны с историческими событиями. На территории Кугарчинского района в XVII–XVIII в. была д. Ивановка. Во времена Пугачевской войны здесь развернулись жестокие сражения, и деревня была сожжена. Вновь выстроенное селение стали называть Побоищем⁴. Название села Дуван происходит от слова «диван», который являлся символом канцелярии, центром, где записывали население для обложения налогом. По другой версии, Дуван – от слова «дуванить», т.е. сбывать, делить награбленное, т.к. «Дуван стоял на большой дороге, где разбойники грабили проезжающих»⁵. Происхождение топонима могло быть связано с названием местного башкирского племени дувани.

Вновь прибывшие переселенцы подселялись к землякам (кунгуряки в

официальной церкви молокане подвергались преследованиям со стороны царского правительства [URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Молокане> (дата обращения: 15.07.2011)]. По информации П.П. Чернова (1928 г.р.), уроженца и жителя с. Молоканово Куюргазинского района РБ, молокане их деревни не ели свинины, не держали в домах икон. О наличии молельных домов и церкви в селе он не помнит.

¹ Земля Ермакеевская ... / Под ред. В.Я. Бабенко. С. 170.

² Там же. С. 207.

³ Там же. С. 213.

⁴ ПМА 2000 г. С. Побоище Кугарчинского района РБ.

⁵ Русский фольклор Башкирии. Записи фольклорных экспедиций 1948–1949 гг. кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Башкир. НИИ ист., яз. и лит. им. М. Гафури под рук. Э.В. Померанцевой. Дуванский район // Архив Уфимского науч. центра РАН Ф. 3. Оп. 12. Д. 194. Л. 16–17, 557.

с. Ярославка), либо образовывали новые селения. Так, поселок Даниловский Дуванской волости в 1878 г. основали крестьяне из Смоленской, Пензенской, Симбирской и Костромской губерний. Поселок Пичугинский той же волости в 1880–1891 гг. – выходцы из Вятской, Пензенской, Минской, Симбирской, Смоленской, Тульской, Пермской, Самарской и Костромской губерний¹.

Компактное расположение русских селений, в которых живут выходцы из одной губернии, а значит, представители одного культурного диалекта, позволило быстрее и легче, чем другим, адаптироваться к местной природно-географической и социально-экономической среде, в условиях общего землевладения решать проблемы и, как показало исследование, сохранять этнолокальные традиции. Жители соседних селений поддерживали контакты путем проведения совместных праздников и обрядов, на которых завязывались знакомства будущих супругов. Консолидирующую роль выполняли ярмарки и базары. Так, например, жители Вознесенки Дуванского района сбывали свой товар в базарном селе Дуван (12 верст) и на Метелинской пристани при р. Ай (33 версты); имели торгово-экономические связи с Тастубой, Ярославкой, Сальёвкой.

На территории Башкирии во второй половине XIX в. преобладали русские поселения от 50 до 100 дворов². В конце XIX – начале XX вв. возросло число малодворных поселений, которые сохранялись вплоть до 2000-х гг. (хутор Сурень Кугарчинского района – 5 дворов, не более двух десятков чел.). В то же время экспедиционные материалы 2011 г. в Дуванском районе зафиксировали: в с. Тастуба 435 дворов, 1326 чел., с. Метели 390 дворов, 1074 чел.; в с. Вознесенка 420 дворов, 1320 чел.

На протяжении XIX–XX столетий усиливалась полиэтнизация русских селений. В 1870 г. в Уфимской губернии насчитывалось 895 русских селений, в том числе 39 русско-башкирских, 13 русско-татарских, 13 русско-марийских. В 1926 г. в Башкирской АССР было 4 тыс. однонациональных русских и 300 смешанных селений³. Сейчас сложно найти моноэтнические русские селения, большинство стало полиэтническими и поликонфессиональными. Даже хутор Сурень представлен тремя русскими и двумя башкирскими дворами. Хутор Молокановский (ныне село Молоканово) Куяргазинского района основали в конце XIX в. молокане, к ним подселились православные русские и мордва, еще позднее – башкиры, татары, казахи. Согласно переписи, в 2002 г. в селе русские составили 58% населения, башкиры – 34%⁴.

Есть основания предполагать, что полиэтнизация русских селений Башкортостана будет продолжаться, также, как процесс поглощения небольших селений более крупными.

¹ Страницы истории Дуванского района. Месягутово, 2001. С. 19, 36.

² Уфимская губерния. Список населенных пунктов по сведениям 1870 г. СПб., 1877. С. 111; *Шитова С.Н., Ковязин С.А.* Русские // Народы Башкортостана. Уфа, 2002. С. 236.

³ *Шитова С.Н., Ковязин С.А.* Указ. соч.

⁴ Молоканово: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 01.09.2011).

Общеэтнические, региональные и локальные особенности

Своеобразие русских селений на Южном Урале определялось природно-географическими особенностями местности и локальными традициями выходцев из разных губерний России. Переселенцы стремились основаться на землях, близких по ландшафту и климатическим условиям с прежней родиной. В горнолесных районах (Бирский, Златоустовский уезды) селились выходцы из соседних Пермской и Вятской губерний, в степных и лесостепных уездах – из южных губерний. У В. Михайлова читаем: «Переселенцы степных местностей не заходили даже в Бирский уезд, а исключительно направлялись в южные уезды губернии, где <...> находили для себя подходящие условия»¹. Они использовали опыт, накопленный на прежней родине, и местных народов, в строительстве, планировке и обустройстве жилищ, хозяйственных построек, социально-значимых объектов.

В то же время русские селения на Южном Урале и России по внешнему виду характеризовались схожестью, обусловленной не только типологией, но и, по источникам XIX в., «консервативностью взглядов русского крестьянства и стремлением всегда подражать соседу». В 1860 г. А.А. Пекер, один из создателей Уфимского губернского музея (ныне – Национальный музей Республики Башкортостан), пишет: «появилась ли в селе изба с навесом на воротах – через несколько времени на всех воротах вы найдете навесы. Раскрасит ли крестьянин свои ставни зеленою и желтою краскою – все ставни в селении окрасятся точно такой же краской. Приделает ли он резьбу на своей крыше, и все крыши украсятся резьбою. Таким образом и селения подражают одно другому, и мы увидим, что отличительный обычай господствует в целых уездах и целых губерниях»².

По записям члена Оренбургской статистической комиссии, блестящего ученого и краеведа второй половины XIX столетия Р.Г. Игнатьева, жилые и хозяйственные постройки русского населения Южного Урала «ничем не отличаются от таковых в Великороссийских губерниях»³. По М.А. Круковскому, посетившему Башкирию в 1909 г., «уральские деревни отличается от великорусских только необыкновенно широкими улицами; видно, что здесь когда-то не было недостатка в земле»⁴.

Улицы делали двухсторонними, односторонними и квартальной планировки. В с. Ярославка (Никольское) Златоустовского уезда Уфимской губернии раньше возникли «односторонки», они располагались по берегам ручьев и речки Мелекес; две улицы – по обоим берегам р. Сосновка.

¹ Михайлов В., 1898. С. 9.

² Пекер А.А. Несколько слов о домашнем быте русских крестьян // Оренбургские губернские ведомости (далее – ОГВ). 1860. № 15 и 16 (16 апр.). С. 69.

³ Игнатьев Р.Г. Рукопись Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии // ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40.

⁴ Круковский М.А. Указ. соч. С. 136.

Двусторонняя улица по южному берегу р. Черный ключ появилась позднее¹. Д.К. Зеленин посетил село староверов Усень-Ивановского завода Белебеевского уезда Уфимской губернии, в котором широкие прямые двухсторонние улицы направлены с юга на север². В русском селе горнолесной зоны, по описанию М.А. Круковского, от главной улицы шло несколько поперечных³.

В настоящее время многие русские (как и башкирские и другие) селения имеют квартальную и уличную планировку, состоят из одного, двух или нескольких двусторонних порядков, расположенных параллельно и соединенных проулками. В горнолесной местности улицы располагаются, приспособившись к изгибам ландшафта. Сохранились селения частично с беспорядочной планировкой (с. Молоканово). Характерна значительная вытянутость (с. Вознесенка – более чем на 7 км) и территориальная близость старых селений (между Вознесенкой и Тастубой 500 м). В некоторых селах дома отдалены от дороги на десяток метров (с. Вознесенка), что снижает риск для маленьких детей и домашней живности, уменьшает шум, попадание в жилище пыли.

Расположение русских домов относительно улицы было разнообразно, в северных и западных районах – чаще узкой стороной, в южных – широкой. Появившиеся во второй половине XIX в. пятистенки встали широкой стороной. Размеры и типы домов отличаются даже в пределах одного селения. В селах Дуван, Месягутово, Метели, Вознесенка, Тастуба, Ярославка, Сальёвка Дуванского района (бывший Златоустовский уезд) многие старые дома и сейчас возвышаются на высоком фундаменте как крепости, защищающие хозяев от природных и социальных потрясений. Здесь же встречаются маленькие низенькие избушки с пристроем (*сенцами*). Нами сделаны фотографии рубленых домов, построенных без единого гвоздя, по словам местных жителей. В с. Тастуба такой дом ныне принадлежит приезжей семье Кукубаевых, в с. Вознесенка – уроженцу села Николаю Никифоровичу Горкунову (1930 г.р.).

В начале XX в. русские селения на краю имели городок широких и приземистых риг⁴, почти полностью закрытых сверху соломой; рядом стояли стога с узким одоньем⁵. С другой стороны деревня заканчивалась поскотиной⁶, за которой стоял крест, благословляющий путника в дорогу. Поскотина имела

¹ Село родное Ярославка. С. 9, 21.

² Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1905. Т. 21, № 3. С. 201–258; То же: Бельские просторы. 2011. № 1. С. 93–108; № 2. С. 144–159; Зеленин Д.К. Усень-Ивановский говор // Известия Отделения русского языка и словесности РАН. 1905. Т. 10, вып. 2. С. 93–108.

³ Круковский М.А. Указ. соч. С. 146.

⁴ Рига — род хозяйственной постройки, используемой для сушки снопов и молотьбы.

⁵ В Белорецком и Дуванском районе вытянутая форма стога сохранилась и ныне. В южных районах стог напоминает тюркскую юрту.

⁶ Поскотина – пастбище, выгон для скота; изгородь вокруг выгона [Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка (онлайн версия): URL: <http://www.classes.ru/.../russian-dictionary-Ushakov.htm>] (дата обращения: 16.04.2011).

громадные ворота, вращающиеся на вертикальной оси. У ворот был построен балаган для сторожа, задача которого – открывать и закрывать ворота. Балаган представлял высокую постройку конической формы, напоминающую самоедский чум; иногда это низкая землянка. Балаган делался из дерна, положенного на жерди, с маленьким отверстием для входа, завешенным рогожей. Вверху имелось отверстие для прохода дыма. Внутри балагана трудно повернуться. В одном углу лежала постель, в изголовье – сундук, рядом табурет, служащий столом, а посреди – очаг для огня. Огонь разводился в ненастную погоду, а в ясные дни – снаружи. На досуге сторож тут же, у своего шалаша, плел лапти и корзины¹. Наши информаторы рассказали, что они строили балаганы как укрытия от дождя на время покосов, которые порой располагались в 10 километрах от родного селения (для тех, кто не вступал в колхоз)². Сейчас на окраине сёл стоят колхозные и частные фермы.

Повсеместно на территории Башкортостана дома в русских селениях делали с двускатными (коньковыми) или четырехскатными (шатровыми) крышами, редко – самцовыми. В прошлом крыши и домов, и хозяйственных построек застилали соломой, в ряде районов драньём (*драницами*), там, где в достатке был лес, тёсом. В горнолесной зоне в начале XX в. крыши домов крыли тёсом и железом. Соломой и кусками дёрна корнями вверх покрывали только сараи. Чтобы солому не сдувало ветром, клали жерди – *прижимы* или *ветряницы*³. В с. Вознесенка Дуванского района дома с тесовыми крышами и дворы, крытые соломой, встречались до 1960-х гг.⁴ У зажиточных крестьян, торговцев и священнослужителей раньше стали использоваться тёс, а затем железо. В южных районах республики соломенные крыши встречались в 1960-х гг., но уже в то время их активно вытесняли покрытия промышленного производства – жёсть, шифер и толь. По информации П.П. Чернова (1928 г.р.), к замене крыш на железные призывали местные власти для снижения пожарной безопасности. Он, будучи шофером, снабжал материалом село, «вперед жёсть была, а потом шифер»⁵. Сейчас население активно использует профнастил и металлочерепицу.

«Визитной карточкой» русских селений северных районов являются огромные тяжелые ворота. Как пишет М.А. Круковский, обычай ставить крепкие ворота сохранился с глубокой древности для укрытия от внешних и внутренних врагов, в то время как у малороссов, белорусов и поляков даже в селениях, богатых лесом, воротами служит простая решетка, скорее для защиты от скотины, чем из боязни чужих людей. «Замкнутость, обособленность – вот характерные черты великоруса, и в этом он сильно отличается от своих более открытых соплеменников»⁶. Уже на рубеже XIX и XX в. «русские» или

¹ Круковский М.А. Указ. соч. С. 135–136.

² ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

³ Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов // Бельские просторы. 2011. № 1. С. 101–102.

⁴ ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова (1939 г.р.).

⁵ ПМА 2011 г. С. Молоканово Куюргазинского района РБ.

⁶ Круковский М.А. Указ. соч. С. 146.

«столбовые» ворота (сплошь из досок под тесовой двускатной крышей) были заимствованы башкирами и распространилась на территории Башкортостана повсеместно, особенно в северных и горнозаводских районах¹, иногда в южных степных селениях².

Ещё одной особенностью русских селений в начале XX в. М.А. Круковский и Д.К. Зеленин называли отсутствие зелени. Это объяснялось традициями людей, раньше живших в условиях, когда лес начинался сразу же за усадьбами³. Деревья около домов «стали сажать в последнее время», «по требованию полиции появились у некоторых небольшие палисадники»⁴. В 1891 г. Ф. Стариков у оренбургских казаков отметил, что палисадники стали разбивать по распоряжению начальства, «а в них красуются деревья и ягодные кусты»⁵.

По исследованиям Е.П. Бусыгина, еще в середине XX в. озеленение русских селений было незначительным, палисадники имелись у немногих домов, встречались деревни, где не растет ни одного дерева. В русских селениях центральных и южных районов (Николаевка Стерлитамакского района), расположенных вблизи от украинских (Золотоножка того же района) дома скрыты под кронами тополей, лип, кленов, фруктовых растений⁶. По полевым материалам, палисадники в русских селениях Башкортостана широко распространились в 1960-х гг. Сейчас они – неотъемлемый элемент усадьбы⁷. В некоторых селениях (с. Вознесенка) одновременно со строительством дома перед усадьбой высаживали тополь, чтобы его могучие корни вытягивали влагу из подпола. В 2010–2011 гг. вековые деревья местные жители стали рубить, сразу же испытав неудобства.

Этнолокальные особенности нивелировались, формировались территориальные русско-башкирские, русско-татарские и иные общности, обусловленные природно-географическими особенностями, наличием местных строительных материалов. В лесной зоне русские, башкиры, мордва и другие имели возможность строить добротные бревенчатые дома. В степных районах русские из-за отсутствия лесов ставили глинобитные избы, заимствуя у башкир способы строительства⁸.

В конце XIX в. в одном и том же селении дома были из разных материалов. В Стерлитамакском уезде Уфимской губернии: в п. Никольский Калкашевской волости 16 деревянных и 2 земельных дома, п. Михайловский той же волости – 20 деревянных и 2 земляных. В п. Свинуховский Рязановской волости насчитыв-

¹ Там же. С. 50, 53, 56

² ПМА 2011 г., С. Якшимбетово Куюргазинского района РБ.

³ Круковский М.А. Указ. соч. С. 146.

⁴ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 101–102.

⁵ Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Составил Войсковой Старшина Ф. Стариков. Оренбург, 1891. С. 195.

⁶ Бусыгин Е.П. Указ. соч. С. 108–127.

⁷ ПМА 2011 г. С. Вознесенка, с. Тастуба Дуванского района РБ.

⁸ Историческое значение присоединения Башкирии к Русскому государству: URL: <http://baimak-gorod.ucoz.ru/publ/1-1-0-2/> (дата обращения: 08.02.2012).

валось 8 деревянных и 6 земляных изб. В п. Николаевский Дедовской волости – 17 деревянных, 2 – из саманного кирпича и 7 земляных и плетнёвых, п. Петровский той же волости – 39 деревянных и 17 плетнёвых изб¹. В селениях переселенцев в Белебеевском уезде в 1897 г. насчитывалось 2458 дворов. Большинство семей жило в деревянных домах – 2054, в плетнёвых и саманных – 233, в землянках – 124, в квартирах – 50².

В ходе экспедиции и в русских, и в башкирских селениях Хайбуллинского и Баймакского районов Башкортостана в конце 1930-х гг. выдающийся фольклорист и этнограф Н.П. Колпакова зафиксировала «дома из глины, обмазанные тоже глиной, темно-шоколадного или коричневого цвета. Окна на уровне земли, и вообще дома не выше человеческого роста <...>. За плетнями внутри дворики небольшие огороды, много подсолнухов»³. По исследованию С.Н. Шитовой, особенности башкирских селений сформировались не только под влиянием природных условий, но и соседних русских селений⁴.

Метко подметил М.А. Круковский в 1909 г.: «В степи нет леса, и потому и башкир, и великоросс должны делать одинаковые небольшие низкие глинобитные постройки. Природа в течение веков объединяет всех, и те, которые сеют национальную рознь, которые думают, что их народ лучший, а другой худший, непростительно грешат против святых законов великой природы»⁵.

Природа Южного Урала испытывала на прочность и русских крестьян, и башкир, и татар, и других. Путешественники в губернской прессе отмечали многочисленные трудности и проблемы, с которыми сталкивалось местное русское население. Особенно сложно приходилось многоснежной и холодной зимой, обычной для этих мест. Редактор «неофициальной» части газеты «Оренбургские губернские ведомости» И.П. Сосфенов пишет: «длинный ряд домов селений <...> скрывался под сугробами снега, и не было видно не только окон домов, но даже ворот»⁶. Местного обитателя подстерегали всевозможные случайности, «начиная от возможности быть занесенными беспощадными продолжительными буранами и метелями в громадных степях во время пути, кончая недостатком съестных припасов»⁷.

И зимой, и летом дополнительные трудности создавало «невыгодное» местоположение русских селений вдали от цивилизации. Д. Леонидовка⁸ была основана «среди дремучего леса, вдали от людского жилья», на месте, которое «как нельзя лучше подходит для ссылки» крестьян. Деревня представляла

¹ Михайлов В., 1897. С. 166–183.

² Абрютин В.А. Указ. соч. С. 45.

³ Колпакова Н.П. Путевой дневник // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976. С. 225.

⁴ Шитова С.Н. Указ. соч. С. 50, 53, 56

⁵ Круковский М.А. Указ. соч. С. 276.

⁶ *Ив. С-ф-ъ.* Топографические и статистические записки, веденные во время приезда из Уфы в город Стерлитамак и Белебей // ОГВ. 1846. № 59. С. 468–473.

⁷ Встреча весны инородцами Оренбургского края // ОЛ. 1876. № 40 (26 сент.).

⁸ По справочнику «Населенные пункты Башкортостана. Ч. 1: Уфимская губерния. 1877» [Уфа, 2002. С. 189], в д. Леонидовка (Андреевка) Белебеевского уезда на указанный период было 25 дворов, проживало 160 чел., занимались пчеловодством.

«очень дикий и забытый уголок». В ней насчитывалось около 70 небогатых дворов. Избы ставили в большинстве случаев из «тонкого леса», с соломенной крышей. Надворные постройки делали плетневыми. Дороги – мелкие проселочные, проложены через леса. По берегам оврага били ключи, водой которых люди пользовались для питья¹.

Проблема водоснабжения стояла в селении К.² Белебеевского уезда. Как и в других случаях, вблизи дворов здесь были построены колодцы; вода извлекалась с помощью ведра, привязанного на веревку и опускаемого посредством «журавля». Местные жители провели также канаву, чтобы вода шла из родников, находящихся в верстах двух от деревни, а маленькая речка, протекающая через деревню «освежалась», пополнялась чистой и свежей водой, и летом не пересыхала. Однако канавы быстро засорились, вода стала разливаться, образовав болотистое место, все больше и больше разрушая почву и дороги. В результате «мучаются люди, вязнут в этой непролазной грязи лошади и возы», но порядок наводить никто не хочет. Посреди деревни через речку перекинут мост, покрытый соломой. Берега речки утрамбованы соломой с навозом. Имеющийся в деревне желто-зеленый пруд доставляет удовольствие только для свиней. «И гром гремит, и к-цы не крестятся», «ссоры, раздоры да несогласья царят здесь в полной силе». В селе около 170 дворов, причем «жители считаются людьми зажиточными». Однако «школа ютится чуть ли не в курной избе», полы разрушены так, что «доски подпрыгивают как клавиши музыкального инструмента», а печь напоминает «наклонную башню». Попытка построить новую школу «натолкнулась на безразличие жителей и нежелание помогать»³.

Письменные источники, особенно пресса, во все времена отражала негативные и неординарные явления, что замечено Ю.М. Лотманом⁴. Публикации были ли направлены на улучшение положения населения губернии в целом, на борьбу с негативными явлениями. В середине XIX столетия в прессе критиковались нерадивые хозяева, их «беспечность в отношении удобства жизни и улучшения хозяйства». У некоторых дом – «это маленькая, покривившаяся изба, в которую свет едва проникает сквозь крошечные окошки или иногда отверстия, через которые с трудом можно просунуть голову. Печь большею частью без трубы. Потолок и стены закопчены до черна от дыма. Пол грязный с дырами и щелями в два пальца. Рамы в окошках – полусгнившие от мокроты: во время зимних морозов на рамах с внутренней стороны образуется толстая ледяная корка, попеременно тающая и замерзающая. Часто вместо стекол в раму воткнуты зимою тряпки или подушки». Такое жилище является настоящим испытанием во время сильной стужи: «холод проникает из окон, дверей, пола, иногда из потолка».

¹ Бурдуков М.С. Верхнетроицкое Булебеевского уезда // УГВ. 1905. № 166 (4 авг.).

² Полное название села не указано.

³ Б-в. Из нравов сельских жителей губернии // УГВ. 1905. № 158 (24 июля).

⁴ Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.

Неудивительна высокая детская смертность и «естественный отбор природой сильных человеческих особей»¹.

В последние годы и в русских, и нерусских селениях Башкортостана, расположенных вблизи от городов, за короткое время появились этнически нивелированные новомодные коттеджи-дворцы замысловатой формы из красного и белого кирпича, с бассейнами, фонтанами, прудами с золотыми рыбками. Ландшафтные дизайнеры соревнуются в оригинальности и великолепии, а хозяева озабочены сохранностью имущества. (Раньше в русских или иных деревнях на дверях лишь символически вешали замок, не закрывая его на ключ, как знак отсутствия хозяев в доме и как оберег.) Рядом стоят старые дома с народным архитектурным декором, которые горожане среднего достатка используют в летнее время как дачи. На месте огорода устраивают газон. Главной ценностью владельцы таких усадеб считают деревенскую баню, свежий воздух, пение соловья, возможность ходить босиком по траве. Повсеместно на домах, и старых, и новых, крепят современные тарелки спутниковой связи. Появилось кабельное телевидение. Во многих селах проложен асфальт, имеются водопровод и газовое отопление. Этническое своеобразие таких селений также теряется. До сих пор есть и такие русские селения, что затерялись в зауральских лесах (д. Березовка Зилаирского района) и лишены достижений цивилизации. В них по-прежнему может выжить лишь очень трудолюбивый человек, живущий в гармонии с Природой.

Усадьба

Усадьба в русских южно-уральских селениях была схожа с российскими строениями. Р.Г. Игнатъев² описал усадьбу, которая состояла из жилого пространства и хозяйственных построек – помещений для домашней птицы, амбара, хлева, сарая, а также огорода и бани. Жилище, в свою очередь, включало холодные помещения (клеть и сени) и теплые (изба с печью). Основой для строительства дома был четырехстенный сруб. Жилища делали «с одной или двумя избами». В передней стене избы прорубалось три окна³, в одной из боковых стен – одно косячатое окно. В окна крепились четырехугольные рамы со стеклами. Сени («сенцы») соединяли холодную клеть и теплую избу, хозяйственный двор и дом. В них крестьяне хранили свое добро, а в теплое время года спали.

В то же время, внешний вид усадьбы, размеры домов, типы хозяйственных построек, строительные материалы в северных горнолесных, лесостепных и южных степных районах значительно отличались. В северных и центральных районах для строительства домов использовался лес, на юге он уступал место

¹ Пекер А. Указ. соч. С. 67.

² Рукопись Р.Г. Игнатъева.

³ Во время одной из экспедиций Раиль Гумерович Кузеев (1929–2005) обратил наше внимание на то, что у русских обычно нечетное количество окон, выходящих на улицу, а у башкир и татар – четное.

лозе, тальнику (для плетня), соломе, камню, сырцовому кирпичу (*саману*). С севера на юг дома становились более низкими и менее просторными, хозяйства имели меньшее количество надворных построек.

На севере Башкирии избы рубили целиком, делая внутренние врубки двух стен (*избы-шестистенки*). Встречались *дома-крестовики* с внутренними бревенчатыми перегородками, расположенными крестом и делящими пространство на четыре части. Дополнительную площадь присоединяли *прирубком*. В конце XIX в. распространились *избы-пятистенки* с поперечными сенями, объединяющими оба помещения. Временными жильем повсеместно были шалаши, балаганы, землянки, полуземлянки.

В Белебеевском уезде избы строили из березового и осинового леса, реже из липы: «сосновый лес здесь дорог». Для избы рубили обычно 14–18 венцов. Встречались старые избы, мазанные сверху глиной: «этот обычай ведется издавна»¹.

В Златоустовском уезде во времена, когда в окрестностях стояли «исполинские, кондовые леса», в большинстве случаев дома строили из «крепких восьмивершковых бревен». Новые постройки делали из более тонких бревен. В сравнении со старыми они казались «жидкими, легкомысленными» и придавали деревне «характер бедности и неряшества»². И те, и другие были многокамерными с печными трубами в традициях русских – выходцев из северных губерний России. Иногда встречались двухэтажные дома. Мастерством отличались вятские плотники. Ворота они украшали изящной резьбой.

В северных районах усадьба огораживалась забором, а со двора – жердями (*пряслами*). Складские помещения и магазины делали из камня. Усадьба включала жилой дом обычно с 5-тью окнами, выходящими на улицу, и срубные хозяйственные постройки, часто объединённые под одной крышей. Владельцы больших домов старались сделать больше окон не только на улицу, но и во двор для обзора двора и лучшего освещения помещения (для чтения книг и занятия домашними ремеслами). В домах имелся чердак (*голубница*) и подклет (*подизбица*) с входом со двора для удобства заноса съестных припасов и сохранения чистоты в жилом помещении. Раньше это помещение использовалось для обработки льна и конопли. Для этого собирались женщины и девушки из 3-х – 4-х семей, устраивали *супрядки*³. Надворные постройки соседних усадеб примыкали друг к другу. Крыльца у домов делали крытыми, с лестницами.

Расположение построек было таково. Ближе к избе стоял *амбар* для зерна и *клеть* для хранения скарба; иногда это одно и то же помещение. Их охраняла злая сторожевая собака. Здесь же располагались мастерские. Вдоль задней стороны двора находился высокий сеновал (*сенник, поветь*) и сарай с навесом для телег заводской (Саткинской, Кусинской, Артинской) работы на железном ходу, дорожных повозок и сельхозинвентаря (*завозня*), пошевной-дровней В

¹ Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов // Бельские просторы. 2011. № 1. С. 101–102.

² Круковский М.А. Указ. соч.

³ ПМА 2011 г. Информатор Н.Е. Мельникова (1930 г.р.), с. Тастуба Дуванского района РБ.

летнее время здесь стояли лошади, висела упряжь. У некоторых крестьян на соломенной крыше повети ютилось несколько пчелиных ульев¹. Внутри двора было много утвари: деревянная ручная мельница, точило, льняная мялка, большие осиновые колоды для корма скота. Заднюю часть двора занимали помещения для скота (*хлев, овчарня, конюшня*). В хлеву было место для коров и другого скота, а также гусей и кур. Рядом с домов устраивали погреб с легкой постройкой над ним (*погребицей*). Погреба в 1960-е – 1970-е гг. активно разрушали в связи с распространением холодильников, однако в последнее десятилетие они вновь стали актуальными, их делают из дерева и камня.

Многие постройки русских селений на северо-востоке республики сохранились до наших дней, и сейчас в них размещены хозяйственные принадлежности, орудия труда, старые мотоциклы и машины, корм для скота, включая запасы желудей для пропитания коров и свиней, овечьи шкуры, порой здесь сушат лекарственные травы. Можно встретить сараи, не уступающие по высоте и размерам жилому дому, где верхняя часть отведена под сеновал (*пятра*). В строениях последних лет сеновал занимает верхнюю часть гаража.

Во время экспедиции в хозяйственных постройках старых усадеб мы обнаружили горшки, латки, чугуны, корчаги, ковши, чашки, миски. Немало бондарных (кадки, бочки, ушат) и берестяных изделий (туеса, плетеное лукошко, корзина, крышка для емкости из прутьев). Нашли инструменты – топор, скобель, пила, безмен, скребок, а также прялки, детали ткацкого станка и деревянный цеп для обработки льна. На чердаках – старые деревянные хомуты для быков. Указанные вещи, как и предметы одежды и домашнего текстиля, были переданы в Музей археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН².

В просторных сенях хранятся старые весы, резные деревянные шкафы, огромные лари, кадки, кадушки, иногда берестяные туеса; в них по-прежнему хранят зерно, муку и другие продукты. По словам хозяев, лари могут вместить грузовую машину зерна³. Хозяева активно используют заводские и фабричные современные изделия, особенно железные и пластмассовые ведра. В сенях одного из домов мы обнаружили изящную резную скамейку из прутьев ивы⁴.

Староверческими отличиями в типах жилых и хозяйственных построек исследователи называют их большую добротность и рациональность. Иногда дом ставили фасадом во двор, а на улицу – боковой стеной, или обносили «глухим» забором⁵. В начале XIX в. усадьба староверов на Усень-Ивановском заводе⁶ Бе-

¹ Круковский М.А. Указ. соч. С. 139, 146, 151.

² Галиева Ф.Г. Отчет об экспедиции в Дуванский район Республики Башкортостан: Рукопись // Архив ИЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2009.

³ ПМА 2011 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ. Дом М.П. Горкунова (1939 г.р.).

⁴ ПМА 2011 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ. Дом В.В. Пестеревой (1940 г.р.).

⁵ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 144.

⁶ По М.А. Круковскому [Указ. соч. С. 277], «заводы представляют смесь всех племен и народов. Здесь городские постройки, городские костюмы. Только монгольские народы удерживают свой костюм, свой стиль». Усень-Ивановский завод

лебеевского уезда Уфимской губернии включала дом с избой и клетью, соединенных между собой сенями. Крыльцо находилось во дворе. Крытые дворы встречались крайне редко, «прежде они были обычны; крылись лубками, без всякого ската; иногда на лето крыша убиралась». На улицу выходили два или три окна; часто это единственные окна во всей избе; изредка устраивалось еще одно окно на юг. Нередко можно было видеть «филенчатые» двери и «тальянско окошко» (широкое, в несколько стекол). В амбаре не только хранили хлеб и съестные припасы, но, бывало, летом жили. Вместо амбара могла быть «задняя изба», которая устраивалась фасадом во двор и строилась в глубине двора. Там же стояли «шкарды» и «шкардушки» – загородки для скота; «в последнее время они плелись из древесных прутьев. Д.К. Зеленин отмечает: «Это – заимствование от башкир, в чем сознаются и сами усеньчане: сами-де и плести не умеем, а нанимаем башкир». Также имеются хлев, «скотная изба, теплая, иногда служащая вместе и баней. Если же, что гораздо чаще, баня особая, то она устраивается в огороде». В огороде расположен погреб с ямой, «в которую мечут снег»¹.

На территории южных (Стерлитамакский, Мелеузовский, Федоровский, Куюргазинский) районов во второй половине XIX в. иногда устраивали избы-землянки с русской печью и лавками по стенам. В таком жилище печи ставили с трубами². В основном ставили срубные (осина, дуб) дома меньших размеров, часто в 2-мя окнами, выходящими на улицу, а также саманные жилища. Последние сохранялись до 1960-х гг.³. Всегда в доме старались поддерживать чистоту и порядок, несмотря на многочисленность семьи и хозяйства. Для тепла бревенчатые дома обмазывали глиной и белили, отчего они выглядели яркими и нарядными. В 1950-х гг. стало модным обшивать лицевую сторону досками вертикально и узором «ёлочка», а затем красить в зеленый, синий или иной цвет. Здесь характерны дворы южнорусского типа, открытые сверху, с постройками П- и Г-образной формы.

Русские крестьянские дворы в южных и юго-западных районах представляли в большинстве случаев плетневую постройку, «еле прикрытую сверху соломой, лишенную обыкновенно всяких запоров». Рабочий скот держали на подножном корму без охраны, в частных хозяйствах – на кормах вблизи усадьбы⁴. Хлев чаще делали открытый (без крыши) или полузакрытый; в них с боков и сверху дул сквозной ветер. Оградой служила плетень, лицевой оградой – доски, иногда жерди и плетень. Узорчатые заборы были лишь у общественных зданий (клуб, школа). Сейчас повсеместно у всех усадеб разных цветов деревянные, реже металлические заборы.

посещал В.И. Даль, здесь жила Марина Цветаева с мужем, который успешно лечился кумысом от туберкулеза.

¹ Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов // Бельские просторы. 2011. № 1. С. 101–102.

² Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984. Л. 89.

³ Саманные дома ныне есть, например, в башкирском селе Якшимбетово Куюргазинского района РБ.

⁴ Красильников М. Скотокрадство в Уфимской губернии // УГВ. 1905. № 161 (28 июля).

К 1960-м гг. многие надворные постройки обрели здесь разобщённый характер¹. Экспедиционные исследования 2011 г. показали наличие усадеб, стоящих на расстоянии друг от друга, или вплотную. Встречались хозяйственные постройки, примыкающие к дому, расположенные перпендикулярно линии улицы, под одной крышей объединяя сараи и мастерские (помещения с окнами), а также произвольно разбросанные. Материалом для сооружения сарая были доски и плетень, хлев делали из плетня, стены и пазы у сруба обмазывали глиной².

Разнообразием отличаются жилые и хозяйственные постройки южно-уральских казаков (среди казаков было немало староверов). Их самые ранние жилища – землянки, полужемлянки и шалаши – соответствовали условиям походной жизни. Постоянные постройки XVIII–XIX вв. впитали традиции местных народов. У уральских казаков есть немало общностей с жилищами народов Поволжья и центральных районов России. У оренбургских и сибирских казаков переплелись традиции севера и юга Европейской части России³. В зависимости от условий местности при строительстве жилищ казаки использовали дерево, камень, глину, камыш. Дом ставили из бревен сосны, лиственницы или берёзы на каменном фундаменте, крышу крыли драньём, полы в доме застилали сосновыми и лиственными досками. Вместо забора использовали плетень. Постройки заднего двора крыли драньём или соломой. Для печей использовали обожжённый кирпич, мох и паклю – для прокладки между брёвнами. Материал, кроме дикого камня и мха, покупали у башкир или русских лесопромышленников и в войсковых борах.

Порядок расположения домов и хозяйственных построек в казачьих станицах по р. Урал наблюдался тот же, что у русских крестьян северо-востока. Отличие заключалось в том, что дом с амбаром, *погребушкой* и сараем для телег, саней (завозней) они отгораживали стеной с воротами от *заднего двора*, где находился хлев для коров и овец, *скотная изба* для телят и ягнят и повети для корма скоту. Погребушка могла служить одновременно и амбаром. Казачьи дома и хозяйственные постройки всегда были крепкими и содержались в чистоте и порядке независимо от достатка казака⁴.

Важное место среди строений у крестьян, заводчан и казаков занимала баня. Русская баня ставились из сруба во дворе, в огородах⁵. или вблизи рек и прудов. В казачьих станицах по р. Урал баня ставилась в отдалении от других построек,

¹ Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Вып. 2. Казань, 1967 С. 114, 115, 116; ПМА 2011 г.

² В башкирских селениях этих районов хозяйственные строения и летние кухни также делали из плетня [ПМА 2011 г. Информатор М.Н. Галиева (1925 г.р.), с. Якшимбетово Куяргазинского района РБ].

³ Годовова Е.В. Специфические черты культуры топоса оренбургских казаков // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 2009. С. 132–134.

⁴ Стариков Ф. Указ. соч. С. 195–202.

⁵ Касимовский В.С. Указ. соч. С.8.

часто у реки¹. Её делали с одним окном, с двускатной крышей или без крыши с одним лишь потолком. Пол из досок имел отверстия для стока воды. В углу около дверей устанавливали печь-каменку. К печи примыкал дощатый пол со ступеньками. Топилась баня по-черному, и «лишь в Челябинском уезде встречались бани с трубами»². (У башкир, татар, латышей и других народов в конце XIX – начале XX в. бани также были по-черному³).

В северо-восточных районах бани представляли наземные срубные постройки и были почти в каждой усадьбе уже в первые десятилетия XX в. До середины прошлого столетия бани были по-черному. Место бани несколько раз менялось: вначале возле дома, затем, в целях пожарной безопасности, за огородом, с 1960-х гг. вновь недалеко от жилища. Наличие бани рядом с домом экономило время и силы при доставке после помывки домой стариков и многочисленных детей⁴. В последние годы интерьер бани остался традиционным, но появилась стиральная машина, иногда на стенах встречаются жерди для сушки белья, на полках – ароматические масла⁵. В предбанниках висят березовые, дубовые и хвойные веники, стоит лавка или кровать для отдыха.

В южных районах (Стерлитамакский уезд) русские раньше устраивали бани-землянки, спускаясь в них по земляной лестнице. Для этого в земле готовилось четырехугольное пространство, туда ставился деревянный сруб, сверху зарывался землей или обожженным дерном; по одному боку вставлялась деревянная печная труба. Перед баней был крытый или открытый предбанник для раздевания⁶. По М.А. Круковскому, башкирские бани-землянки на р. Дема делали по-другому: выкапывали яму, стенки закладывали хворостом и замазывали глиной. Потолок и крышу делали земляными, печь – простую каменку без трубы⁷. Как пишет С.Н. Шитова, у башкир бани, целиком погруженные в землю, со спуском по лестнице, встречались в Челябинской и Курганской областях. Земляные полы крыли плетнем, стены слегка затирали глиной, среднюю плоскую часть крыши приподнимали на столбах в форме усеченной пирамиды⁸.

По Е.П. Бусыгину, к 1960-м гг. в западных и южных районах республики русские бани были полуземлянками, стоящими на берегу оврага, балки или реки. Они сохранили форму, размеры и характер топки (по-черному), представляли собой сруб с волоковым окном, печью-каменкой и полком для парения. К ним примыкал дощатый, плетневый, иногда из тонких бревен предбанник. В некоторых деревнях вообще не было бань (Сергеевка,

¹ Шитова С.Н., Ковязин С.А. Указ. соч. С. 238.

² Игнатъев Р.Г. Указ. соч. Л. 88.

³ Шитова С.Н. Указ. соч. С. 192; ПМА 2011 г.

⁴ ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова, с. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁵ ПМА 2011 г. Баня семьи Сафоновых, с. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁶ Игнатъев Р.Г. Указ. соч. Л. 88.

⁷ Круковский М.А. Указ. соч. С. 56, 57.

⁸ Шитова С.Н. Указ. соч. С. 192; Шитова С.Н. Постройки типа землянок у башкир

// Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 37–52.

Николаевка Стерлитамакского района); мылись в печах дома. В среднем в селе была 1 баня на 8–10 домов¹.

В с. Молоканово Куюргазинского района сохранилась общая баня, построенная «по-старому» (по-черному) из кирпича сырца для жителей пяти домов – «Пятилетки», ныне это улица Заречная. До строительства бани каждую субботу мылись, парились в печах жилых домов; высокие своды печей позволяли это делать. Убирали чугуны и сковороды, выгребали золу, стелили солому. Мылись вместе и отец, и мать, и дети. С 1920-х гг. срубные бани в селе были уже во многих усадьбах. Предбанник из-за дефицита дерева делали из плетня².

«Импровизированная баня», которую «изображала жилия изба и печь, где печется хлеб и варится пища», в ряде русских селений Южного Урала отмечена в прессе начала XX столетия. Русская привычка парится от души и привычное «авось», «небось» приводили к пожарам «избы-бани», тем более, что повсюду во дворе была быстро вспыхивающая солома: на крышах, под ногами, в стенах крестьянских подворных построек³.

Туалеты как отдельные постройки появились во второй половине 1940-х гг., в южных районах вначале из плетня, позднее – из досок. Раньше функцию туалета выполнял сарай.

К середине прошлого века увеличились размеры домов и количество комнат. В них в среднем проживала семья из 4–6 чел., в то время как раньше неразделенная семья в пятистенный дом средних размеров (площадью 48 кв. м) умудрялась вместить до 25 чел., включая несколько поколений людей, семьи детей и внуков. Стены стали оклеивать обоями, потолок – потолочными покрытиями, красить масляными красками. Из-за ненадобности из домов стали выносить ткацкие станки. Если раньше хозяйка должна была полностью сама обеспечить семью одеждой из домотканых материалов, а хозяйство домашним текстилем, то теперь чаще покупала готовые изделия⁴.

До сих пор в ряде русских селений сохраняются крестьянские хозяйства со всеми его атрибутами – огородами, сараями, сеновалами. Молодое поколение строит деревянные дома, используя опыт отцов и дедов, при этом делая жилища многокамерными, украшая изящными балкончиками, верандами, обильной резьбой по дереву. Для автомобилей ставят гаражи, а вместо деревянных ворот прочные металлические, иногда автоматические. Сарай, бани, другие постройки, включая сеновал, дровяник, часто строят из шлакоблока. Наличие недорого материала позволили сделать П.П. Чернову из с. Молоканово Куюргазинского района отдельные помещения для кур, поросят, коров, овец, множество подсобных помещений. Местные башкиры про него говорят: «готов для каждой курицы построить отдельный сарай». Он также сделал канализацию

¹ Бусыгин Е.П. Указ. соч. С. 122.

² ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района РБ.

³ Б-в [Бурдуков М.]. Из нравов сельских жителей губернии // УГВ. 1905. № 158 (24 июля).

⁴ Бусыгин Е.П. Указ. соч. С. 119.

для стока мочи домашних животных, чтобы было сухо. Несколько погребов приспособил для хранения отдельно семенного и крупного картофеля, капусты, других овощей, а также солений и варений¹. Традиционные надворные постройки русского населения прошли испытание временем и показали свою актуальность в современных условиях. Они являются результатом отбора многовековых этнических и иноэтнических традиций.

Отметим, пожалуй, главные черты этнической психологии русского крестьянина Башкортостана – это умение четко организовать пространство. Традиционная усадьба отличается функциональностью, продуманностью, удобством, где нет ничего лишнего, все выполнено, выражаясь современной терминологией, из экологически чистых материалов. Многие дома пережили революции и войны, потому что построены умелыми руками, опираясь на многовековой опыт предков, сохранены заботой хозяев о своем жилище как о живом существе и сакральном объекте. Красота как природное качество русских чувствуется во всем. Ворота, калитки, оконные наличники, причелины, карнизы, подзоры на доме украшены изящной резьбой по дереву. Из-под окрашенных, как правило, в синий цвет заборов палисадников выглядывают высокие яркие цветы. Они заставят любого человека смягчить свое сердце, порадоваться природе, оценить хозяйственность жителей. Изобилие цветов – и на улицах селений, и в каждой усадьбе; иногда в огородах можно увидеть, как в оранжерее, одновременно десятки сортов роз, хризантем, экзотических растений. Стоящие перед воротами скамейки безмолвно приглашают путников отдохнуть и осознать, что здесь бывало не одно поколение людей, что здесь встречаются прошлое, настоящее и будущее.

Внутреннее убранство дома

Внутреннее убранство было отражением духовного мира русского крестьянина, характеризовало его социальный статус и уровень достатка. В.С. Касимовский в середине XIX в. указал на то, в Златоустовском уезде большинство крестьянских домов имело горницу, иногда две или три горницы, сени с чуланом, избу. Крестьянин победнее ограничивался избой, сенями и клетью, т.е. кладовой с небольшим окном для склада шуб, коробок с холстами и сарафанами и прочей одеждой, также для хранения кадок с маслом, медом. Внутри дома оштукатуривали, полы красили².

Разделение пространства было строго функционально. Большая часть избы отводилась под «переднюю» («зало»). По одну сторону от двери находилась кирпичная или глинобитная печь, которая занимала большую часть жилого пространства. В сознании крестьян она рассматривалась вместе с красным углом как «символ основных ценностей коллектива», как место проведения важней-

¹ ПМА 2011 г. Усадьба П.П. Чернова (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района РБ.

² Касимовский В.С. Указ. соч. С. 8.

ших обрядовых действий, канал связи с иным миром¹. В запечье висел руко- мойник. Место около печи (*задняя*) в ряде случаев делалось с земляным полом; в холодное время года здесь держали скот: «Зимой, которая здесь длится не- сколько месяцев, крестьяне были вынуждены содержать скот и его приплод в жилых домах, а это не только овцы, свиньи, но иногда и коровы. От присутствия этих животных в избах зарождались сырость и зловоние, которые способствова- ли развитию у людей разных заболеваний»².

Вплоть до начала XX в. на территории Башкирии дома не только русских, но и других народов, топились «по-черному» (*курные избы*), и лишь некоторые ставились с печными трубами. В северных районах топили дровами, в южных – соломой и кизяком. По наблюдению А.А. Пекера, в курных избах сильно портилось зрение. («Особенно этим страдали чуваша»). В печах сжигалось много дров: из-за дыма хозяин проветривал помещение, которое моментально остывало. Чтобы согреться, он опять кидал в топку дрова, вызывая дым, и так постоянно. Для решения проблемы А.А. Пекер на страницах местной газеты предложил в домах на зиму устанавливать для тепла двойные рамы, ставить печи с трубой³.

К боку печи от дверей делали *голбец*, пристрой из досок с дверцей, за кото- рым был ступенчатый спуск в подпол. Крышка служила лежанкой, с нее можно было легко залезть на печку; здесь хранили домашнюю утварь. Около топки пе- чи были *залавки*, а над залавками – полки для кухонных принадлежностей. В южных районах их делали не всегда⁴. Полки из досок, которые располагались от печи до другой стены на расстоянии около полуметра от потолка, образовывали *полати*; зимой здесь спали. Пространство под полатами использовалось как ме- сто для занятия ремеслами: здесь женщины весной ткали, осенью и зимой пряли шерсть и лен; мужчины и старики плели лапти, вили веревки⁵. Для работы де- лался широкий настил в виде лавки-лежанки (*коник*); под ним также хранились вещи. По периметру избы встраивали широкие лавки; на них не только сидели, но и спали. Если нужно было дополнительное место, к столу приставляли ска- мьи. На стенах выше уровня окон крепили полки для вещей.

Существенные изменения произошли в конце XIX в. под влиянием башкир и татар. В некоторых русских домах появились печи с вмазанными котлами. Печи стали класть, отступая от всех стен. По мнению Е.П. Бусыгина, влияние тюркских народов сказалось и на появлении глухих перегородок вдоль печи до передней стены дома. В перегородку вделывали шкафы. Для дополнительного отопления стали ставить печи-голландки. В русском селе Пенза Чишминского района в 2002 г. мы зафиксировали закрепленные на стены жерди, на которые были помещены подушки и одеяла, как у башкир и татар.

¹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семиотический ана- лиз восточнославянских обрядов СПб., 1993. С. 116.

² Пекер А. Указ. соч. С. 68.

³ Там же.

⁴ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Кююргазинского района РБ.

⁵ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 9.

К настоящему времени в некоторых русских домах Дуванского района, построенных в середине XIX в., сохранилась русская печь (очень редко полати) и традиционная планировка. Перед печью, как и столетия назад, держат ухват, деревянную лопату для хлеба, кочергу, чугунок. Их используют по назначению в процессе печения (на покупных дрожжах, а раньше на хмелю) хлеба, блинчиков и сдобы (для сельских старых жителей покупные хлебные изделия дорогие). В печи приноровились делать тушёнку (из говядины, баранины, свинины; «намного быстрее и вкуснее, чем на газовой плите»)¹. На печи сушат vareжки, валенки, другие незаменимые для села вещи, возле печи – дрова. Здесь же стоит газовая плита для приготовления повседневной пищи. Если печь поставлена слева от входа, справа расположен кухонный стол и самодельные старые резные шкафы с продуктами и посудой, и наоборот. Небольшое пространство между печью и столом ведет в *горницу* (если изба состояла из двух и более помещений). Одна стена, являясь задней частью печи (*спина*), драпируется цветной тканью. В связи с установкой газовых плит традиционные для крестьян печи большей частью разобраны, а вместе с ними и полати.

В красном углу устраивают *Божницу* (*Божничка*), состоящую из деревянной треугольной полки и четырехугольной рамы. В Божницу ставили образа и изображение святого семейства масляными красками, которое, «по народным поверьям, приносит счастье в дом»². В некоторых селениях ставили кивот, то есть род ящика с рамой со стеклами, внутри с иконами³. В Дуване в Божницах или киотах располагались образа суздальской живописи, по стенам, около образов, висели картинки религиозного, военного и сказочного характера — предмет торговли коробейников⁴.

Современные Божницы украшены полотенцами, искусственными цветами, ветками вербы с «Вербного воскресенья». Здесь же целый год хранят пасхальное яйцо (до следующей Пасхи). Затем это яйцо некоторые информаторы уносят на чердак к пасхальным яйцам прошлых лет: «при пожаре их надо бросать в огонь, всегда помогало»⁵. В некоторых домах ветки вербы встречаются в вазе среди комнатных цветов, а среди икон – ветки троичкой березы⁶. В современных многокамерных домах Божницы и иконостасы бывают в каждой комнате. Они могут находиться внутри серванта. На стены в рамках под стеклом вешают вышитые искусными хозяйками иконы.

Под Божницей, по диагонали от печи, ставят обеденный стол. Если крестьянский дом считали символом единства всего рода, то именно за столом не только совершали общесемейные трапезы, но и решали важные семейные и общинные вопросы; проводили этапы календарных и семейных обрядов. *Красный угол* служил «начальной и конечной точкой перемещения человека во всех об-

¹ ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

² *Игнатъев Р.Г.* Указ. соч. Л. 85 об.

³ *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 110.

⁴ *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 8.

⁵ ПМА 2011 г. Информатор Н.Е. Мельникова (1030 г.р.).

⁶ ПМА 2011 г. Дом Г.Г. Чулковой (1957 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

рядах жизненного цикла», местом изменения его статуса от рождения до смерти¹. Под иконами во время свадьбы сажали новобрачных, а на праздники – самых уважаемых гостей.

Расположение стола сейчас варьируется, но чаще – у стены напротив входной двери. Сверху он накрывается клеенкой или скатертью, иногда вязанной крючком из белых нитей. Некоторые хозяйки к фабричным скатертям пришивают кружева собственного плетения. Ранее прикрепленные к стенам широкие лавки подрезаны и стали мобильными (скамьями). Печи-голландки не функционируют, но создают торжественность и помпезность. У рукомойника можно встретить домотканые полотенца. Полы из широких половиц окрашены фабричной краской, в Дуванском районе – охрой, добываемой из местных гор, смешанной с конопляным маслом. Охрой пол красили ладонями рук, замазывая мелкие трещины и гарантируя тем самым хорошую сохранность. На полах расстелены домотканые дорожки, на стульях и креслах – *кружки* (лоскутная техника и аппликация). Из покупной мебели – столы, стулья, кровати, серванты, диваны и кресла.

Для освещения помещения раньше использовалась лучина. Она втыкалась в металлическую или деревянную стойку светец, под ней находился таз с водой, куда опадали угли от постепенно сгоравшего дерева. Зажиточные семьи в праздники в плошках жгли сало с фитилем. Большой роскошью считались фонари. Со временем лучина заменилась сальными свечами, появившимися в продаже² и керосиновой лампой³, которая вешалась в середине комнаты. В школах до войны применяли керосиновые лампы без стекла. Электричество в основном появилось в 1960-х гг., вначале в центре крупных селений.

Раньше мебель покупалась на базарах и ярмарках, делалась на заказ у местных умельцев или самим хозяином дома. Горничная мебель состояла из крашеных простых столов, стульев и скамеек, с неизбежным раскрашенным шкафом для чайной посуды. Важное место ныне продолжают занимать железные многоцветные сундуки с ручками. Местами для сна были кровати с перинами и подушками, печь (для стариков) и пол (для молодых и детей). Использовались самодельная войлочная подстилка (*кåtаль*), лоскутные одеяла, тулупы (вместо одеяла), фуфайки (вместо подушки). Подушки и перины делали из пуха домашней птицы или травы, в том числе из пуха растения *кугá*⁴, матрасы – из мочала. В теплое время года самый крепкий и сладкий сон был на сеновале. Над кроватью вешали колыбельку (*зыбка, люлька*), в некоторых семьях она до сих пор ис-

¹ Байбурин А.К. Указ. соч. С. 110, 50.

² Татаринцов Д.И. Воспоминания // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 27.

³ Есть сведения о том, что в с. Ярославка Дуванского района лампы и керосин появились к 1890 г. [Родное село Ярославка. С. 12]. По полевым материалам автора, в соседнем с. Черношар керосиновые лампы появились только после Великой Отечественной войны, до этого использовалась березовая лучина; фонари были только у богатых [ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова (Селянина), 1939 г.р.].

⁴ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куяргазинского района РБ.

пользуется, уже для четвертого-пятого поколения¹. В ряде случаев колыбелька крепилась на металлическую пружину.

С середины XIX в. даже немного зажиточный крестьянин считал своей обязанностью иметь самовар и фарфоровую чайную посуду; при столе также были деревянные и каменные чашки. На территорию современного Дуванского района из Кунгура привозили деревянные ложки, вилки и ножи, раскрашенные берестяные теса (бураки), стеклянные кувшины и деревянные жбаны для кваса и пива. Многие предметы делали местные мастера – гончары, бочкари (лагуны для воды, бочёнки для кваса и вина, сосновые кадки «за редкостью липы и отсутствием дуба»)² и пр.

М.А. Круковский описал убранство дома русского заводского рабочего начала XX в. Изба Евлаха стояла на самом обрыве, и «глядела своими окнами на завод». Внутри неё тесно и «убого». Единственная комната перегороджена ярко-красным ситцевым занавесом, за которым расположена спальня. Часть комнаты обставлена стульями. В одном углу – стол, а в другом – русская печь. На стенах наклеены лубочные картины и фотографии. Жена Евлаха то суежилась у печи, то сидела у себя за занавеской. Кроме горшков, необходимых для варки еды, в избе из утвари ничего не было. «Хибара» Евлаху досталась от отца, но за всю жизнь он «не завел даже курицы»; продукты покупает в лавке³.

Фотографии родственников, вставленные в общие или отдельные рамки, на стене обычны в крестьянских домах и сейчас. Главным образом это умершие родители, муж или жена. Фотографии хранятся также в альбомах вместе с грамотами хозяев – передовиков производства, заслуженных колхозников и участников художественной самодеятельности.

Жилище казаков напоминало крестьянский дом, но имело особенности. Распространение получили двух- и трех-камерные дома (изба – сени; изба – сени – изба) с печью справа или слева от входа, устьем к боковой длинной, иногда передней стене. Белая голландская печь была с карнизами и украшениями. Количество комнат доходило до пяти. Полы красили жёлтой, потолки – светло-синей краской. Полаты служили зимой местом для сна, летом – для хранения одежды. Под полатами стояла деревянная кровать, крытая стёганым одеялом, из-под которого выглядывал *подзорник*, с подушками в пунцовых наволочках. Если в доме жила молодая хозяйка, у её кровати был ситцевый, с замысловатыми рисунками или белый коленкорový полог. Вдоль стен тянулись лавки. Кухонную мебель составляли также стол с белой скатертью и лампадой, и скамьи. В переднем углу почетное место занимала Божница, уставленная иконами. Между столом и кроватью стоял диван или софа, у некоторых – 2–3 простых стула, крашенных под орех. Домашний скарб размещался на *грядке*. В *кути* специальная *западня* вела в подвал, где хранились овощи, выращенные на огороде. Шкаф-посудник содержал деревянную (чашки, ложки), глиняную (горшки, кувшины), стеклянную (рюмки, графины),

¹ ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Тихомирова (1927 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

² Касимовский В.С. Указ. соч. С. 27, 9.

³ Круковский М.А. Указ. соч. С. 121.

металлическую посуду. За шкафом стоял самовар – с 1860-х гг. неотъемлемый атрибут казачьего дома. Уже в конце XIX в. в доме казака стены оклеивали обоями, на которые крепили картины, в которых изображались военные события. Центральное место занимал портрет Государя Императора. На каждом окне стояли 2–3 горшка с цветами. Между окон на стене крепили зеркало с повешенными вокруг него белыми полотенцами¹.

Внутреннее убранство староверов всегда отличалось архаичностью. В некоторых домах вплоть до 2000-х гг. сохранялись расставленные вдоль стен лавки, полати, голбцы. Сохранились изделия домашнего ткачества – скатерти, подзоры, полотенца, паласы².

В интерьере современных домов технократические обретения последнего времени сглаживает домашний текстиль ручной работы с традиционной вышивкой и кружевом. Уют создают ковры на стенах, домотканые паласы и дорожки, вышитые салфетки на этажерках и комодах. Почему они сохранились? Да потому, что все, к чему прикоснулась рука русского крестьянина, – сделано с любовью и на века, и не может конкурировать с фабричными изделиями. Количество таких предметов в ряде случаев увеличивается с приходом на авансцену стиля «этно».

Этнокультурные взаимодействия в строительстве и обустройстве жилищ

В процессе исследования стало очевидным взаимодействие и взаимовлияние русских традиций строительства и обустройства жилища и хозяйственных сооружений с другими народами. Имела место также их типологическая общность, обусловленная природно-географическими факторами. По исследованию М.В. Мурзабулатова, усадьба зажиточных зауральских башкир с жилищем и хозяйственными постройками в начале XX в. «мало чем отличалась от русских крестьянских дворов», в целом была лишь беднее³.

По Р.Г. Игнатьеву, как и у русских, так и у башкир зимнее жильё состояло из двух изб, сделанных из срубов. Усадьба часто огораживалась; имелись конюшни, амбары, иногда огороды. Вместе с тем, встречались избы без крыш, с одним потолком⁴. По информации Ф.Г. Мюллера, и русские, и башкиры в своих деревянных хатах держали молодой скот, где даже «верховые лошади тоже находят приют, между тем как прочий скот бродит по пастбищам»⁵.

Р.Г. Игнатьев описал жилища башкир, тептярей, мишарей («мещеряков»), «казанских татар», чувашей, мордвы, нагайбаков и марийцев («черемисов»), в

¹ Стариков Ф. Указ. соч. С. 195–197.

² Данилко Е.С. Указ. соч. С.145.

³ Мурзабулатов М.В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 75.

⁴ Игнатьев Р.Г. Указ. соч.

⁵ Мюллер Ф.Г. Об исследовании в странах Урала и Кавказа в историческом, географическом и этнографическом отношении. Пер. М.М. Гельдта с нем. яз. // ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 63. Л. 156.

которых прослеживаются этнические общности. Он отметил, что в башкирских домах с двух сторон прорубали окна, куда вставляли рамы со стеклами, иногда пузырь; такое окно пропускало мало света. Но если у русских изба делилась на две половинки перегородкой, то у мусульман (для мужчин и для женщин с детьми) эту функцию мог выполнять занавес. У зажиточных встречались шкафы с посудой, деревянные столы и стулья, но обычно вместо лавок и полатей стояли деревянные нары, покрытые войлоком, кошмами и коврами; сюда клались перины и подушки. На стенах вешали полотенца и оружие. Около дверей ставили печь с очагом, в который вмазывали котел для варки пищи. В Орском и Верхнеуральском уездах вместо печей делали небольшие каминны с прямой трубой – *чувалы* – для печения на золе мучных лепешек вместо хлеба. У многих башкир были и печи, и чувалы. Некоторые башкиры постоянно проживали в таких избах (оседлые башкиры Троицкого уезда). Степные башкиры, помимо зимних жилищ, имели юрты из решеток, покрытые войлоком, с одностворчатой дверью, отверстием на верхней части для света и прохода дыма очага¹.

Усадьбы казанских татар – «давних земледельцев и ремесленников» – во второй половине XIX в. имели сходство и с русскими, и с башкирами. Р.Г. Игнатъев отмечает многолюдность их селений и беспорядочность построек, расположение изб в основном во дворах, высоко огороженных. Ворота – с навесом, как у русских, «но у русских и башкир ворота не глухие, а с деревянными перекладами». Иногда, как у кочевых башкир, двор у татар не огорожен, и потому ворот нет. Во дворах стоят амбары, сараи, конюшни, хлева. Огород и гумно примыкают ко двору или располагаются особо. Живущие в степи татары «не любят крыть избы соломой, а кроют драным лубком, богатые – тесом». У зажиточных татар имеется две избы, между которыми ставится глухая стена. К стенам примыкает крыльцо, открытое с боков. Окно прорубается как у башкир, ближе к углам, чтобы оставить больше свободного места для перин, подушек и другого имущества. Окно делается со стеклом, снаружи оно украшено резными наличниками и одностворчатыми ставнями. Пол устраивается высоко, но подполья, как и у других инородцев, – замечает Р.Г. Игнатъев, – у них нет. Печь примыкает к стене; сюда ставится казан для варки пищи. У татар, как у башкир, а также у тептярей, вместо перегородки вешаются занавески из ситца или «бухарской материи». На нары стелют кошму, ковры, в одном углу кладут перины с подушками, в сундуке хранят имущество².

Некоторые «мещеряки» (мишари), например, д. Ахуново Верхнеуральского уезда, в постройках «схожи с русскими», другие имеют общность с татарами. Нагайбаки, хотя и «русские по вере», принадлежат к казачьему сословию, «официально считаются в числе русских, но в образе жизни сохранили свой татарский обычай, женщины почти не знают по-русски, говорят по-татарски, за исключением немногих»³. Их хозяйственные и жилые постройки представляют что-то общее между русскими и татарами. Снаружи похожи на русских, но, как у татар, печь служит для нагревания помещения и испечения хлеба, а для

¹ Игнатъев Р.Г. Указ. соч. Л. 90 об., 91.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 96–97.

приготовления пищи используется очаг с котлом. Окна прорублены дальше от углов. Крыши больше тесовые.

У чувашей окна выходят во двор. Есть амбар для хлеба, припасов и домашней утвари, помещение для скота, огород и гумно. Печи чаще глинобитные, чем кирпичные. Устраивается очаг с вмазанным котлом для приготовления пищи. В отличие от русских, башкир и татар, у чувашей, по наблюдению Р.Г. Игнатьева, двери в дом открываются не наружу, а вовнутрь, и вместо скобы продеваются веревки и вколачиваются гвозди через деревянную палочку. Крыши чаще соломенные, чем тесовые. Недавно появились дома по русскому типу с «черной» и «белой» половиной¹.

Мордва, по Р.Г. Игнатьеву, отличается трудолюбием, чистотой и опрятностью; среди них много зажиточных. Они хорошо знают по-русски. Одежда, образ жизни, внутреннее строение жилищ «схожи с русскими». Надворные постройки расположены «правильно». Свои избы они часто топят по-черному.

У черемисов постройки и интерьер жилищ также напоминает русские: дворы огорожены, в некоторых избах есть полаты, лавки до дверей с одной стороны и до печи с другой. Некоторые живут в землянках и мазанках².

Русское население оказало влияние на другие народы, в то же время использовало их опыт строительства жилищ и хозяйственных построек. По исследованиям башкирских поселений и жилищ С.Н. Шитовой³, процесс аулообразования определился историческим актом вхождения башкир в состав России, когда с установлением административных границ началось активное освоение земель. Во второй половине XIX в. многие башкирские деревни стали похожими на восточноевропейские селения средней полосы России с замкнутыми усадьбами и многочисленными хозяйственными постройками. Они обрели уличную планировку (взамен кучевому типу), стали постоянным и единственным видом поселений (в них проживали и зимой, и летом). Приход переселенцев обусловил обособленность разноэтничных «концов» деревень, способствовал ослаблению родственных связей. Вначале в северных и горнозаводских селениях, а потом и в других, появились пятистенки, популярные в средней полосе России. Башкиры «первые пятистенные дома <...> покупали в соседних русских деревнях». В результате русско-башкирского межкультурного общения в башкирских аулах появились замкнутые полукрытые мощеные дворы (Белорецкий район) и однорядные планировка усадеб, без обособления жилища (Оренбуржье)⁴.

Заметные изменения происходили в интерьере башкирского жилища под влиянием социальных перемен общества и в результате башкиро-русских взаимодействий. В конце XIX в. вместо традиционных нар, крытых войлоком и домотканым текстилем, стали устанавливать кровати и столы кустарного производства, раньше – в зажиточных домах. Длинный стол и лавки стали помещать в углу, противоположном входу, хотя «понятие «красный угол, характерное для

¹ Там же. Л. 97 об.

² Там же. Л. 99–99 об.

³ Шитова С.Н. Указ. соч. С. 108.

⁴ Там же. С. 213.

русских, у башкир отсутствовало»¹. Под влиянием русских и других народов развивалась традиция художественного оформления и декор жилища: резьба по дереву при оформлении оконных наличников, фронтонов, ворот, изгородей, особенно богатых усадеб. При этом «мастерами могли быть и местные плотники, и русские, приглашенные из соседних селений»².

В экстерьере домов, построенных в русских или башкирских и татарских селениях, сохранилось этническое своеобразие. Стоит выехать из Дувана и заехать в Улькунды, нельзя не заметить буйство красок, в которые окрашены дома и наличники тюркского населения, большее количество деревянной резьбы, более низкий фундамент, четное количество окон, выходящих на улицу.

В конце XIX столетия в башкирском быту появились не только традиционные чужалы и хлебные печи, но и «голландки». Как пишет С.Н. Шитова, «печниками на первых порах были русские мастера»; распространение таких печей шло от южных степей (казацких станиц) и Зауралья в центральные и северные районы³. Вместе с тем, экспедиционные исследования автора показали широкую популярность «голландок» в русских домах Дуванского района (Метели, Вознесенка и Тастуба), поставленных во второй половине XIX в., что могло способствовать их перенятию соседними башкирскими селениями уже в то время. В старых домах села Улькунды экспедиция 2009 г. зафиксировала такие печи. Печи-голландки зафиксированы В.С. Касимовским в 1868 г. как распространенное явление у зажиточных крестьян с. Дуван⁴.

Общность в планировании и обустройстве жилого пространства является результатом адаптации к конкретным природно-географическим условиям и межкультурного взаимодействия народов Южного Урала.

¹ Там же. С. 169.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 155.

⁴ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 8.

Раздел 2

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Хозяйственная деятельность русского населения Южного Урала носила комплексный характер. С момента заселения башкирских земель их основным занятием было земледелие. Значительное место уделялось скотоводству, пчеловодству, охоте, рыболовству, собирательству, ремеслам и промыслам. В сёлах имелись доморощенные плотники, «медячие токари» («лудят и поправляют медную посуду»)¹, печники, гончары, кузнецы, бондари, колесники, санники и пр. У М.А. Круковского читаем: «Иногда приезжает продавец или скупщик шкур и овчин, или дегтярник с бочкой дегтя, и вокруг него собираются женщины с ведёрками. В одном из дворов слышится стук работы странствующего жестянщика, который чинит дырявую деревянную посуду, собранную женщинами со всех изб. С крутой горы за водой спускаются бабы с коромыслами. Рыбаки закидывают сети. Из кузницы, нависшей над рекой на верху скалы, доносится стук молота о наковальню»².

Всю душу и силы русский крестьянин вкладывал в хлебопашество. В прессе XIX и начала XX вв. читаем: «Крестьяне, дождавшись хорошей погоды, буквально кинулись на поля и луга <...>. Всюду пестрит народ, всюду слышен говор, всюду кипит работа. Поспевает озимый хлеб – нужно торопиться жать, давно готово сено – нужно убирать его»³. В русском селе Рязановка⁴ и примыкающей к ней деревне Ивановка⁵ Стерлитамакского уезда «по всему видно, что переселенец из великороссийских губерний с жадностью обрабатывал землю», «неутомимо гулял серп в его руках»⁶. В селе Богородское⁷ Богородское⁷ «удельные крестьяне живут безбедно, а некоторые и весьма зажиточно. Кроме хлебопашества, сеют в значительном числе репчатый лук <...>. Промышляют крестьяне и рыболовством»⁸.

В селе Дуван «по роду занятий крестьяне – земледельцы. Запашки озимоваго и ярового хлеба большие: иные крестьяне засевают по 100 и более переездов (переезд — 2/3 десятины или 1600 кв. сажень). Землю обрабатывают и свою, и кортомленную у башкир <...>. Скотоводство при больших запашках у

¹ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 99.

² Круковский М.А. Указ. соч. С. 136–138.

³ Бурдуков М.С. Верхнетроицкое Булебеевского уезда // УГВ. 1905. № 166 (4 авг.).

⁴ По справочнику «Населенные пункты Башкортостана. Ч. 1: Уфимская губерния. 1877» [Уфа, 2002. С. 369], в с. Рязановка (Резановка) Стерлитамакского уезда на указанный период было 176 дворов, проживало 846 чел. Здесь была православная церковь, часовня и две водяные мельницы.

⁵ По тому же справочнику [С. 369], в д. Ивановка (Тамбовка) было 82 двора, проживало 350 чел.

⁶ Топографические и статистические записки, веденные во время приезда из Уфы в город Стерлитамак и Белебей // ОГВ. 1846. № 59. С. 468–473.

⁷ Ныне микрорайон ИНОРС г. Уфы.

⁸ ОГВ. 1848. 27 нояб.

крестьян немалое: лошадей <...> используют не только для полевых работ, но и для извоза в зимнее время. Ездят с купеческим азиатским товаром из г. Троицка Оренбургской губернии в г. Казань; оттуда с панским товаром на Мензелинскую ярмарку, в Ирбит, Тюмень и далее». Коровы здесь «мелкой башкирской породы и маломолочные», их держат до 50 голов. Овец в хозяйствах насчитывается до 30; свиней — мало. Промыслом крестьянина является также водяная мельница. Развивается гончарное производство: «глиняные горшки и корчаги выделываются и продаются на местных базарах, а иногда отправляются в Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской губернии». Имеют место бортевое и пасечное пчеловодство, охота на зверя и птицу, рыболовство и собирательство¹. В Дуванской волости русские крестьяне также имели огороды для самообеспечения, занимались выделкой кирпича, работали на горных заводах и полях у частных владельцев и на пристани у Лаптева при подвозке леса для сплава².

Особенности хозяйственной деятельности русских определялись природно-географическими условиями. В лесных районах Уфимского, Златоустовского, Стерлитамакского и Бирского уездов переселенцами из Пермской и Вятской губерний активно развивалась деревообработка. В горнолесной зоне занимались охотой и бортничеством. Наличие рек и озер обуславливало рыболовство. Земледельческие культуры выбирались исходя из наблюдений за природой, что на примере с. Дуван показал В.С. Касимовский: с «отрогов Уральского хребта <...> начинается полоса ячменя; с этой местности и далее к Златоусту сеют ярицу (яровую рожь). Ранняя зима и поздняя весна отражаются на хлебопашестве и огородничестве дуванцев. Случается, что мороз бывает и в Ильин день: в иное лето позяблет пшеница; просо и греча не засеваются, потому, что не доспевают; огурцы рождаются плохо <...>; арбузы и дыни не рождаются. О разведении плодовых деревьев: садовых вишен, яблонь и проч. нечего и думать при суровом климате»³.

В местах обоснования селений, непригодных для земледелия и скотоводства, русские крестьяне были вынуждены больше внимания уделять другим видам хозяйственной деятельности. Так, в д. Леонидовка мужчины главным образом драли лыко, ходили на заработки «побираться» «на сторону» — заготавливать для соседних фабрик дрова и уголь. Женщины, пользуясь дарами леса, на зиму делали хорошие запасы черемухи, малины, а также грибов и орехов; последние шли на продажу в Уфе. В начале XX в. у сельчан было всего 175 дес. земли, дополнительно купленная у башкир также была малопригодна для земледелия. В результате «редкий год увидишь здесь запасные скирды хлеба <...>. Скота в дворах было мало, а значит и удобрений для полей. Заготавливать лес для себя нельзя — он казенный». Посреди деревни располагались два цветущих, илистых пруда, в которых купалась молодежь, спасаясь от летней жары, ибо «удивительно вынослива натура русского

¹ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 10–11, 26.

² Страницы истории Дуванского района. Месягутово, 2001. С. 25.

³ Там же. С. 7.

мужичка». Эти же пруды являются местом мочки конопли¹.

К хозяйственной деятельности привлекалось всё крестьянское население. В земледелии участвовали даже дети (в качестве бороновалок и копновозов)². С раннего возраста они овладевали животноводческими навыками. Женщины и девушки обрабатывали лён и коноплю, пряли пряжу и ткали холсты. Девушка та считалась богатой, у которой было больше холстов. Холсты практически не продавались, старухи их берегли в коробках «на помин души»³. Плетением корзин, изготовлением других предметов крестьянского обихода занимались мужчины, иногда и женщины⁴. Последние встречались также среди рыболовов и пчеловодов. Охота была уделом мужчин. В собирании грибов и ягод участвовали старики и дети.

На заводах Южного Урала развивалось земледелие, скотоводство, а также винокурение. Последнее «доставляет возможность землевладельцам, удаленным от речных пристаней, сбывать на заводы свои произведения, а заводчикам – обращать свой хлеб в более ценный и удобный к сбыту продукт». В 1883 г. винокурение производилось на 14 заводах губернии⁵.

У казаков основными источником дохода являлась государственная служба по охране границ. Важное место в хозяйственной деятельности занимало земледелие. У Ф. Старикова читаем: «Жизнь казака исполнена постоянных трудов и забот, особенно в летнее рабочее время, а доходы от земледелия, вследствие частых неурожаев и недостаточности сбыта, подвержены значительному риску. Казак – вечный труженик. Летом от зари до зари он на работе, дорожа не только днем, но и каждым часом <...>. Казак со всею семьею выезжает в поле и по несколько дней не бывает дома, перенося и жар, и дождь, и всякую непогоду». Угодья казаков включали озёрные и речные воды, где занимались рыболовством. Средства давали также скотоводство, ремесленничество, пчеловодство и торговля. Казаки имели право добывания минеральных богатств и право охоты. Промыслами казаков были извоз, содержание почтовых станций, ломка камня, спав леса из башкирских лесных дач⁶.

Земледелие

Русские крестьяне принесли на южно-уральские земли высокую культуру земледелия. В «Справочной книжке Уфимской губернии» за 1883 г. читаем: «По обилию черноземных земель, естественные и производительные силы губернии,

¹ Бурдуков М. Забытый уголок // УГВ. 1905. № 212 (7 окт.).

² Там же. С. 28.

³ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 28.

⁴ ПМА 2011 г. Например, в с. Молоканово Куюргазинского района плел корзины и гнезда для домашних птиц Петр Прохорович Чернов (1928 г.р.) и его мать Мария Степановна Чернова (1896–1980), «куряжка», т.е. родом из Курской губернии.

⁵ Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 386.

⁶ Стариков Ф. Указ. соч. С. 168–169, 163.

главным образом, заключаются в земледелии, которым преимущественно занимается русское население и меньшинство инородцев, именно: черемисы, вотяки, чуваша, мордва и отчасти татары – государственные крестьяне; местные же башкиры, в особенности вотчинные, вообще мало склонны к землепашеству и делают посева лишь в незначительных размерах, для собственного потребления»¹.

Перенимая от русских, а также многочисленных в крае татарских крестьян опыт земледелия, башкиры становились оседлым народом. Увеличение плотности населения, сокращение количества земель исключало возможность ведения кочевого и полукочевого хозяйства. Уменьшение пастбищ вынуждало переходить к интенсивному сенокосению, к стойловому животноводству, а там, где было хлебопашество, — к более высоким формам земледелия.

Хозяйственные взаимодействия усиливались по мере освоения переселенцами южно-уральских земель. У Ф.Г. Мюллера читаем: «сильно башкиры преданы кочевой жизни и сильно шатаются по красивым горным местностям Южного Урала», и занимаются хлебопашеством в большей мере там, где проживают по соседству с русскими, татарами, черемисами и вотяками². В 1846 г. газета «Оренбургские губернские ведомости» писала: «даже Башкирцы, привыкшие к кочевой жизни, начинают ныне приниматься за земледелие, включая, впрочем, горные кантоны. Заботливые начальники снабдили и их правилами о ведении трехпольного хлебопашества»³.

Быстрее земледельческие традиции внедрялись у западных башкир. В XIX в. их хозяйство уже ничем не отличалось от русского населения, характеризовалось применением удобрений, более глубокой вспашкой. В свою очередь, русские земледельцы в лесных районах севера и северо-востока Башкирии, как и башкиры, в XVIII в. использовали переложную или залежно-паровую систему земледелия. К началу XX в. «этнические различия в почвообрабатывающей технике <.> почти полностью нивелировались <.>. В целом для этого периода правомерно говорить не об этнических, а главным образом о территориальных различиях или традициях»⁴.

В процессе адаптации к новым условиям русские переселенцы широко использовали опыт местных жителей, в т.ч. мордвы. Новопоселенцы с. Елатамка Бугурусланского уезда «сажали картошку, сеяли репу, свеклу, морковь. Привезли рассаду капусты из Бугуруслана, так как она была едва ли не главной культурой (нередко сами огороды называли капустниками). За семенами картофеля отправились в мордовское село Нойкино, где их доброжелательно встретили, и в обмен на вещи, деньги взаимобразно загрузили несколько подвод картошкой, которой хватило на семена и на

¹ Там же. С. 384.

² Мюллер Ф.Г. Об исследовании в странах Урала и Кавказа в историческом, географическом и этнографическом отношении. Пер. М.М. Гельдта с нем. яз. // ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 63. Л. 158.

³ С. Земледелие и садоводство в Оренбургской губернии // ОГВ. 1846. № 56. С. 426.

⁴ Бикбулатов Н.В. Пахотные орудия башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 65.

питание. Нойкинский староста и мужики охотно рассказали переселенцам о сроках сева яровых и озимых культур, об особенностях погодных условий, поделились опытом сорокалетней жизни на оренбургской земле. К счастью, земля была богата илом, приносимом полной водой, легко пахалась сохой. Вспахав огороды, мужики приступали к пахоте полевых наделов. Огородами занимались женщины. Каждая семья старалась посеять одну-две десятины проса и гречихи, а также рискнули посеять пшеницу и ячмень. Этому способствовала поздняя весна. К Троице все весенние полевые и огородные работы были, в основном, завершены»¹

Основное внимание русские крестьяне уделяли выращиванию зерновых, прежде всего, ржи, а со второй половины XIX в. – и пшеницы (особенно в юго-западных и северо-восточных районах). Третью часть посевов занимал овёс, который использовался большей частью как фуражная культура. Сеяли также просо, ячмень, гречу, полбу, горох. Русские и татарские крестьяне познакомили башкир не только с зерновыми, но и техническими культурами, такими, как конопля и лён. В XIX в., особенно в пореформенный период, башкиры засевали пахотные земли теми же культурами, что и русские и татары, за исключением некоторых восточных районов, где яровые культуры у местного населения преобладали вплоть до начала XX в.

Распространённой системой земледелия у русских, а под их влиянием у башкир, было трехполье (яровые – озимые – пар). При наличии большого количества земель «отдыхающие» участки становились пастбищами. В отдельных зажиточных хозяйствах в XIX в. внедрялось многополье с травосеянием и внесением удобрений, которое было занесено из центральных районов России и переселенцами-латышами². Удобрения вносили прежде всего на купленные, а не арендуемые земли³.

Земледельческие работы начинались ранней весной, проводились по графику народного календаря, имели локальные особенности, связанные с климатическими условиями. Эмпирические знания передавались из поколения в поколение и вновь прибывшим переселенцам. На территории Дуванского района после 20 апреля осуществлялась вспашка земли под овес, 24 апреля – высева овса, к 20 мая заканчивался сев овса, ржи, пшеницы, ячменя, картофеля. Рожь поспевала к Ильину дню (20 июля), пшеница и ячмень – к 1 августа, овес – к 15 августа, картофель – к 20 августа. В д. Киссубаево Дуван-Мечетлинской волости у башкир время проведения земледельческих работ совпадал с русским населением, как и сроки кошения травы (с Петрова дня, 29 августа)⁴. Те же явления наблюдались в других селениях.

Накоплению земледельческого опыта у башкир способствовало то, что они занимались русскими для земледельческих работ; между представителями двух народов поддерживались договорные отношения. «Цена арендной земли, продаваемой башкирами осенью и зимой, невысокая: под яровой посев

¹ Кабанов Г.С. Мы – переселенцы. Оренбург, 1999. С. 13–14.

² ПМА 2011 г. Архангельский район РБ.

³ Михайлов В., 1897. С. 82.

⁴ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 25–42, 59.

переезд ценится. 20—75 коп., под озимь 30 коп. — 1 р. переезд лугов 20 коп. — 1 р. Обработка, кроме крестьянских рук, производится теми же закабаленными с осени и зимы башкирцами, которые жнут с хозяйской пашни с переезда по 1 р. — 1 р. 80 коп. Если же случается нанять заводских крестьян или башкирцев, не одолжившихся ранее страды, то на работы цена иная. Жнут с переезда 2—4 р., косят 25—50 коп.»¹.

Для выполнения тяжелой и монотонной работы повсеместно русские организовывали помочи, которые могли быть с участием «инородцев». В Дуване на помочи для уборки хлеба иногда собиралось до 100 человек. В.С. Касимовский писал: «Зажиточный крестьянин зовет своих односельчан пособить ему поработать, за работу угощает вечером и считает себя обязанным отходить на помочь ко всем пособившим ему <...>. Отхаживание на помочи обязательно для каждого, кто их делает. На помочи крестьяне являются, как на пир, разряженными в красные рубахи, плисовые шаровары и сапоги. Угощение чаем, пищей и вином бывает изобильное»².

Помочи у русских, а также у башкир и других народов получили широкое распространение в начале XX столетия, когда произошло обнищание населения, и многие крестьяне перебивались случайными заработками, занимались батрачеством, отходом, извозом, промыслами. В связи с тем, что механизм эксплуатации односельчан был встроен в общинную структуру, крестьянская аристократия под видом помочей удерживала работников. Например, в д. Михайловка Альшеевской волости Белебеевского уезда Андрей Плакин в 1917 г. имел таковых приглашенных 25 чел., т.е. полдеревни, в которой в то время насчитывалось 43 русских и 17 украинских дворов³.

В «Уфимских губернских ведомостях» описан трагический случай помочи, который организовал в с. Зирган Стерлитамакского уезда зажиточный крестьянин Дубадулла Хайбуллин 31 июля 1905 г. для заготовки сена с приглашением башкирских и русских односельчан. Вечером, по окончанию работ, как водится, хозяин пригласил помочан «выпить с устатку». Хозяин, сам непьющий, оставил работников с угощениями и напитками одних в избе, через несколько часов обнаружил их пьяными и отвез домой на лошади. Утром работник Петр Морозов «от перепоя» умер, остальных спасли фельдшера и местные ворожеи⁴.

Переселенцы перевозили на Южный Урал свои орудия труда: соху, плуг, сабан, косу-горбушу, грабли, целый ряд других земледельческих орудий. Русская соха получила особенно широкое распространение в горных местностях. Для поднятия целины чаще всего применялся тяжелый татарский плуг или более легкий украинский плуг. На огородных работах применяли мотыгу. Убирали хлеб серпами или косили косой. Обмолачивали сжатый хлеб деревянными цепями. Перемальывали зерно на водяных и ветряных мельницах; в бедняцких хозяйствах пользовались ручными мельницами. В конце XIX в.

¹ Там же. С. 26, 10.

² Там же. С. 9—10.

³ *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900—1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 173.

⁴ *Иванов Сергей.* Наша корреспонденция // УГВ. 1905. № 172 (12 авг.).

распространились сельскохозяйственные машины — молотилки, жнейки, конные грабли. Разнообразием передовых сельхозорудий отличались выходцы из Самарской губернии: многие из них имели молотилки, железные плуги¹. Например, в п. Красный Яр Стерлитамакского уезда на 37 дворов приходилось 11 молотилок, 10 веялок, 3 3-х-лошадных железных плуга².

А.С. Бежкович в русских деревнях встретил 6 разновидностей кустарных сох. В то же время в местных почвенных условиях, несмотря на техническое превосходство (заводские плуги у латышей, украинцев, белорусов), многие сельхозорудия часто оказывались непригодными и заменялись более подходящими (косули кустарного изготовления). В с. Дуван, починке Митрофановском, поселке Пичугинском Тастубинской волости главными сельскохозяйственными орудиями при обработке полей и уборке хлеба были сабаны кунгурской системы местного изготовления и деревянные бороны с железными зубьями³.

В период между крестьянской реформой и коллективизацией деревни происходил активный отбор сельхозтехники, русские за 80–90 лет успели переменить 5–6 видов пахотных орудий. Замена сох косулями началась в русских хозяйствах в 60-х – 70-х гг. XIX в., продолжилась в чувашских и марийских, позже – башкирских, татарских, украинских, белорусских. Но даже к концу 1920-х гг. рабочие качества косули конкурировали с заводскими плугами и буккерами, особенно в лесной зоне при распашке «чищобы» – девственной почвы. Процесс замены крестьянских пахотных орудий – изделий сельских кузнецов с их этническими разновидностями на заводские плуги – активизировался в годы коллективизации.

Серьезные перемены в хозяйственной деятельности края были связаны с привнесением передовой агротехники с новыми потоками переселенцев в последней трети XIX – начале XX столетий. В их числе оказались не только русские, но и украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, немцы⁴. Взаимодействия и взаимовлияния русского и нерусского населения были ярче выражены в центральных, западных и северо-восточных частях Башкортостана. Здесь быстрее изменились типы земледелия, методы ведения форм хозяйства, расширился ассортимент хлебных растений⁵.

По А.С. Бежковичу, который в 1929–1930 гг. изучал земледельческую культуру народов республики в составе Башкирской экспедиции Академии наук СССР, в указанный период по количеству площадей посевов всех превосходили латыши и белорусы, за ними следовали русские и украинцы. Посевы чувашей и марийцев были ниже средних цифр, а татар и башкир – еще ниже. Наблюдалось «отсутствие чисто национальных самобытных особенностей техники земледелия у башкир. Почти весь сельскохозяйственный инвентарь заимствован

¹ *Абрютин В.А.* Указ. соч. С. 28.

² *Михайлов В.*, 1897. С. 207–208.

³ *Касимовский В.С.* Указ. соч.

⁴ *Роднов М.И.* Указ. соч.; *Бежкович А.С.* Указ. соч.

⁵ *Бикбулатов Н.В.* Система земледелия башкир в XIX – начале XX в. // *Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в.* М., 1979. С. 5–45.

башкирами от русских и татар <...>. Первым народом, у которого башкиры учились земледелию, были татары», родственные по языку, культуре и религии; с ними раньше, чем с русскими, сложились тесные экономические и культурные взаимоотношения, о чем свидетельствует наличие у двух народов плуга под названием «сабан». Влияние русской земледельческой техники на другие народы усилилось при «колхозном земледелии»¹.

Отбор этнических приспособлений для ручного сева у народов произошел в пользу белорусской *коробки*, сплетенной из ржаной соломы и лыка. (У русских, украинцев, марийцев и латышей она называлась *сетива* и *севалка*.) Постепенно она распространилась у других народов и вытеснила *кузов* из луба в форме ведра, деревянную долбленную *пудовку* – ведро русских, мешок украинцев, передник латышей и посев из полы халата башкир². И башкиры, и русские, и другие народы для жатвы пользовались серпами и косами фабричной работы. По примеру украинцев башкиры к пятке косы приспособляли грабельки с 3–5 зубьями, чтобы скошенный хлеб ровно ложился в покос³. Чаше встречался цеп для молотьбы русского и русско-белорусского типов (украинский тип – только среди самих украинцев). У башкир, татар, латышей и других народов распространился русский способ кладки снопов *бабки* (*суслоны*, *ляшки*), что объясняется простотой и приспособленностью к местным хозяйственным и климатическим условиям.

Д.К. Зеленин проследил непосредственные русско-башкирские крестьянско-заводские земледельческие контакты на примере села Усень-Иваново Белебеевского уезда Уфимской губернии. Он пишет, что, пока жители завода Усень-Иваново работали на медеплавильном заводе и рудниках, они совсем не занимались земледелием; единственной их полевой работой была косьба сена. После освобождения крестьян от крепостной зависимости, когда помещикам стало невыгодно поддерживать производство, и завод прекратил свою деятельность, местные жители были вынуждены «взяться» за земледелие. «На первых порах, как помнят старики, было трудно: ничего не умеют делать. Нанимали башкир. Потом привыкли. Теперь сеют рожь, пшеницу, овес, просо, лен. Земли имеют по 5 десятин на ревизскую душу; кроме того, арендуют «в казне» и у башкир. Земля – чернозем, «плотик» (т.е. плотная, тяжелая). Удобрения навозом не требуют, даже, по словам крестьян, не выносит удобрения: хлеб будет слишком густ и свалится. Навоз здесь сжигают, большей частью около дорог: «отшибат болезни». Пашут первобытной косулей, «залог», т.е. новую землю – сабаном. Более сложных орудий труда нет, хотя неподалеку, на заводе Деевых, все работают машинами, а в гор. Белебее есть земский склад сельскохозяйственных орудий. Поденщина обычно стоит 25 коп.: башкиры всегда рады наняться на работу»⁴.

Таким образом, русские переселенцы внесли большой вклад в развитие производительных сил края. Их земледельческие традиции развивались на

¹ *Бежкович А.С.* Этнические особенности земледелия у народов Башкирии // Археология и этнография Башкортостана. Уфа, 1973. Т.5. С. 62–63.

² *Бежкович А.С.* С. 69-71.

³ Там же. С. 77.

⁴ *Зеленин Д.К.* Черты быта Усень-Ивановских староверов. № 1. С. 98.

башкирских землях во взаимодействии с башкирами, татарами, чувашами, украинцами, белорусами, латышами, эстонцами, немцами и другими народами. Этнические взаимодействия и взаимовлияния были ярче выражены в центральных, западных и северо-восточных частях Башкортостана.

Огородничество

В хозяйстве русского населения Южного Урала значительное место отводилось огороду. А.А. Пекер в 1860 г. отметил, что на рынке Уфы продают морковь, свеклу и репу (10 коп.), огурцы (6–35 коп. за сотню), капусту (от 70 коп. до 1 р. за сотню)¹. По М.А. Круковскому, обязательной принадлежностью русских являются огороды, которые «обыкновенно спускаются по откосу к реке или, если деревня степная, расположены на задворках». Выращивают морковь, репу, огурцы².

В «Справочной книжке Уфимской губернии» читаем: «Овощи разводятся жителями преимущественно русскими на огородах большею частью для собственного потребления и находят сбыт только в ближайших местностях к городам и торговым сёлах»³. Выращивали капусту, лук, репу, морковь, огурцы. Для последних устраивали парники. Во второй половине XIX в. наибольшее значение имел картофель, «засеваемый в губернии <...> преимущественно русским населением, у которого употребление картофеля повсеместно распространено как приварочная пища, хотя он не дошел еще до степени замены хлеба, и даже редко употребляется как примесь к ржаной муке»⁴.

Русская культура огородничества оказала существенное влияние на местные народы. Башкиры, не знавшие в прошлом огородничества, постепенно перенимали этот вид земледелия. В середине XIX столетия в башкирских и татарских селениях, находящихся в окружении русских селений, например, с. Улькунды и д. Халилово Дуван-Мечетлинской волости, огородов не было зафиксировано. Картофель, морковь, огурцы жители этих селений покупали у русских⁵. Уже в первой половине XX в. огороды стали неотъемлемой частью их хозяйственной деятельности. Под влиянием русских тюркское население на свои огороды стало обильно вносить навоз, иногда золу и известь⁶. Во многих башкирских селениях происходила культивация картофеля, капусты, лука и других культур и увеличение их доли в системе питания. В архивных источниках есть упоминания того, как ещё в XIX в. башкир принуждали выращивать этот продукт (помещик Мосолов⁷). Сейчас же без него не обходится ни одна башкирская семья.

¹ Пекер А. Очерк Уфы // Вестник ИРГО. СПб, 1860. С. 195.

² Круковский М.А. Указ. соч. С. 146.

³ Гурвич Н.А. Указ. соч. С. 364.

⁴ Там же.

⁵ Касимовский В.С. Указ. соч.; Страницы истории Дуванского района.

⁶ Страницы истории Дуванского района. С. 25, 88.

⁷ Русский фольклор Башкирии. Записи фольклорных экспедиций 1938–1939 гг. Башкир. НИИ яз. и литер. под рук. Н.П. Колпаковой // Архив УНЦ РАН Ф. 3. Оп. 2.

Латыши, имеющие многовековые земледельческие традиции, также использовали опыт русских. При участии русских снох на огородах латышей появились грядки, регулярно пропалываемые. Расширился ассортимент выращиваемых растений, например, за счет томатов¹. Напротив, в период компактного расселения украинцев на территории центральных и южных районов республики в соседних русских огородах появились новые насаждения и выращиваемые культуры².

В каждом хозяйстве русские крестьяне растили коноплю: семена добавляли в выпечку, выжимали масло, которое шло в пищу и заменяло олифу, стебли давали волокна для домашнего ткачества. В начале XX в. популярным стал лён (особенно в центральных и северных уездах).

После запрета сажать коноплю на огородах изменился традиционный для русских северо-восточных районов севооборот «картофель – конопля», одновременно, по утверждению информаторов, ухудшилась урожайность картофеля, увеличилось количество сорняка и вредных насекомых. В изученных нами русских селениях южных районов коноплю выращивали на постоянном месте.

В северо-восточных районах распределение участка происходило следующим образом. В с. Вознесенка, с. Тастуба, с. Черношар Дуванского района многие семьи имели от 60 соток до 1 га земли. При этом 15 соток отводили под картофель, 15–20 под коноплю и лён, на остальных выращивали огурцы, капусту, свеклу, морковь, репу. Огурцы утепляли отходами после обработки льна, а капусту – пихтовыми лапками; «пихтушки» также защищали растения от насекомых³. До официального запрета много сеяли мака; дети собирали его в ладонь и ели горстями; хозяйки добавляли в выпечку. Сейчас часть земли засевают травой и используют для выгула домашнего скота (козы, телята) и под покос. Большие участки земли пожилым родителям помогают обрабатывать взрослые дети, живущие отдельно.

В южных районах с середины прошлого столетия «в моде» тыква. Место под картофель отведено за домом, либо рядом, иногда через дорогу от него (при однорядовой планировке улицы). Для приусадебных хозяйств отведено немного земли, несколько соток, поэтому даже на месте палисадника крестьяне не только сажают цветы, но и разбивают грядки с луком, чесноком, морковью, свеклой, кабачками. Последние в больших количествах выращивают в некоторых селах центральных районов республики как корм скоту⁴.

Оренбургские казаки огороды обычно устраивали возле реки и редко около домов «с целью избавить себя от излишнего труда при поливке растений».

Д. 79.

¹ ПМА 2010 г. Д. Балужи Иглинского района Башкортостана, где ныне проживают латыши, белорусы и русские. Информаторы А.И. Осис (1922 г.р.); Р.М. Бирзгал (1949 г.р.).

² ПМА 2000 г. Давлекановский и Благоварский районы РБ.

³ ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁴ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района РБ. ПМА 2002 г., д. Буденовка Иглинского района РБ.

Огораживали плетнём, редко жердями. Сажали капусту, горох, репу, редьку, картофель, огурцы, морковь, свеклу, лук. Арбузы, дыни, тыквы, подсолнечники выращивали для домашнего потребления. В некоторых уездах (Оренбургской, Орской, Челябинской) посевы бахчевых составляли источник дохода. Огородничество у казаков существовало во всех станицах и посёлках¹.

Традиции огородничества продолжают развиваться с учетом технических новшеств последних лет. Повсеместно появились теплицы. Спросом пользуются баклажаны, перец, многие сорта помидор, виноград, а также салат, топинамбур.

Садоводство

Садоводство в промышленных масштабах на Южном Урале было затруднено неблагоприятным климатом. Однако любовь к земле и растениям даже в условиях частых заморозков, степных ветров и плохих почв позволяла с давних времён растить здесь фруктовые и ягодные деревья, кусты и ягоды. В очерке А.А. Пекера 1860 г. читаем: «Фрукты здесь довольно дороги, потому что они рождаются плохо и фруктовых садов очень мало. На открытом воздухе произрастают только яблоки и вишни и те посредственного качества. Лучшие фруктовые деревья и дыни разводятся в грунтовых сараях и парниках. За то в ягодах нет недостатка и они привозятся целыми возами из деревень. Здесь очень много родится малины, клубники, ежевики, смородины, крыжовника, костяники, черёмухи, рябины, калины и дикой мелкой вишни»².

До освобождения крестьян от крепостной зависимости «сады составляли украшение каждого имения». После отмены очевидцы отмечали «сильный упадок садоводства» в крае как «следствие оскуднения владельцев и отсутствия ухода за садами»³. В конце XIX в садоводство стало возрождаться и развиваться даже там, где прежде не существовало. Преобладали яблони, встречались вишни и ягодные кустарники. Из сортов яблок, разводимых в садах, росли в основном анис и боровинка, вишни обыкновенные садовые, владимирские и шпанки.

В Мензелинском уезде Уфимской губернии имелись монастырский сад и купеческие сады-парки. На юго-западе губернии садоводством занимались в Каширской, Языковской, Троицкой, Заинской, Токмакской волостях. Господа Пальчиков, Пасмуров, Стахеев для собственного потребления содержали участки от 1 до 2 дес. в среднем с 50–150 яблонями, 50–100 вишнями, а также ягодными кустами. У Пальчикова были яблоня, груша, слива, у Пасмурова в теплицах росли персики и абрикосы. Крестьянин Николаев не только растил, но и продавал урожай на базаре в Заинске. В его саду на пространстве 1/8 дес. насчитывалось около 50 яблонь и 20 вишен, имелись смородина и малина. В

¹ Стариков Ф. Указ. соч. С. 203.

² Пекер А. Указ. соч. С. 195.

³ Уфимская губерния // Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Статистический сборник. Вып.2.: Современное положение садоводства в России. СПб., 1885. С. 117.

Бирском уезде в Аскинской волости один крестьянин в 1884 г. специально занялся выращиванием яблонь. На хуторе Михайловском Дуванской волости Златоустовского уезда в 1880-х гг. появился фруктово-ягодный сад. Попытки предпринимались также в Альшеевской волости Белебеевского уезда.

Привитые деревья выписывали из разных заведений или покупали весной у крестьян Саратовской, Самарской, Нижегородской губерний, прибывших на пароходах. Чаще садовладельцы сами выращивали дички из семян яблонь, купленных на рынке¹.

Не всегда усилия оканчивались успехом. По замечаниям корреспондентов, в Матвеевской волости Мензелинского уезда груши и сливы на открытом воздухе не давали плодов. В Троицкой волости того же уезда крыжовник давал ягоды едва один раз в пять лет.

Любовью к садоводству отличались оренбургские казаки. Очевидцы писали: «Каждый порядочный домохозяин непременно старается развести сад, и теперь вся станица стоит как бы в лесу». Речь шла о Краснохолмской станице Оренбургской губернии, где этим делом занялись в 1860-х гг., и ко второй половине 1880-х гг. здесь насчитывалось около 100 садов, до 3 тыс. фруктовых деревьев – яблонь и вишен, много крыжовника, малины и смородины, около 20 тыс. прочих растений – это белый тополь, осокорь, ветла, вяз².

В Уфимской губернии яблоки местными производителями почти не продавались, напротив, завозились из Симбирска и Саратова, виноград из Астрахани, арбузы из Оренбурга; оттуда же доставляют целыми возами сухофрукты: изюм киш-миш, урюк³. В Оренбургской губернии яблоки (*моды*) продавались на местных базарах чаще всего казаками в сыром виде в розницу, иногда отвозились в Оренбург. Из с. Вольское часть яблок перевозилась в Саратов, слободу Покровскую и Самару.

Некоторые владельцы свои участки сдавали в аренду. В «Статистическом сборнике» за 1885 г. указано: «Г. Липперт в 1882 г. сдавал свой сад саратовскому арендатору за 800 руб., а в 1883 году, по случаю плохого урожая, сад не был сдан в аренду, и владельцу приходилось даже самому покупать плоды для домашних надобностей. В с. Вольском некоторые садовладельцы сдают сады на лето местным и приезжим съемщикам; другие же сами собирают плоды»⁴. Обычай снимать фрукты раньше периода созревания не существовало за исключением яблок, предназначенных в прок. Некоторые садовладельцы сбиваемые ветром плоды скармливали свиньям. Для защиты от природной стихии яблоневые сады обсаживали вёслами.

С середины 1950-х гг. в русских селениях Южного Урала практически на всех приусадебных участках стали растить яблоню, вишню, сливу, грушу, облепиху. Большое значение в этом деле имели местные агрономы⁵. Свое место

¹ Там же. С. 117–118.

² Оренбургская губерния // Там же. С. 116–117.

³ Пекер А. Указ. соч. С. 195.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ ПМА 2011 г. Информатор Н.Е. Мельникова (1930 г.р.), с. Тастуба Дуванского района РБ.

прочно заняли калина, рябина, черемуха, белая, красная и чёрная смородина, крыжовник и другие растения.

Современные хозяйки много времени уделяют также цветам. Растёт роза, георгин, гладиолус, пион, мак, астра.

Животноводство

Животноводство являлось очень значимой областью хозяйства. Повсеместно держали коров и свиней; в степной и лесостепной местности – овец, иногда коз. Скот приводили с прежней родины, но чаще им обзаводились на месте. В.А. Абрютин в 1898 г. пишет: «Лошадей, конечно, покупали сразу, а относительно рогатого скота у них выработался своеобразный способ приобретения. Переселенец обыкновенно берет у богатого крестьянина или, чаще всего, у башкира, теленка на прикорм, выращивает его и первый приплод берет в свою пользу, а выращенную корову возвращает обратно владельцу»¹.

В. Михайлов отмечает: «По качеству скот переселенцев ничем не отличается перед местными животными и каких-либо улучшений в смысле более рационального скотоводства в виде подбора производителей, надлежащего ухода, кормления и проч. переселенцы не приносили с собой, равно как не занимаются они и специальной выкормкой животных на убой и торговлей скотом»².

Количество скота зависело не только от состоятельности людей, но и урожая хлеба. В неблагоприятные годы крестьянин проедал скот, начиная с мелкого рогатого как менее нужного в хозяйстве. В последующие годы мог компенсировать убыток до следующего неурожая³. Существенную помощь в системе жизнеобеспечения играло птицеводство. В 1860 г. в Уфе на рынке продавали не только говядину свежую (1 р. – 1 р. 20 коп. за пуд) и замороженную (60–75 коп.), масло коровье (4 р. 20 коп.), но и гусей (40 коп. за пару), индеек (30 коп. штука), куриные яйца (40 коп. за сотню)⁴.

В 1860-гг. на Южном Урале развивалось тонкорунное овцеводство, особенно в Оренбургский уезде. Там насчитывалось до 21225 голов тонкорунных овец; в Белебейском уезде – 5000 голов; в Стерлитамакском – 4542; в Уфимском – 2345; в Бирском – 460; в Мен-зелинском – 114 голов⁵.

В 1897–1898 гг. во всех русских селениях Южного Урала держали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. В Стерлитамакском уезде в посёлках, основанных на купленных башкирских землях, на одно хозяйство в среднем приходилось 4,5 лошади, 4 головы крупного и 7,5 мелкого рогатого скота. В посёлках на арендованных землях – 3,3 лошадей, 4 головы крупного и 8 мелкого

¹ Абрютин В.А. Указ. соч. С. 27.

² Михайлов В., 1987. С. 84.

³ Абрютин В.А. Указ. соч. С. 26.

⁴ Пекер А. Очерк Уфы // Вестник ИРГО. СПб, 1860. С. 194.

⁵ Там же. – С. 196.

рогатого скота¹.

В 1912–1913 гг. во многих крестьянских хозяйствах имели по 3 коровы и более, по 3–4 голов овец. В д. Ждановка Аллагуватовской волости Стерлитамакского уезда на 23 двора приходилось 66 дойных коров, 260 овец, 55 свиней. В д. Филипповка (Князево) Уфимского уезда 172 двора пасли отару из 2280 голов. Лошади служили транспортным средством, помогали возделывать почву. В с. Старый Белокатай Златоустовского уезда в 134 дворах насчитывалось по 4 лошади и более².

В русском селе Новотроицкое Бирского уезда Уфимской губернии, основанном удельными крестьянами Пермской губернии, в начале XX столетия насчитывалось 2 тысячи лошадей и 12 табунов скота³. На 696 жителей русского села Городецкое Белебеевского уезда в 1912–1913 гг. приходилось 945 голов скота, в т.ч.: лошадей – 198, крупного рогатого скота – 209, овец – 519, свиней – 19. Ещё больше скота было в д. Донская того же уезда с населением 376 чел.: 209 лошадей, 229 голов крупного рогатого скота, 502 овцы, 28 свиней. Из 59 хозяйств 20 имели 4 и более рабочих лошадей, 17 хозяйств – 3 и более коров⁴.

Животноводство в русских селениях Южного Урала в XIX – начале XX вв. развивалось под влиянием башкир. Часть зауральских русских крестьян, как и башкиры, в зимнее время содержала скот на тебенёвке⁵.

По полевым материалам, до сих пор русские считают непревзойденными умения башкир понимать «язык» лошадей, предугадывать изменение погодных условий, чтобы перегнать скот на новое место, таланту выращивать сильных и выносливых животных, подбирать им корм согласно времени года, поддерживать упитанность лошадей на скудных кормах. Как отмечает информатор В.А. Зырянов (1946 г.р.), фермер, занимающийся разведением лошадей, «от башкир русские Дуванского района научились приемам скотоводства, переняли технологию изготовления седел и удил, способов украшения башкирскими орнаментами. По искусству плетения конской сбруи (нагайка, кнут, шлеи) башкиры всегда превосходили русских мастеров; башкирские кустари ездили по русским селам, где выполняли частные заказы»⁶.

Одной из тяжелых проблем русского крестьянина Оренбургской и Уфимской губерний было скотокрадство, особенно конокрадство. Оно охватывало и казаков⁷, и крестьян. Газеты прошлых столетий из номера в номер констатировали случаи кражи лошадей, коров, призывали хозяев быть

¹ Михайлов В., 1987. С. 83.

² Шитова С.Н., Ковязин С.А. Русские // Народы Башкортостана. Уфа, 2002. С. 232–233.

³ Селу Новотроицкое – 200 лет. 12.04.2011: URL: <http://mishkan.ru/news/905/> (дата обращения: 08.02.2012).

⁴ Земля Ермакеевская. С. 202, 215.

⁵ Историческое значение присоединения Башкирии к Русскому государству: URL: <http://baimak-gorod.ucoz.ru/publ/1-1-0-2> (дата обращения: 08.02.2012).

⁶ ПМА 2009 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁷ Стариков Ф. Указ. соч. С. 169.

более бдительными. Это «бич, особенно для пришлого населения», ибо, коренное население «знает проделки скотокрадов и в состоянии оказать какое-то сопротивление». Для определенной группы людей скотокрадство – «это форма промысла, – организованного, устойчивого, имеющего традиции еще в Древней Руси», и очень выгодного. Ведь «материал» всегда «под рукой», есть большой спрос на него. Цена на продукт не зависит от потраченного труда, как, например, при кустарных промыслах.

По статистике 1904 г. в Уфимской губернии из 4107 селений, входящих в состав 178 волостей, имели дело с конокрадством 1145, или 28% крестьянских дворов. География распространения охватывает всю губернию, но больше всего – Стерлитамакский уезд (четвертая часть добычи). Меньше случаев зарегистрировано в Златоустовском и особенно в Мензелинском уездах (не более 1/10 части). Конокрадство больше было развито в степных и лесных пространствах с редким населением, где есть возможность на время спрятать украденное, а за пределами губернии быстро сбыть товар. Активизировалось скотокрадство в летний и осенний «пастбищенский» период, в ночное время, когда скот остается без присмотра. Сложнее было украсть скот из стада, охраняемого пастухом (в Мензелинском уезде), хотя некоторые пастухи с конокрадами вступали в артели, создавали союзы.

Кража крупного рогатого скота осуществлялась обычно одиночками. Украденное отвозилось в укромное место, тотчас закалывалось и продавалось знакомому мяснику или многочисленным и вездесущим скупщикам. Лошадей крали не только для продажи, для убоя, использования в качестве рабочего скота в своем хозяйстве, но даже для получения выкупа с хозяина. Конокрад часто разыгрывал роль благодетеля, который «пытался помочь» пострадавшему крестьянину, «искал» и затем «случайно находил» потерянный скот¹. По М.А. Круковскому, у староверов-кержаков особенно сильно было развито конокрадство².

В настоящее время в подсобных хозяйствах русские содержат мясомолочных коров, коз, овец, свиней. Последних под влиянием русских стали разводить башкиры и татары (несмотря на запреты ислама), в основном на продажу. Количество скота в русских селениях сокращается с каждым годом, и часто родственники, живущие в разных домах, держат одну корову. Вместо коровы заводят козу, которую легче содержать, молоко целебное. Стадо пасут по очереди или с пастухом. В домашних хозяйствах есть куры, гуси, утки, индюки.

С формированием на территории Башкортостана русского населения земледелие стали активно развиваться у башкир, изменив уклад их жизни. В свою очередь, для русских оказался бесценным опыт башкирского населения в области животноводства, особенно коневодства.

¹ Красильников М. Скотокрадство в Уфимской губернии // УГВ. 1905. № 159 (26 июля); № 161 (28 июля); № 162 (29 июля); № 163 (30 июля); № 164 (2 авг.), № 165 (3 авг.); № 167 (5 авг.); № 173 (13 авг.); № 176 (18 авг.); № 177 (19 авг.); № 178 (20 авг.); № 180 (23 авг.).

² Круковский М.А. Указ. соч. С. 154.

Пчеловодство

Башкортостан называют медовым краем, «классической страной пчеловодства» с многовековыми традициями¹. Развитию пчеловодства в крае способствовали природно-географические условия. Как писал в 1883 г. Н.А. Гурвич, Член-Секретарь Уфимского Статистического Комитета, член ИРГО, «Уфимская губерния, по умеренному климату и по весьма значительному изобилию липовых, строевых и дровяных лесов, цветоносных кустарников, и по чрезвычайной растительности цветоносных лугов, степных и лесных трав, представляет самые благоприятные условия для разведения обширного пчеловодства. Поэтому сельские жители, особенно из русского населения, башкир, татар, занимаются значительным разведением пчеловодства, как весьма выгодным промыслом».

В «Воспоминаниях» С.Я. Елпатьевского, писателя-демократа и известного врача, работавшего на Благовещенском заводе, читаем: «Тотчас же за заводом начинался лес, тянувшийся за сто вёрст с лишком, лиственный – главным образом липа и клён, – медоносный лес, где по округе разбросаны тысячи ульев и откуда главным образом вывозился уфимский липовый мёд, – чудесный радостный лес, по весне сладко пахнувший липовым медовым духом, полный соловьиных песен»².

О значительном месте пчеловодства в жизни русских крестьян Уфимской губернии свидетельствует очерк М.А. Круковского (1909) в котором описано, что при встрече уральца с башкиром после первого приветствия принято интересоваться состоянием пчел, а лишь затем семьи, лошадей и т.д. Хорошему хозяину пчела давала до десяти пудов меда в год, что являлось большим подспорьем в хозяйстве³. Описывая хозяйственные постройки в русской усадьбе северо-восточных районов Уфимской губернии, М.А. Круковский среди прочих отметил, что «на соломенной крыше повети ютятся несколько пчелиных ульев»⁴.

В Уфимской губернии, по Н.А. Гурвичу, имели место несколько видов пчеловодства: «пасечное, огородное и бортевое, последнее довольно редко и преимущественно у башкир, мешеряков и у некоторых крестьян, как, например, в Златоустовском уезде, живущих на таких башкирских землях, где много лесов. Кроме сельского населения занимаются пчеловодством и другие сословия, в особенности сельское духовенство, затем мещане, живущие в селениях и также городские, бывшие же помещичьи крестьяне теперь, как и прежде, мало занимаются пчеловодством»⁵.

Бортевое пчеловодство является традиционным занятием многих народов Евразии, в том числе русского населения с X по XVII вв. В феодальный период

¹ Вахитов Р. Пчелы и люди. Уфа, 1992. С. 45; Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 107–108.

² Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 104.

³ Круковский М.А. Указ. соч. С. 143.

⁴ Там же. С. 139, 146, 151.

⁵ Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 410–411.

были *бортничьи люди*, которые специализировались в данном промысле. Борти отмечались специальными знаками, а расхитители наказывалось вплоть до смертной казни¹. Аналогичные явления наблюдались у башкир. К моменту переселения русских на Южный Урал бортничество в некоторых российских губерниях, в том числе Пермской и Вятской, могло сохраниться, в то время, как в большинстве регионов, с ростом населения, развитием сельского хозяйства и промышленности, вырубкой леса, оно исчезло.

На башкирских землях русские переселенцы использовали опыт бортнического и пасечного пчеловодства, накопленный на прежней родине. В 1860-х гг. В.С. Касимовский писал о выходцах из Кунгурского уезда Пермской губернии, с 1760-х гг. живущих на территории Златоустовского уезда Уфимской губернии: «Желание жить привольно породило общую кунгурякам страсть к хуторной жизни, к поселению по речкам и в лесах. Здесь на приволье, кроме хлебопашества, крестьяне занимаются пчеловодством. Хуторники юрюзанские водят по 100–150 ульев пчел, вешают в лесу борти, в которые прививаются рои. Мёд тамошний белый и вкусный, при отсутствии гречи пчела берет с полевых цветов»².

В приведённом выше высказывании В.С. Касимовского обращает внимание глагол «вешают» (борти). Речь может идти о «кузовах» (термин В.И. Даля) и «кузовном» пчеловодстве – переходной форме от бортевого к колодному пчеловодству. Кузов – «подвязанную борть – вывешивали в лесах, переносили с места на место, отыскивая лучшие места: дикие пчелы в них селились без участия человека»³. Они были удобными в условиях незакрепленных территориальных отношений между русскими переселенцами и башкирами. В Уфимской губернии пчельники на Варфоломеев день (25 августа по старому календарю) отбирали улья и ночью на лошадях или волокушах бережно перевозили домой, стараясь не сломать соты⁴. По наблюдению Р.Ш. Вахитова, башкиры «вывешивали кузова в лесах на берегу Камы, заманивая многочисленные рои от пасек закамских вятичей»⁵.

Имелись отличия в бортевом пчеловодстве между родами и племенами башкир, а также черемисами (марийцами)⁶, русскими, вотяками (удмуртами). Они проявлялись в способах строения бортей, укрытия на зимний период, инструментах и т.п. В районах активных межэтнических контактов формировались общие черты.

Во второй половине XVIII в. башкиры оговаривали условия владения бортевыми ульями припущенникам и арендаторам земель. Дерево, подготовленное к долблению дупла, стоило 5 коп., готовая борть без пчел – 10 коп., хоть однажды

¹ По «Судебнику» Ивана Грозного.

² Касимовский В.С. Указ. соч. С. 11.

³ Даль В.И. Борть // Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Спб., 1863–1866. URL: <http://www.slova.ru/article/2012.html> (дата обращения: 28.12.2011).

⁴ Там же.

⁵ Вахитов Р. Указ. соч. С. 114.

⁶ Там же. С. 65.

заселившаяся – 1 р., борть с пчелиной семьёй – 1 р. 50 коп.¹. Однако сохранялась практика устройства бортей без ведома башкир, что вызывало их возмущение. Протест усиливался в связи с сокращением ареалов развития пчеловодства в результате «распродажи башкирских земель, лесопромышленной горячки и наплыва новосёлов». Напротив, «когда деятельность лесопромышленности начала ослабевать и сокращаться, многие, оказавшись «не у дел», прибегли к пчеловодству <...>, потому что, как-никак, а пчеловодство всё-таки остается самой доступной и доходной отраслью»².

В горнолесной зоне бортевое пчеловодство имело место до середины XX в. и сохранилось до настоящего времени, во многом благодаря созданию Башкирского государственного природного заповедника, сохранению нетронутых лесов в глухих и бездорожных отрогах Уральских гор. Целебные качества и высокая стоимость бортевого мёда способствовали тому, что даже в такие места добирались вооруженные молодые люди и отнимали продукт у местного населения. Случаи наблюдались, по словам информаторов, в начале 2000-х гг. в Зилаирском районе³.

Колодное пчеловодство на территории России и Башкортостана зачастую развивалось в местах, где бортничество было невозможным⁴. Колоды упоминаются В.А. Абрютиним, исследователем Белебеевского уезда в конце XIX в. Он отмечает, что в переселенческих поселках встречается 2–3 двора, имеющих пчел в колодах. Мед этого района, ввиду большого насаждения липы, считается на рынке лучшим⁵.

Природная наблюдательность за пчёлами, селящимися в разных местах – в горах и скалах, земле, щелях домов и хозяйственных построек, – позволила с давних пор приспособить для них специальные жилища - колоды. Содержание пчел около изб, амбаров и на огородах позволяло лучше уберечь пчёл от диких животных (медведь, куница, дятел) и воровства людей. Переселенцы из центральных районов России – русские, татары, чуваша и другие – ещё на прежней родине накопили опыт колодного пчеловодства и дополнили его в условиях климата Южного Урала. Например, было замечено, что здесь брачные вылеты пчелиных маток наблюдаются в дни Троицы⁶. Мёд вынимали два-три раза в лето, обычно 20 июля (Ильин день), 1 и 6 сентября (первый и второй Спас)⁷. Медоносные колоды просуществовали на территории Башкортостана до 1960-х гг., в редких случаях – до 1990-х гг. В северо-восточных горнолесных (Бело-

¹ Там же. С. 111.

² А.Ю. Пчеловодство в лесах Уфимской губернии // Сельскохозяйственный листок. 1909. № 4. С. 38.

³ ПМА 2000 г. Информатор Касьянова Зоя Михайловна (1935 г.р.), д. Иван-Кувалат Зилаирского района РБ.

⁴ Пчелы, цветы и здоровье: URL: <http://www.bestbees.ru/?q=node/11> (дата обращения: 30.01.2012).

⁵ Абрютин В.А. Указ. соч.

⁶ Вахитов Р. Указ. соч. С. 110, 118–119.

⁷ Кабанов Г. Указ. соч. С. 31.

рецкий) районах колоды так и не вошли в хозяйственную жизнь местных жителей; здесь были борти.

Пионером рамочного пчеловодства на Южном Урале исследователи называют выходца из Лифляндии (Латвии) И.Я. Вейнберга. Близ д. Тикеево Урман-Кудейской волости Уфимского уезда в 1878 г. в липовом лесу он основал хутор с пчельником из 12 колодных и 131 рамочных ульев. Опираясь на европейский и американский опыт пчеловодческой науки, быстро укрепил хозяйство. Через год оно насчитывало 63 дубовые колоды и 230 рамочных ульев; появилась центробежная медогонка. Ещё через год был сооружён двойной шестиэтажных улей, в котором пчёлы дали 411 фунтов¹ «безукоризненного липового мёда». Впоследствии, пережив годы заморозков и гибели липы, И.Я. Вейнберг много экспериментировал, добился серьезных результатов, но был вынужден оставить пасеку². Его опыт использовали русские и башкирские пчеловоды.

Близ Вейнберга, на р. Сим, поселился А.М. Юрьев, выходец из с. Соловьёвка Рязанской губернии. В 1879 г. вместе с четырьмя сыновьями он основал промышленную пасеку. Один из младших братьев, Александр Александрович Юрьев, стал не только крупным пчеловодом-промышленником, но и в 1911 г. первым губернским инструктором по пчеловодству³.

Помимо братьев Юрьевых, в 1880-х гг. по р.р. Инзеру и Симу «ядро Уфимской пчелопромышленности» сформировали лесопромышленники Сафронов и Куликов. Крестьянином Шукшуевым заложена «отъезжая пасека»⁴. Рамочные пасеки стали расти «как грибы» после «блестящей пропаганды» улья Дадана Г.П. Кондратьевым. Продажи сотового мёда стали осуществляться по всей России, они возросли после введения упаковки в жестяных коробках с надписью «Уфимский липовый мёд»⁵.

Газета «Русский пчеловодческий листок» упоминала М.А. Крылова, который содержал пасеку на собственном хуторе близ станции Иглино, а на первом съезде русских пчеловодов в Петербурге в 1893 г. за новые конструкции ульев был удостоен бронзовой медали. Описывались результаты животноводческого форума 1903 г. в с. Байки Бирского уезда, где крестьяне-пчеловоды организовали выставку своей продукции. Сообщалось об изобретении жителем с. Байки А. Блиновым способа утепления пчел⁶.

Рамочное пчеловодство на территории Южного Урала распространялись медленно, по инициативе владельцев промышленных пасек и пчеловодов-любителей из числа духовенства и сельской интеллигенции. Основная масса крестьян продолжала содержать пчёл в колодах. В 1910 г. официальная статистика насчитывала в губернии 321,5 тыс. семей пчёл, из них лишь 28,9 тыс., или 9%, – в рамочных ульях⁷. В газете «Сельскохозяйственный листок» читаем:

¹ В России 1 фунт соответствовал 409,5 г.

² Вахитов Р. Указ. соч. С. 196–199.

³ Там же.

⁴ А.Ю. Указ. соч. С. 38–39.

⁵ Вахитов Р. Указ. соч. С. 39.

⁶ Там же. С. 203, 200.

⁷ Там же. С. 203.

«Наши собраты с колодными ульями <...> умеют в простоте своей переживать между прочими невзгодами и плохие на пчёл полетья. Восприняв по наследию веками сложившуюся роевую систему пчеловодства, они явились с ней новоселами в когда-то «дикую Башкирию», завели здесь свои «отъезжие пасеки» и отсаживают в благоприятные года все отходящие рои, накапливая таким образом себе страховую премию на случай губельного сезона, чтобы потом, при уроне, на счет выломанной из пеньков вошины купить новый завод пчёл. Эта нехитрая, но глубоко жизненная система никогда не обескураживала, ни разочаровывала их в пчеловодстве. Напротив, ся последователи до сих пор остаются главными поставщиками пчёл, мёда и воска, и ведут свое дело осторожными шагами неотступно к утверждению и развитию»¹.

В Уфимской губернии многое делалось для того, чтобы привить навыки пчеловодства детям. При начальных школах Уфимской губернии устраивали учебные пасеки. В 1893 г. недалеко от Уфы в имении Петровка помещица М.Н. Ляхова организовала Ляховскую казённую школу пчеловодства со столярной мастерской по изготовлению ульев и предметов пчеловодства². В современном Башкортостане эти традиции восстанавливаются. В некоторых русских селениях создаются школы пчеловодства. Дети разных национальностей наравне с взрослыми участвуют в ежегодных республиканских конкурсах пчеловодов.

С давних пор мёд использовали как лекарство, лакомый продукт и основа для напитка. В русских селениях Дуванского района мёд был средством обмена на железные и медные изделия. Из воска каждый пчеловод изготавливал свечи³, чи³, в то время как «башкиры в воске никакой потребности не и имели. Он шёл исключительно на продажу»⁴ и собственное потребление. На ярмарках и базарах русские продавали мёд, вошину, воск⁵. По официальной статистике 1883 г., восково-свечные предприятия зафиксированы в Уфе (при Благовещенском женском монастыре) и Стерлитамаке (купца М.Н. Петрова и крестьянина Н. Новоженина). Свечные фабрики были в Уфе (купца А.К. Кондратьева) и Златоусте (купца Я.М. Михайлова и купца Е.Г. Прилубникова)⁶.

Газета «Белебеевский сельскохозяйственный листок» приводит рецепт изготовления медового напитка «Вишняк», который «отличается особым вкусовым достоинством и, наверное, может составить предмет очень выгодной продажи в тех местностях, где практикуется более или менее широкая культура вишен, или же она растет в большом количестве в диком состоянии». На пуд свежего, отделённого от центробежки мёда берётся пуд истолчённых с косточками вишен, эту смесь тщательно размешивают чистым веслом, добавляют воду и кипятят на медленном огне в котле, снимая пену. После охлаждения смесь переливают в бочонок и «заправляют» дрожжами. По окончании брожения опускают в хол-

¹ А.Ю. Указ. соч. С. 42–43.

² Вахитов Р. Указ. соч. С. 195.

³ Село родное Ярославка / Авт. и сост. С.А. Брагина, А.В. Ковин, А.П. Ковин. Дуван, 2009 (?). С. 11.

⁴ Вахитов Р. Указ. соч. С. 83–84.

⁵ Гурвич Н.А. Указ. соч. С. 411.

⁶ Там же.

шовом мешочке до одного фунта толченого миндаля и изрезанных корок 3–5 апельсинов. Через два дня вливают в бочонок растворенного в сусле рыбьего клея, взбалтывают и оставляют устояться. Через три дня мёд-вишняк разливают в бутылки, процеживая через сито, закупоривают бархатными пробками, засмазывают и укладывают лежа в сухом подвале с низкой температурой¹.

По полевым материалам, с давних времён русские использовали мёд также как консервант для хранения лесных ягод². Он был бесценным в годы социальных потрясений – войн, послевоенной разрухи, голода, так как усиливал иммунитет, лечил от болезней, был средством обмена на другие продукты и товары. Информаторы сообщают, что семьи, которые держали пчёл, легче пережили тяжёлые времена.

Охота

Охота за зверями и птицами занимала важное место в системе жизнеобеспечения русского населения Южного Урала. Н.А. Гурвич в 1883 г. писал о богатстве Уфимской губернии: «её привольные луга и степи дают пристанище прилётной дичи, её густые леса доставляют убежище многим зверям; редкая населенность многих мест губернии доставляет дичи и зверям много простора добираться и размножаться». В лесах водятся медведи, волки, красные и белые лисицы, очень много зайцев, встречаемых и в полях, белки, барсуки, суслики, олени, рыси, лоси, косули, выдры, горностаи, куницы и сурки. Однако «звери эти, кроме медведей, волков, лисиц и белок, заметно, год от году уменьшаются». Охота «как ныне, так и прежде весьма развита» среди русских крестьян, включая государственных, бывших удельных, бывших помещичьих и заводских³. Оренбургские казаки в конце XIX в. ограничивались охотой на волков, лисиц и зайцев⁴.

Н.А. Гурвич отмечал, что «охота на дичь, хоть и не как исключительный промысел, наиболее развита между русскими, башкирами и другими инородцами Уфимского, Бирского и Стерлитамакского уездов, и к самой прибыльной охоте принадлежат тетерева, рябчики, куропатки, утки и глухари. Из первых рук дичь попадает к скупщикам и прасолам, которые её большею частью перепродают на места». Были охотники не только в уездах, но и в г. Уфе. С ярмарок, особенно Мензелинской, Буздякской и Стерлитамакской, дичь отправлялась в Москву, Казань, Симбирск, Тамбов и другие города. Часть продукта оставалась для местного потребления. За 100 пар дичи отдавали: за тетеревов – 40–60 руб., сибирскую белую куропатку – 30 руб., уток, рябчиков, куропаток, дупелей, вальдшнепов – 30–40 руб.; глухарь продавали по цене 1 руб. за пару. Летом и осенью дичь стоила на 5 руб. дешевле за сотню⁵.

¹ И.Г. Мед-вишняк // Белебеевский сельскохозяйственный листок. 1909. С. 10–11.

² ПМА 2009, 2011 гг. Дуванский район РБ.

³ Гурвич Н.А. Указ. соч. С. 408.

⁴ Стариков Ф. Указ. соч. С. 163.

⁵ Там же. С. 409–410.

Приспособления для охоты у русских Уфимской и Оренбургской губерний были те же, что у башкир – железные капканы, самострелы, захопывающиеся ловушки, силки и т.д. У заводчиков и дворян была популярна ружейная коллективная охота с применением загонов и собак. В «Воспоминаниях» Д.И. Татарина, уроженца с. Кага Белорецкого района, читаем: «Осенью и в начале зимы организовывались большие общины на зайцев, лисиц и волков, – всех этих животных на Урале в то время было несметное количество»¹.

На примере русских сёл Белорецкого района, находящихся в окружении многочисленных башкирских селений, можно описать процесс заимствования русскими от башкир способов изготовления охотничьих лыж – широкими, длинными и легкими. Их делали из основания сосны, аккуратно выдалбливая носик. (До этого местные русские крестьяне лыжи делали из березы. Они были более тяжелыми. Бралась деревянная пластина и сгибалась её передняя часть.) Подобно башкирам, русские к внутренней стороне лыж стали приклеивать полоску шкуры, которая называлась камус, чтобы езда была бесшумной и позволяла без труда, не скользя назад, подниматься в гору².

Местные русские охотники отличаются интуицией и изобретательностью, а также разнообразием сфер деятельности. Например, Василий Петрович Фуфаев (1953 г.р.) из с. Метели на собственной «Газели» занимается частным извозом, а в свободное время – охотой. Это увлечение он перенял от отца, Петра Ильича Фуфаева (1924 г.р.), который специализировался на пушном промысле и придумал свой способ ловли куницы, многочисленной близ д. Аяз, – с помощью квашеной рыбы-приманки. Для этого в лесу он устанавливал металлическую конусообразную трубу, куда заползала куница ради рыбы, но обратно выползти уже не могла. Охотник забирает добычу с неповрежденным от пуль ценным мехом.

В русских селениях Башкортостана и сейчас много охотников. Много медвежатников сохранилось в горнолесной зоне. Они рассказывают бывальщинки³ (былички) о забавных, нередко страшных и опасных для жизни случаях в лесу. Валентин Андреевич Зырянов из с. Вознесенка Дуванского района восхищался ловкостью, умом и скоростью медведей, он наблюдал более чем за 100 медведями, убил 11. Говорит, что их мясо обладает полезными свойствами («вкуснее в жареном виде») и желчь («В Японии за желчь четырех медведей новую Тойоту дают»). Магическими и лечебными свойствами обладают когти⁴. В.А. Зырянов утверждает, что охотники здесь отстреливают только тех медведей, которые повадились не только кормиться мёдом на пасеках, но и разрушают ульи, поставленные в лесу. Они отпугивают волков, многочисленных в последние годы, душащих скот в сараях. Пневматические ружья готовы для отстрела ястребов, которые кормятся цыплятами.

К сожалению, фиксируются случаи браконьерской охоты в лесах Башкортостана, особенно на лося и медведя. По сведениям Министерства

¹ Татарин Д.И. Указ. соч. С. 22.

² Из устного сообщения коллеги М.Г. Муллагулова. 2011 г.

³ Так говорят в Дуванском районе РБ.

⁴ Галиева Ф.Г. Отчет. С.40.

природопользования и экологии республики, в 2011 г. по разным причинам уменьшилось количество волка, зайца-беляка, марала и рыси. Отмечена стабильная численность белки, зайца-русака, колонка, корсака, куницы и лисицы. Стало больше горностаев, кабанов, косуль¹. Законодательно разрешены следующие виды охоты: промысловая, любительская и спортивная, охота в целях осуществления научно-исследовательской деятельности, охота в целях регулирования численности охотничьих ресурсов. На 2012 г. установлены лимиты на лося, косулю сибирскую, кабана, медведя бурого, барсука² Интернет содержит предложения организованной охоты на медведя³.

Рыболовство

Рыболовство – традиционное занятие русских с древнейших времен – на Южном Урале развивалось повсеместно и в разнообразии форм.

У Д.И. Татарина читаем: «В заводском пруду было много рыбы, особенно окуней и ершей. Налимов ловили на реке Белой, особенно была распространена ночная охота с острогой – острым трезубцем с деревянной длинной рукояткой» Рыбу ловили бреднем, сетью, плетёными ловушками – вятелями и мордами, удочкой (в основном, мальчики)⁴.

У С.Я. Елпатьевского находим строки: «Белая изобиловала рыбой. И кому не лень было, даже удочками вылавливали лещей не только на семью, но и на продажу. И места были дикие, мало истоптанные человеком <...>. Было великое множество птицы – уток, рябчиков, на лето прилетали лебеди. Водились медведи. Забрался даже в село какой-то глупый медведь, просунул голову в подворотню, а вытащить не мог, и выбежавший на медвежий рёв хозяин обухом прикончил его»⁵.

А.А. Пекер в 1860 г. констатировал факт продажи на рынке Уфы рыбы, добываемых в соседних озёрах и реках. Это были судаки, окуни, караси, лещи, сорочка, хариусы, налимы, лини и друг. Они продавались по цене до 5 коп. за фунт. Красная рыба – осетры, севрюга, сазаны – доставлялись из Уральска, стоили от 7 до 10 и 15 коп. за фунт⁶.

У оренбургских казаков ловля рыбы производилась в реках Тобол, Уй, Мияс и некоторых озёрах. Река Урал славилась обилием рыбы, хотя в среднем и верх-

¹ Итоги зимнего маршрутного учета диких животных: URL: http://ufaportal.ru/news/2011/06/v_bashkirii_utverzhdeny_limity_na_ohotu/ (дата обращения: 03.02.2012).

² Охота на медведя в Башкирии: URL: http://ufaportal.ru/news/2011/06/v_bashkirii_utverzhdeny_limity_na_ohotu/ (дата обращения: 03.02.2012).

³ В Башкортостане утверждены лимиты на охоту в период с 1 августа 2011 года до 1 августа 2012 года: URL: <http://talks.guns.ru/forum/110/851815.html> (дата обращения: 03.02.2012).

⁴ Татарин Д.И. Указ. соч. С. 22.

⁵ Елпатьевский С.Я. Указ. соч. С. 140.

⁶ Пекер А. Указ. соч. С. 194–195.

нем течении, т.е. в пределах Оренбургского казачьего войска, ловилась только чёрная мелкая рыба в небольшом количестве¹.

Способы ловли рыбы у башкир и русских в XIX и начале XX вв. во многом совпадали, в том числе применяли лучение в ночное время на лодках, освещая путь факелами. По мнению Д.И. Татарина, русские его переняли от горных башкир². М.Г. Муллагулов считает наоборот³. В пользу последнего мы имеем материалы о распространении и даже вариантности этого способа на прежней родине русских переселенцев, например, в Пермском крае⁴. Вероятно, под русским влиянием у башкир появилась более совершенная рыболовная снасть, железные светцы и устойчивые в воде плоскодонные лодки⁵.

Продажа рыбы была выгодным делом, учитывая её обилие и разнообразие в реках и озёрах. В 1880-х гг. ценились белуга (15–20 коп. за фунт), белая⁶ (15–40 коп.), стерлядь (20–40 коп.), судак (10–20 коп.), сом (8–12 коп.), щука (4–6 коп.), лещ (7–10 коп.), карась (3–6 коп.), пеструшка (4–10 коп.)⁷.

Рыба занимала важное место в питании русского населения Южного Урала. У В.С. Касимовского читаем: «Большую же часть подается на стол, притом почти исключительно в пирогах местная рыба: кутема (харьгуз), которую ловят в Юрюзани и Уфе, окунь, подуз, шеклея (бакля), пискозоб (пискарь) <.>. В праздник постный и скоромный, не исключая Св. Пасхи и Рождества Христова, печется пирог из соленого судака с выставленными наружу хвостом. Является гость — на стол самовар и пирог». Пирог «печется из пшеничного теста, но нижняя корка делается из ржаного теста, которая называется остожьем»⁸. Рыбные пироги были и остаются обязательным атрибутом праздничного стола в Дуванском районе. Их и сейчас готовят с хвостом наружу как в домашних условиях, так и местном кафе.

Ухудшение экологии, обмеление рек, а также браконьерская ловля рыбы привели к исчезновению многих видов рыб на территории Башкортостана. Однако регион по-прежнему остается одним из самых привлекательных благодаря наличию около 13 тысяч рек и речушек, примерно 3000 озер и прудов, и разнообразию видов рыб. Карповый Клуб организует специальные туры за конкретной разновидностью рыбы, в том числе карпом или дикой форелью⁹. При осуществлении любительского и спортивного рыболовства законодательные акты

¹ Стариков Ф. Указ. соч. С. 163.

² Татарин Д.И. Воспоминания // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып.2; Уфа, 1993. Вып.3 (окончание).

³ Муллагулов М.Г. Собирачество и рыболовство у башкир. Уфа, 2007. С.79.

⁴ Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь, 2007. С. 69–72.

⁵ Муллагулов М.Г. Указ. соч.

⁶ Вероятно, речь идет о белорыбице (белой рыбице).

⁷ Гурвич Н.А. Указ. соч. С. 412.

⁸ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 9, 15.

⁹ Рыбалка в Башкирии: URL: <http://fishersdream.ru/> (дата обращения: 03.02.2011).

регулируют количество в водоёмах республики стерляди, жереха, судака, леща, щуки, сома, сазана, рака¹.

Собирательство

Важное место в жизни русского населения Южного Урала отводилось сбору грибов и растений. Собирательство актуализировалось в голодные и военные годы. Белену называли «вторым хлебом», добавляли в хлеб, готовили похлёбки. Ели почки деревьев. Из крапивы варили суп; молодое весеннее растение, «когда оно ещё не кусается», применяли в свежем виде; после сушки могли использовать круглогодично как лекарственное растение. Ранней весной и русские, и башкиры ходили в лес за кислицей² и диким луком³. До сих пор жители села Лемазы Дуванского района в огородах его не сажают, а пользуются дарами леса⁴.

У русских сохранились традиции сбора листьев и молодых стеблей щавеля, особенно щавеля конского, называемого «конёвником». Его готовят со сметаной как самостоятельное блюдо. В сыром виде едят борщевик, очистив стебель от кожицы, и варят похлёбку. В лечебных целях собирают чабрец («богородская трава»), душицу, зверобой, тысячелистник, мать-и-мачеху и другие лекарственные травы.

Для местного хозяйства большое значение имели произрастающие дико в степях и лесах вишни, чёрная смородина, рябина, клубника, земляника и черёмуха. Они собирались в большом количестве и сбывались в сыром и сухом виде в города Оренбург и Ташкент⁵.

В Дуванском районе одна семья на зиму сушила большой мешок (50 кг) черемухи, столько же лесной земляники, перед приготовлением пирогов вымачивая в печи⁶. Лесными ягодами лакомились в свежем виде и помещали для длительного хранения в мед. Собирали чернику, голубику, малину, клубнику, костенику, ежевику⁷. И башкиры, и русские собирали плоды вишни, боярышника и и калины⁸. Сейчас ягоды замораживают в морозильниках, делают компоты и варенья.

Осенью ходили в лес за лесным орехом и шишками хмеля, которые использовались для закваски хлеба. Повсеместно русские собирали грибы, в основном сушили. Под их влиянием башкиры, прежде всего в горных районах, стали осваивать это занятие; сейчас они собирают и употребляют в пищу грибы наравне

¹ Запрет на рыбную ловлю 2011 г. в Башкирии: URL: <http://www.tatfisher.ru/news/fishinglaw/457.html> (дата обращения: 03.02.2011).

² Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 149–150.

³ Муллагулов М.Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа, 2007. С.28–32.

⁴ ПМА 2009 г.

⁵ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 2.: Современное положение садоводства в России. СПб., 1885. С. 117.

⁶ ПМА 2011 г.

⁷ Касимовский В.С. Указ. соч. С.8.

⁸ Муллагулов М.Г. Указ. соч. С. 51.

с другими народами¹. Особенно много грибов было в дуванских лесах, при обилии туманов: груздей, рыжиков, обабков, маслят, белянок. Грузди и белянки солили, синявки, опенки, обабки варили, делали похлебку, которая называлась губницей, так как грибы называли губами². Сейчас грибы консервируют по рецептам современных книг и интернета.

Сельские и городские ремесла и промыслы

Подготовка сырья, изготовление домашнего текстиля, одежды, обуви, мебели, посуды, бытовой утвари осуществлялись во всех русских селениях. Как пишет В.А. Абрютин, «почти в каждом более или менее значительном поселке встречаются плотники, пильщики, печники, каменщики, пимокаты, портные, сапожники, кузнецы, столяры и проч. Но все эти люди лишь случайные ремесленники, по существу же — хлебопашцы. Исключением являются только переселенцы, поселившиеся в лесных местностях, у коих выделка деревянных изделий носит постоянный характер и является безусловно необходимым побочным занятием, в виду тяжелого труда расчистки земли из-под леса. Особенно развиты здесь выделка мочала, рогож, приготовление рогожных кулей, в некоторых же поселках на первый план выступает выделка ободьев для колес, полозьев для саней; затем неотъемлемою принадлежностью этих переселенцев является также плотничество, столярничество, а в одном из поселков производится даже специальная выделка деревянных ложек»³.

Есть письменные упоминания о том, что в селе Кага женщины из овечьей шерсти делали домашнее сукно, вязали варежки, чулки, валяли валенки, кошмы, шляпы, войлоки, потники и седла⁴. В п. Мураевинском Белебеевского уезда имелись свои столяры и сапожники, почти в каждом дворе были плотники, особенно хорошо они делали соломенные крыши, на чём зарабатывали деньги. В п. Покровка № 1 того же уезда ценились плотники, кузнецы, столяры, пильщики, каменщики, портные; в нескольких домах занимались производством веревок⁵. В русском селе Новотроицкое Мишкинского района было 5 мастерских по производству канатов, 5 дегтярных мастерских, 1 мастерская по производству колес. До сих пор жители села ткнут ковры и плетут лапти⁶.

По полевым материалам, повсеместно в русских селениях были портные, пимокаты, сапожники, лапотники, которые обеспечивали население всех возрастов рабочей, повседневной и праздничной обувью. В западных районах

¹ Там же. С. 54.

² *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 27.

³ *Абрютин В.А.* Указ. соч. С. 86.

⁴ *Шакурова Ф.А.* Южноуральское село Кага: история края в вопросах и ответах Уфа, 2010. С. 95.

⁵ *Абрютин В.А.* Указ. соч. С. 71.

⁶ Селу Новотроицкое – 200 лет. 12.04.2011: URL: <http://mishkan.ru/news/905/> (дата обращения: 08.02.2012).

русские и другие крестьяне обоев полов чаще носили лапти не русского, а татарского плетения, которые считались прочными и удобными¹. У них прямого плетения округлые носки, так что левый лапоть не отличается от правого; у русских лаптей носки косоного плетения, передние концы расположены немного наискосок. На заводах рабочей обувью были лыковые лапти всегда «русские», а не «татарские»². От украинцев³, белорусов и латышей⁴, русские переняли опыт плетения соломенных шляп; украинцы от русских, башкир и других народов научились вязать шали, варежки, носки, чего не делали на Украине⁵.

Имена ремесленников многочисленны даже в рамках одного русского селения. В Вознесенке известным бондарным мастером был Дмитрий Владимирович Кобяков (рубеж XIX и XX вв.), он делал кадушки, ведра, коромысла. Арсений Алексеевич Шостаков (1876–1966) изготавливал сани, санки, детскую посуду (для игры «в клетку», или «в домик»), клал печи. Федор Романович Серебрянников (1940 г.р.) в селе делает улья и инструменты для пчеловодства, занимается резьбой по дереву, придумывая всё новые узоры, порой навеянные башкирскими мотивами. До сих пор Виталий Васильевич Горкунов (1930 г.р.) плетет и продает лапти; их одевают односельчане во время сенокоса: «ноги не потеют и не устают». Плетет лапти, корзины, кладет печи, выполняет всю плотницкую работу Петр Прохорович Чернов (1928 г.р.) из с. Молоканово Куюргазинского района. Свои товары ремесленники реализовывали в лавках, на ярмарках и базарах. Например, в селе Дуван большим спросом у русских, башкир и татар пользовались изделия из керамики А.А. Шостакова⁶.

В ходе полевых исследований и изучения музейных экспонатов ИЭИ УНЦ РАН нами установлено, что местные гончары работали на территории Архангельского, Белорецкого, Дуванского, Иглинского, Уфимского, Учалинского, Стерлитамакского и многих других районах⁷. Вырабатывалась чёрная посуда без глазури, которую при наличии глины обжигали в домашней печи. В специальных мастерских, имевших горн для обжига, получали глазированной посуду разных оттенков, в зависимости от состава глины. В д. Князева Поляна Архангельской волости Стерлитамакского уезда заведение С. Мошненкова изготавливало белую глиняную посуду⁸.

В реестре городских мастеров было много русских печников, медяков и лудильщиков, кузнецов, столяров, шорников, каретников, тележников,

¹ Бусыгин Е.П. Указ. соч. С. 125, 126.

² Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 101.

³ Бусыгин Е.П. Указ. соч. С. 125–126.

⁴ ПМА 2010 г. С. Кальтовка, Дубово, Кудеевка Иглинского района РБ.

⁵ *Бабенко В.Я.* Украинцы в Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992.

⁶ ПМА 2011 г.

⁷ ПМА 2010 г. С. Родники Уфимского района РБ; ПМА 2011 г. С. Вознесенка и с. Тастуба Дуванского района РБ; Экспонаты Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН.

⁸ *Шитова С.Н., Ковязин С.А.* Указ. соч. С. 234.

колесников, горшечников, бондарей, делающих деревянную посуду, сани и дровни. Многие специализировались на изготовлении одежды и обуви. Выделялись портные, сапожники, модистки, шапочники и картузники, перчатники и руковичники, шубники и овчинники, меховщики, валенщики, лапотники, кожевники¹.

Бондарный и токарно-посудный промысел (изготовление чашек, ложек, вёдер, бочек, ушатов) развивался в русских селениях Бирского и Стерлитамакского уездов. В Бирском уезде также делали на продажу сита, туеса, берда, веретена, курительные трубки. Рамочные улья собирали в восточной части Стерлитамакского² и в Златоустовском уезде³. В Златоустовском и Архангельском уездах производили мебель (в том числе резные шкафы), телеги, тарантасы, хомуты для лошадей и коров (использовали в военные годы).

Русские мастера всегда отличались творческим подходом при изготовлении любой вещи. На южно-уральские земли они перенесли традиции, сформировавшиеся на прежней родине, и развивали их в новых социальных и природно-географических условиях, во взаимодействии с другими народами.

Фабрично-заводское производство во второй половине XIX – начале XX вв.

Во второй половине XIX в. на Южном Урале начала бурными темпами развиваться кустарная промышленность. В г. Уфе в середине XIX в. (в 1856 г. население города составляло 15051 чел., в основном, русские⁴) было 5 кожевенных заводов. Выделка кожи производилась в большом количестве, продавалась на месте и отправлялась в другие города, особенно в Оренбург, где находила сбыт у азиатских промышленников. На некоторых из этих заводов выделялись кожи разного сорта. В Уфе были также: 1 поташный (купца Софронова), 2 мыловаренных (в т.ч. купца Мамина), 18 кирпичных, 1 кафельный, 4 свечных, 4 салотопных заводов. Все ремесленники – сапожники, портные, кузнецы, столяры, каретники, шорники и проч., – работали больше для городских жителей, т.е. для самообеспечения⁵.

В Уфе продавали экипажи, сделанные заводскими мастерами, причём они стоили намного дешевле, чем в других регионах. Добротные двухместные сани с полостью на медвежьей опушке – от 30 до 50 руб.; одноместные хорошие сани – от 15 до 25 руб.; простые некрашенные сани – от 2 до 4 руб., городская «линейка» (тарантас), самый употребительный здесь летний экипаж на деревянных дрогах, – от 25 до 40 руб.; обыкновенный дорожный тарантас на железных осях – от 25 до 60 руб. Рессорные экипажи, изготовленные

¹ Там же. С. 429.

² Там же.

³ ПМА 2011 г. Информатор Ф.Р. Серебрянников (1936 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁴ Пекер А. Указ. соч. С. 176.

⁵ Там же. С. 176–200.

городскими мастерами, стоили довольно дорого¹. В мастерских горных заводов специализировались также на изготовлении сельхозорудий и инвентаря².

В начале XX в. на Южном Урале выделялось несколько центров по изготовлению железной посуды: вёдер, тазов, кастрюль, сковородок и пр. Они производились в с. Дуван Златоустовского уезда, с. Никольское и Топорнино Уфимского уезда, с. Красный холм и Русский Ангасяк Бирского уезда³. Вёдра, печи, плиты, косы, ножи, инструменты из металла делали на горных заводах не только для собственного потребления, но и на продажу для жителей Уфимской, Оренбургской и других губерний.

В с. Метели Златоустовского уезда Уфимской губернии работали кожевенный и красильный заводы⁴, развивалось валяное производство, пошив обуви⁵. Женщины-модницы в первые десятилетия XX в. здесь носили изделия местного производства, включая валенки красного цвета, туфли «беретки» типа сандалий на каблук, женщины – черные ботинки на шнурке по центру спереди и на скошенном каблук, мужчины – сапоги. В качестве украшений девушки и женщины надевали покупные бусы и кольца, иногда самодельные из серебряных монет⁶. В с. Тастуба того же уезда работали свечной и мыловаренный, кожевенный, маслобойный заводы («маслёнки»)⁷. В с. Дуван были кожевенные, мыловаренные, салотопные заводы⁸.

В 1882 г. в Уфимской губернии были зарегистрированы: в г. Уфе – гончарный завод купца Т. Козлова, там же – изразцовый завод купца М.Н. Облецова, в г. Стерлитамаке – горшечные заводы мещанина Я.А. Корешкова и И.М. Сазонова. Кулеткальные фабрики принадлежали крестьянам Бирского уезда – В.С., Ф.С. и И.М. Сметаниным. В том же уезде действовал дегтярный завод крестьянина В.М. Шестакова. В целом в селениях Южного Урала во второй половине XIX в. – начале XX в. насчитывались десятки кожевенных заводов и фабрик, организованных русскими мастерами – купцами, мещанами и крестьянами. Последние часто принадлежали жителям Златоустовского уезда – В.Г. Устюгову, С.Н. Коневу, Ф.М. Окунцову, И.Л. Мокроусову, Т.С. Козюкову и др.⁹

В XVIII в. Южный Урал стал центром горной промышленности России благодаря усилиям русских мастеровых, работных людей и купцов. Первым горным заводом на территории Башкортостана был Каменский доменно-

¹ Пекер А. Указ. соч. С. 195.

² Шитова С.Н., Ковязин С.А. Указ. соч. С. 235.

³ Там же. С. 234.

⁴ Населенные пункты Башкортостана. Часть 1: Уфимская губерния. 1877 г. Уфа, 2002. С. 285.

⁵ Галиева Ф.Г. Отчет об экспедиции. С. 20; ПМА 2009 г. Информатор Е.Н. Балдина (1913 г.р.), с. Метели Дуванского района РБ.

⁶ ПМА 2011 г. Информатор Н.И. Игишева (1936 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁷ Населенные пункты Башкортостана. С. 280.

⁸ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 7.

⁹ Гурвич Н.А. Указ. соч. С. 424–428.

передельный завод; он был построен казной в 1701 г. К середине XVIII в. здесь действовали 25 горных заводов, в т.ч. 16 железоделательных, 7 медеплавильных и 2 комбинированных (железоделательно-медеплавильных), из них 6 были казенными, 19 – частными. Во второй половине XVIII в. появилось 52 завода. К концу столетия они давали более 50% меди, производившейся в России. Деятельность заводов с одной стороны привела к массовому переселению русских (крепостных и вольнонаемных) на Южный Урал и появлению здесь новых русских селений. С другой – к сокращению вотчинных земель башкир (к концу XVIII в. до 16%¹), и как следствие – трансформации уклада жизни башкир. Уменьшение пастбищ способствовало сокращению роли скотоводства, вынуждало вести оседлый образ жизни, наниматься на работу для обслуживания заводов (доставка руды на гужевом транспорте). В XIX в. многие заводы продолжили функционировать, открылись новые, некоторые из-за истощения рудников и нерентабельности закрылись. К началу XX в. горные заводы составляли основу промышленности Башкирии. К 1914 здесь действовало 13 металлургических предприятий.

Особым спросом в XIX – начале XX вв. пользовались золотодобывающие товарищества и акционерные компании: Общество Белорецких заводов Пашковых; Бурзянская золотопромышленная компания генерал-лейтенанта Жемчужникова; Торговый дом Поклевского-Козелл; Общество Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов; Тамьян-Тангауровское золотопромышленное товарищество; Миасское золотопромышленное товарищество; Веронадеждинская компания Романовских; Кара-Табынское товарищество; Товарищество «Жуковский и К°»; Бурзянское золотопромышленное товарищество; Товарищество «Граф Толстой и Базилевские»; «Кузнецов и К°»; Компания Рамеевых М.Ш. и М.З. и др.

В процессе развития промышленного производства в крае активизировались взаимодействия русских с другими народами.

Подводя итоги, отметим динамичный характер хозяйственной деятельности русского населения Южного Урала, его эволюцию на протяжении XIX–XX и начала XXI столетий. Традиционные виды хозяйственной деятельности забывались; этому способствовало разрушение крестьянской общины, распад традиционных крестьянских хозяйств, организация колхозов и совхозов, а затем их ликвидация. Созданные в последние годы фермерские хозяйства не получили широкого распространения, многие имеющиеся с трудом справляются в потоке природных и социальных катаклизмов. Многие мужчины – жители русских деревень – вахтовым методом выезжают на заработки «на север», работают в компаниях нефтедобывающей отрасли. Женщины трудятся в местных домах быта, магазинах, кулинарии, открывают частные парикмахерские и т.п. Крестьяне с трепетом вспоминают трудные, но веселые времена совместного земледельческого труда, когда жили дружно, шли на работу и возвращались домой с песнями и частушками. С большим волнением долгожители

¹ Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане XVIII веке. Уфа, 2000. С. 215.

повествуют о дореволюционных годах, когда жизнь русской деревни на Южном Урале «била ключом».

В Музее археологии и этнографии МЭИ УНЦ РАН к настоящему времени сформировались разнообразные коллекции русской этнографии XIX и XX вв. – результатов хозяйственной деятельности крестьян. Наиболее многочисленны изделия из текстиля – полотенца, скатерти, занавески, наволочки, салфетки, половики. Они никогда не повторяют друг друга, потому что в каждое новое изделие мастерица вкладывала свои душевные силы и эмоции, вызванные процессом творчества, создания не только предмета быта, но и произведения искусства, оберега для себя и своих близких, ориентируясь на традицию и веяния времени. Вещи изготавливались из домотканины на ткацком станке, из покупных тканей, вязались крючком из хлопчатобумажных, шерстяных, изредка синтетических нитей. Для обретения разных цветов и оттенков обрабатывались природными и фабричными красками. С последней трети XX в. одежду шили в основном из покупных тканей, украшая вышивкой. До сих пор во всех районах практикуется вязание на спицах (варежки, носки), крючком (салфетки), вышивка (в том числе икон, настенных панно).

Как показывают экспонаты Музея, в русском крестьянском хозяйстве раньше было много вещей, сделанных мужскими руками – долбленые, точеные чашки, клепаные ведра и кадки, глиняные крынки, горшки, корчаги и пр. С конца XIX столетия в русской деревне усилилось городское влияние: стала распространяться металлическая посуда заводского производства, покупной кухонный инвентарь – чугуны, сковороды, самовары, поварешки, ковши.

Процессом созидания были заняты даже дети. Из подручных материалов они делали игрушки, помогали родителям при изготовлении предметов крестьянского быта, с годами совершенствуя природные таланты, оттачивая мастерство, сохраняя и развивая традиции своих предков.

Раздел 3

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

Вклад русских в общественную жизнь края

Русские внесли большой вклад в общественную жизнь и культуру Южного Урала. Оренбургское казачье войско, образованное из оренбургских и уфимских казаков, отличалось высокой боеготовностью и дисциплиной. Русские государственные крестьяне образовали костяк Оренбургского драгунского и Уфимского пехотного полков, геройски воевавших в Отечественной войне 1812 г. и во время Заграничных походов 1813–1814 гг. В башкирских полках, которые несли конвойную, полицейскую службу в городах, в качестве командиров назначали русских офицеров¹.

Особая роль русских сказалась на развитии торговли, особенно в Уфе, Стерлитамаке, Златоусте, Оренбурге и других городах. В конце XIX в. русские преобладали в таких сферах, как торговля сельскохозяйственной продукцией, тканями, предметами одежды. Базой для формирования торговой буржуазии были купечество, крестьянство и мещанство. В Уфимской губернии известными торговыми предпринимателями были братья Николай и Алексей Блохины, Юдоевы, Катаевы, В. Видинеев, Степановы, Кузнецовы, наследники коммерции советника И.В. Александрова. В Оренбургской губернии широко известны: купеческая династия Зарывновых, братья Деевы, А Юров, Панкратовы, Башкировы, Лебедевы, Серебряковы. Они открывали городские банки, товарные биржи, общества взаимного кредита. Торговая буржуазия входила в состав городских дум и принимала участие в решении актуальных социально-экономических проблем. Неотъемлемой функцией торговой буржуазии была благотворительность. На их средства функционировали бесплатные квартиры для бедных, ночлежные дома, городские детские приюты для престарелых, в Оренбурге – 4 богадельни².

Русские как наиболее урбанизированный народ имели основополагающее значение в процессе формирования городских народных традиций и профессиональной культуры края, в развитии образования и просвещения. В 1801 г. в Уфе открылась первая типография. Русские интеллигенты стали инициаторами открытия первой газеты («Оренбургские губернские ведомости») и первого театра в 1861 г. – это год основания Русского академического театра драмы в Уфе, хотя театральные традиции в крае складывались намного раньше. Первое в Уфе театральное представление состоялось в 1772 г. на импровизированной сцене в квартире воеводы. В 1841 г. создана профессиональная труппа известного провинциального театрального

¹ Рахимов Р.Н. Русские офицеры в башкирских полках // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана. Сб. трудов: Ч.1. Уфа, 1998. С.73–74.

² Самородов Д.П. Русская торговая буржуазия Южного Урала в конце XIX – начале XX вв. // Там же. С. 78–81.

антрепренера Н.А. Соколова. В 1875 г. построен на пожертвования новый театральный театр, названный «Базилевским» в честь главного благотворителя, действительного статского советника И.Ф.Базилевского. Зимний сезон 1890—1891 гг. в городском театре выступала оперная труппа Семенова-Самарского, в которой начал свою карьеру хористом тогда никому неизвестный 17-летний юноша Ф.И. Шаляпин. В Башкирском театре оперы и балеты (1938) с 1991 г. проводятся Международные фестивали оперного искусства «Шаляпинские вечера в Уфе».

В XX в. в оперном искусстве проявил себя блестящий исполнитель А.В. Сутягин, в хоровой культуре – А.Г. Тихомиров, создатель и руководитель первого башкирско-русского хора. В театральном мире всем известно имя балерины и педагога Н.А. Анисимовой, балетмейстера И. Н. Филиппова. Русская театральная сцена Башкортостана дала миру таких известных актеров, как Ф.П. Крашенинников, М.Л. Кондратьев, В.В. Прибылов.

Описания башкирского края, местных обычаев и обрядов оставили уроженец Уфы С.Т. Аксаков и служивший в качестве чиновника особых поручений при генерал-губернаторе В.И. Даль. Продолжателями их традиций стали М. Воловик, А. Филиппов, М. Чванов.

В Уфе провел юные годы русский художник М.В. Нестеров; в 1919 г. он принял активное участие в создании художественного музея, в котором ныне хранятся полотна русских художников Башкортостана: А.Э. Тюлькина, А.П. Лежнева, Т.П. Нечаевой, А.Д. Бурзянцева, Б.Ф. Домашникова, В.С. Сыромятникова.

Большой вклад в изучение края внесли П.И. Рычков, В.М. Черемшанский, Н.А. Гурвич, Р.Г. Игнатьев, С.Г. Рыбаков. В XX в. выделяются имена С.И. Руденко, П.Ф. Ищерикова, К.В. Сальникова, З.П. Здобновой, М.Ф. Обыденнова, В.С. Горбунова, В. А. Иванова, И.Е. Карпухина, Б.Г. Ахметшина, Л.И. Брянцевой, И.М. Гвоздиковой, С.Н. Шитовой, М.И. Роднова, супругов Гудковых, супругов Зыряновых. Последние организовали уникальный этнографический музей с русскими коллекциями. В настоящее время артефакты местной русской культуры хранятся также в Музее археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН.

В Башкирии сложилась мощная естественнонаучная школа, у истоков которой стоял замечательный русский ученый химик Р.Д. Оболенцев. Его дело продолжили ученые с мировым именем Г.А. Толстикова, Ю.Б. Монаков, В.Н. Одинокоев, Ю.В. Чуркин, В.Д. Симонов, Д.Ф. Варфоломеев. В мощном коллективе геологов Башкортостана особое место занимал С.И. Кувыкин, один из первооткрывателей нефтяных месторождений в Башкирии. Хорошо известна уфимская физико-математическая школа А.Ф. Леонтьева и В.В. Напалкова. Признанными лидерами физиков республики стали В.И. Хвостенко, В.П. Казаков, И.С. Перелыгин. Несомненны заслуги биологов И.Ф. Заянчковского и Е.В. Кучерова.

История русского населения является неотъемлемой частью исторического развития Южного Урала Русские и сегодня вносят существенный вклад в общественную жизнь республики..

Ярмарка как условие для этнокультурных взаимодействий

Взаимодействию сельских и городских, народных и профессиональных традиций способствовали ярмарки, которые были учреждены властями, но так любило местное русское и не только русское население. Они организовывались в разных селениях в течение всего года.

В с. Дуван Дуван-Мечетлинской волости Уфимской губернии Златоустовского уезда ярмарки проходили три раза в году, по 2–3 дня: в Петров день (храмовой праздник села), в Крещение (придельный праздник) и Воздвижение (день освящения местного храма). Покупателями были крестьяне Юрюзанского, Катав-Ивановского и Усть-Катавского заводов. На Воздвижение местные жители продавали лён, в Петров день – скоромное масло. Из Кунгура привозили шорный товар, из Суксуна (завод Пермской губ.) – самовары, из Казани – литовки (косы)¹. На Усень-Ивановском заводе местные жители хорошие доходы получали от продажи леса; башкирам продавали также выращенные сельхозпродукты – морковь, лук (как «луку-батунá», так и «луку-саженца»), капусту, картофель, а также яйца².

Особенно многолюдно и шумно ярмарки проходили на Масленицу. К ярмаркам в Уфе, Бирске, других городах и сёлах готовились заблаговременно, с большим волнением, не только русские, но и другие народы. Очевидец отмечает: «Теперь, с приближением ярмарочного времени, в городе Уфе будет увеличиваться и внешнее оживление. Прибудет масса пришлого народа, откроются всевозможные зрелища и увеселения – вроде панорам, цирков, зверинцев, балаганов, «комедий» и каруселей»³.

На Масленицу, с одной стороны, выступали любительские труппы актеров, с другой – проходили гастроли малорусской труппы с классическими постановками⁴. Всё смешалось воедино: игра известных европейских артистов, бега рысаков на реке Белой⁵, бойкая торговля в книжных лавках, ассортимент которых включал лечебники, детские книги, а также песенники⁶.

Как отмечают А.Ф. Некрылова и Н.И. Савушкина, повсеместно в России ярмарка воспринимались как всеобщий шумный праздник, как нечто цельное. «Целостность эту создавала специфическая атмосфера праздничной площади, с ее свободным словом, фамильярностью, безудержностью смеха, еды и питья, равенством, весельем, праздничным восприятием мира<...>, при этом смех «из формы восприятия действительности, осмысления жизни и ее законов превратился в средство борьбы с тем, что осуждалось, не принималось, <...> превратилось в социальную сатиру, не меняя общей картины ярмарочного веселья»⁷.

¹ Касимовский В.С. Указ. соч. С.11.

² Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов. № 2. С. 145.

³ Хроника // УГВ. 1905. № 1 (1 янв.). С.3.

⁴ Р. Театр и музыка // УГВ. 1904. № 27 (4 февр.). С.3.

⁵ ОГВ. 1850. 11 марта.

⁶ ОГВ. 1851. 3 февр.

⁷ Некрылова А., Савушкина Н. Русский фольклорный театр // Народный театр. М.,

Так называемая «сборная» ярмарка начиналась с первого воскресенья Великого поста («соборный» день, в народе сокращенно – «сборный») и продолжалась одну неделю Торжества Православия. В с. Топорнино Уфимской губернии проводилась наиболее крупная в крае хлебная ярмарка, которая привлекала торговцев из Санкт-Петербурга, Поволжья и других мест. Свой товар за 100–200 верст сюда привозили «степные башкиры» на своих верблюдах.

«Сретенская» ярмарка в с. Бакалы Белебеевского уезда была одной из крупных и превосходила осеннюю Казанскую ярмарку. Ее открытие включало «торжественный молебен с водосвятием на ярмарочной площади при хоре певчих и при многочисленном стечении народа». На ней собирались купцы из Казани, Белебея, Мензелинска, Челнов, Уфы, Чистополя, Елабуги, Бирска.

В 1905 г. день открытия ярмарки совпал с татарским праздником «большого байрама», поэтому торговцев и покупателей из татар было немного. Имеющиеся татарские торговцы торговали мехами, тюбетейками, ичегами и книгами, вятские мастера – железными сундуками, башкирские торговцы – лошадьми местных пород. Развлечением на ярмарке служил балаган, в которых выступали «малороссийские» группы песенников, акробаты, шпагоглотатели, устраивались любительские спектакли¹.

В Уфу из Оренбуржья на ярмарки приезжали «малороссы-переселенцы», привозя на своих волах сочные арбузы. «Оригинален малоросс своими длинными усами, сидящий на арбе, в высокой шапке и помахивающий коротеньким кнутом на длинном черенке, с приговором изредка: цоп, цоп! Сколько наружность его сурова, столько он добр и прямодушен»².

О бойкой уфимской торговле медом, ягодами, репчатым луком и другими продуктами писал И.П. Сосфенов: «Просим иногородних жаловать к нам за этим продуктом, как за необходимостью русского стола. Что мы говорим только русского? Даже и татарская порядочная семья без него не обходится»³.

В Уфе ярмарки и базары по воскресным дням отличались разнообразием товаров по достаточно низким ценам в сравнении с другими губерниями. Русские крестьяне, татары и башкиры из соседних и дальних деревень привозили муку, крупу, овес, сено, дрова, изделия лесных промыслов, рыбу, птицу, масло, яйца, ягоды и говядину. Заводские мастера продавали летние и зимние экипажи⁴.

В результате торговли устанавливались и укреплялись контакты с другими регионами. Местные купцы скупали хлеб у сельских жителей и во время половодья сплавляли его по Белой в Каму и Волгу до Нижнего Новгорода и Рыбинска. По той же водной артерии барки большими караванами, груженные железом, чугуном и другими изделиями сплавлялись в Казань и Нижний Новгород. Другая, менее значительная, шла вниз по Волге в Саратов и Астрахани к Каспийскому морю.

1991. С. 15.

¹ Бакалинец. Сретенская ярмарка // УГВ. 1905. № 64 (20 марта). С. 3.

² ОГВ. 1850. 23 сент.

³ Сосфенов И.П. // УГВ. 1852. 30 авг.

⁴ Пекер А. Указ. соч.

В то же время в Уфе предметами торговли были бакалейные товары, привозимые из нижегородской и казанской ярмарок, крупчатая мука из Стерлитамака, сухие фрукты и арбузы из Оренбурга, соль из Илецкой защиты. Лучший мед доставлялся из Белебеевского уезда, рыба и икра – из Уральска, яблоки – из Симбирска и Саратова. Дешевое коровье масло и домашняя птица привозились из Челнинского уезда. А.А. Пекер отметил, что на даже на «незначительную» ярмарку в конце января 1860 г. в Уфу приехали купцы с товарами из дальних городов. Из Москвы привезли фаянс, хрустальную посуду, ситцы и полотна; из Тулы мелкие железные изделия; из Казани чай, сахар, пушные товары, сукна, бакалеи. Лучше всего сбывалась во время ярмарки фаянсовая посуда, чай и сахар¹.

Ярмарки активно проводились в первой половине XX в. Информатор Г.А. Хабибова из с. Метели Дуванского района сообщает, что особенно популярным в селе был весенний *Егорьев день* 23 апреля (6 мая). Потому, что праздновался церковный праздник в честь великомученика Георгия, змеборца, воина, хозяина земли и покровителя скота, в этот день около церкви купцы организовывали ярмарку, ставили карусели, выступали гармонисты.

Ярмарки и базары служили товарообмену, одновременно были развлечением людей, средством коммуникации представителей разных народов, одним из факторов формирования в регионе толерантного мышления и общей культуры.

Календарные обряды и праздники

В жизни русского населения на территории Башкортостана особое место занимали традиционные обряды и праздники. С периода зимнего солнцеворота праздновали Святки. В это время колядовали и славили Христа – особенно старожилы, – а затем устраивали вечерки с гаданиями, пением подблюдных и лирических песен. Знаком победы Весны над Зимой была Масленичная неделя (в феврале за семь недель до Пасхи). В последний день Масленицы устраивали проводы зимы, где исполнялись масленичные, застольные, величальные, беседные, игровые, шуточные песни. Считалось, что пение может оказать благотворное влияние на плодородие земли, приплод скота, благополучие семьи и всего рода. Через обряды люди стремились повлиять на погоду, гармонизовать отношения с природой, тем самым помочь в решении житейских проблем.

Празднично-закликательной интонацией был пронизан обряд встречи (окликания) Весны в дни весеннего равноденствия, когда девушки и дети зазывали посланников Весны – птиц. После Вербного воскресенья (одна неделя до Пасхи) следовал главный праздник православного мира – Пасха (первое воскресенье после весеннего новолуния). Первое воскресенье после Пасхи – Красная горка. У русских и других народов Башкортостана начинались молодежные игры, вечерки, хороводы. Это были не просто увеселения, а места знакомства будущих супругов, необходимый этап подготовки к браку. Как сообщают информаторы, на гуляния в восточнославянские селения часто

¹ Пекер А. Указ. соч. С. 195.

приходила молодежь из соседних деревень – украинцы, белорусы, башкиры, татары, чуваша, мордва и другие. Происходили знакомства, которые завершались заключениями браков, в сфере культуры – обмен и взаимодействие этнических традиций.

Весело праздновали Троицу (50-й день после Пасхи). В таинственности мифов и легенд была окутана семицкая (русальная, русальская) неделя, или зеленые святки (седьмая неделя после Пасхи). На летнее солнцестояние проводили Иванов день (праздник Ивана Купалы, Купайло, с принятием христианства совпавший с днем Иоанна Крестителя). С Петра-поворота «солнце поворачивает на зиму». Ко дню осеннего равноденствия торопились завершить сельскохозяйственные работы. Осенью и зимой устраивали посиделки – пряли, шили, вязали, вышивали, сопровождая работу пением песен, рассказами историй и сказок.

В период зимнего солнцестояния не только славянские, но и представители других народов республики, в том числе башкиры, жгли костры, дети катали горящие колеса (изначальный смысл горящих колес как олицетворения солнца давно забыт), катались с гор (первоначально – чтобы разбудить природу, со временем – для веселого времяпровождения)¹. В «обходных»² колядных песнях закликали будущий хороший урожай, приплод скота, величали хозяина и его семью, желали благополучия. Вслед за днем солнцеворота следовали праздники, и все повторялось сначала.

Согласно местной прессе XIX – начала XX вв. наиболее значимые для русского населения Уфимской и Оренбургской губерний обряды и праздники проходили в свободное от земледельческих работ время. Это Покров день – 1 (14) октября, праздник Казанской иконы Богородицы – 22 октября (4 ноября), Михайлов день – 8 ноября (21 ноября). Время праздников продолжалось вплоть до рождественского поста, и от Рождества 25 (7 января) до Масленицы и праздника Николы весеннего 9 (22) мая. Ознакомим с некоторыми газетными материалами.

По церковному календарю 19 января (1 февраля) – *Макарьев день* – «весноуказчик», по погоде в этот день делали прогноз на Масленицу. В горнозаводских селениях Урала в начале XX в. церковное торжество было заменено профессиональным и называлось «*Горный праздник*». Проходил он следующим образом. В г. Златоусте, в управлении заводов, устраивался молебен. Затем в кабинете горного начальника А.А. Зеленцова читались поздравительные телеграммы и составлялись ответы на них, говорились тосты и речи³.

11 (24) мая – *праздник памяти первоучителей словесности Св. Мефодия и Кирилла* – проводился в духовных учебных заведениях Уфимской губернии и сопровождался молебнами⁴. В наши дни этот день считается праздником сла-

¹ ПМА 2002–2011 гг., Зилаирский, Куюргазинский, Баймакский, Дуванский районы РБ.

² Комплекс произведений, исполнявшихся во время обхода домов колядующими.

³ Горный праздник // УГВ. 1904. № 28 (5 февр.).

⁴ Молебны // УГВ. 1904. № 107 (12 мая).

вянской культуры и письменности, сопровождается народными гуляниями с выступлениями фольклорных коллективов, выставками изделий декоративно-прикладного искусства и кулинарии, спортивными состязаниями (практически такими же, как на Сабантуе), а в учебных заведениях – научными конференциями и семинарами. В Башкортостане основной праздник проводится в одном из старейших русских сел Николо-Березовка Краснокамского района – по месту расположения национально-культурного центра русских Башкортостана, на площади около храма.

В 1904 г. 6 мая праздновали *день рождения Его Императорского Величества Государя Императора*. С утра город украшали флагами. Во всех храмах проводились литургии и благодарственные молебны, участниками которых были представители разных сословий. В Уфе по окончании богослужения на центральной площади проводили парад местного войска. Вечером город оживлялся от света иллюминаций¹.

Любимым праздником была *Пасха*. Наступление Светлого праздника каждый христианин стремился встретить в храме за божественною службой². В с. Кага «обыватели в самых лучших костюмах, женщины в светлых платьях тянулись гуськом к иллюминированной площадкой церкви; в ее ограде яркими огнями пылало несколько смоляных бочек. В самом притворе имелось несколько деревянных скамеек, на которые ставились принесенные для освещения куличи и пасхи»³.

По описаниям уфимского прихожанина в 1905 г., во время литургии в Великую субботу «престол и священные предметы покрываются светлым покровом, священнослужители облачаются в светлые рясы, поются чудные, умильные песнопения: «Восресе, Боже!», «Христос новая Пасха! <...>. Ровно в 12 ч. ночи разлившийся по городу ликующий трезвон всех городских церквях возвестил начало Пасхальной утрени. Все церкви были в это время иллюминированы. Выделяющийся иллюминацией блистал кафедральный собор. <...>. С самого раннего утра несется по городу ликующий трезвон церковных колоколов»⁴. В с. Кага на Пасху звонить разрешалось мальчишкам, которые «забирались на колокольню и отводили здесь душу, звонили, сколько заблагорассудится»⁵.

Пасха потому как ожидаема, что совпадает с обновлением, оживлением и расцветом всего живого. Это время, когда «природа просыпается уже от зимней спячки, лучезарное небесное светило посылает нам свои яркие, живительные лучи, и мы, укрепляясь в этот дивный Великий день – искупления рода человеческого в духовном христианском чувстве, испытываем в то же время и внешнее благодатное ощущение, укрепляющее наши силы»⁶.

На страницах уфимских газет начала XX в. читаем:

¹ Хроника // УГВ. 1904. № 104 (8 мая).

² Празднование светлой Пасхи в Уфе // УГВ. 1905. № 16 (22 апр.). С.3.

³ *Татарин Д.И.* Воспоминания // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 28.

⁴ Церковная встреча Пасхи // УГВ. 1905. № 85 (17 апр.). С.3.

⁵ *Татарин Д.И.* Указ. соч. С. 28.

⁶ УГВ. 1905. № 85 (17 апр.). С.1.

«С каким нетерпением ждем мы, христиане, наступления первого дня св. Пасхи и с каким приготовлением встречаем его! Приготовившись к этому великому дню духовно, то есть постом и посещением церковных служб, мы встречаем ее при возможных и доступных средствах каждого из нас физических дольств»¹.

Полны восторга, эмоционального подъема и так близки душе современного христианина стихи, написанные более чем столетие назад:

*Пришла красавица весна,
Кругом проснулось ото сна,
И солнце шлет привет с небес:
«Христос воскрес! Христос воскрес!».
Бегут ручьи, шумит река,
Зазеленели берега,
Стряхнул убор печальный лес...
Христос воскрес! Христос воскрес!
Кругом ликует все, поет,
Забыв зимы недавний гнет,
Твердит о чуде из чудес:
«Христос воскрес! Христос воскрес!» <...>².*

В Уфе в первый день Пасхи в час дня в помещении дворянского дома раньше служили молебен, затем официальные лица и важные чины во главе с Губернатором проводили обмен праздничными поздравлениями с бокалами шампанского, традиционно первый тост произнося за здоровье Императора. В это время горожане и приехавшие из окрестных селений крестьяне гуляли на верхней и нижней площадях Уфы.

В 1848 г. по случаю Пасхи в Уфе были устроены качели с балаганами. «Восторженность чувств» простонародья выражалась в «веселых песнях и разудалой пляске. Русский простолюдин не умеет веселиться: если его душа наполнена радостным восторгом, то каждый его член, каждая фибра в движении, как бы пляшет. Тут вся его душа: он, кажется, готов это время обнять самого заклятого врага и разделить с ним свою радость»³. Деревянные качели на Пасху было принято ставить в с. Кага на базарной площади, «плата за пользование качелями обыкновенно бралась семечками, крашеными яйцами и реже медными деньгами»⁴. О том, что на Пасху ставили качели рассказали информаторы русских селений Дуванского и Куюргазинского районов. Для этого приспособляли рядом стоящие деревья (березы), использовали веревки

¹ Не забудем же... // УГВ. 1904. № 64 (14 март.). С. 4.

² Н. И.-в. Христос воскрес! // УГВ. 1905. № 85 (17 апр.). С.3.

³ ОГВ. 1848. 1 мая.

⁴ Татаринов Д.И. Указ. соч. С. 28.

и доски-перекладины¹.

Поколение, рожденное в 1930-х гг., вспоминает своё детство, когда на Пасху родители им, не смотря на трудности, покупали платишко или рубаху, дарили галоши, склеенные местным мастером из негодной автомобильной шины: «Всяко не лапти!». Галоши носили с мужскими носками большого размера, которые натягивались выше колена и таким образом становились «чулками». Подол платья ниже колен прятал резинку, на которой они крепились².

В дни Пасхи был обычай христования – целования, когда «два почтенных человека при встрече торжественно снимали шапки, расправляли усы и бороды и начинали целоваться, да не по три раза, как полагалось, а без всякого счета»³.

В прессе отмечены отличия в служении молебнов во время ходов по домам с иконами в св. Пасху между крестьянами – выходцами из Кунгурского уезда Пермской губернии и крестьянами Симского, Миньярского, Усть-Катавского, Юрюзанского, Катав-Ивановского заводов: «Заводской крестьянин, кроме пасхального молебна, служит молебен с водосвятием и акафистом Божьей матери, Иисусу, служит святым, покровителям животных: конской силе, т.е. Флору и Лавру, овечьей силе, Анастасии, коровьей силе Власию — Недосию (Власию и Модесту), свиной силе — Василию В., куриному богу— Мариеголендухе. Притч церковный, по числу разложения кучек медных денег, уже наперед знает о числе молебнов и нередко молебствует в каждом доме по 2–3 часа». Такое молитвенное настроение заводских крестьян объясняется тем, что переселенцы из внутренних губерний, бывшие крепостные, «молились только в святые дни Пасхи. Теперь тот же обычай поддерживается свободными заводскими крестьянами потому, что они заняты на заводах круглый год и удовлетворяют религиозные нужды раз в году. Совсем не то в кунгурском селе: кунгуряк был всегда вольным и мог молиться, когда ему захочется, потому и в Пасху ограничивается пасхальным молебном»⁴.

В Дуване на Пасху парни звонили на колокольне. Мастером колокольного звона был Данила Круглов, «по происхождению крестьянин, по занятию — суконщик». Несмотря на слепоту, он «не пропускал не одной церковной службы <...>, «стоял в церкви на клиросе, пел изрядно сильным тенором или баритоном (за неимением на клиросе баса), читал часы <...>, отлично трезвонил их в 5 стройных церковных колоколов, вызванивая «Верую» и «Отче наш». Как отличный звонарь, трезвонил в чрезвычайных случаях, например, во время встречи и провод Архиерея»⁵.

О том, как Пасху праздновали на заводах Южного Урала, пишет выдающийся

¹ ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ, уроженка д. Ивушкино того же района. Информатор Д.А. Кисляков (1912 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района, уроженец с. Сальёвка того же района. П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куяргазинского района РБ.

² ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

³ *Татаринев Д.И.* Указ. соч.

⁴ *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 17.

⁵ Там же. С. 13.

русский ученый Д.К. Зеленин, который в мае 1904 г. изучал язык, быт и говор староверов на Усень-Ивановском заводе Белебеевского уезда Уфимской губернии¹. К празднику моют весь дом, включая стены. Яйца красят в красный цвет растительной краской – сандалом. Кулички пекут из пшеничного квасного теста на сковороде из семи толстых сочной теста, с украшениями наверху. Яйца и кулички носят в часовню для освящения, в то время как сыр не носят.

Семейным занятием на Пасху было окрашивание яиц. Как заметил Д.И. Татаринов, «крашеные яйца фигурировали везде, – их ели, ими расплачивались, ими христовались, ими же играли ребята»². Повсеместно в Башкортостане хозяйки красили яйца луковой шелухой, некоторые – листьями березы (Дуванский район). Сейчас в ряде случаев этот обычай заимствовали мусульмане – башкиры и татары, проживающие в многоэтничных селениях. Изначальная семантика красного цвета яиц в большинстве случаев забыта и объясняется так: «луковая шелуха полезная, убивает микробов, да и красивый цвет получается»³.

Пасхальные яйца из пластика, дерева, фарфора и других материалов бойко продаются как сувениры; большим спросом у покупателей в эти дни пользуются подставки и другие приспособления для яиц, а также трафареты для изготовления расписных яиц – «писанок». Писанки дарят родственникам, друзьям, коллегам со словами: «Иисус воскрес!» – «Воистину воскрес!», независимо от того, кто говорит эти слова – русский, башкир, татарин или удмурт. Пасхальные яйца из дерева, вырезанные учениками и расписанные ученицами на уроках труда, хранятся в школе с. Воскресенка. В том же селе дети в день Пасхи несли собранные яйца катать с гор и смотрели, чье же яйцо дольше не разобьется⁴. В с. Мололоканово на Пасху, в то время, как мужчины по одну сторону горы играли в футбол, женщины и дети по другую сторону катали яйца, загоняли в лунки⁵.

В последние десятилетия в Башкортостане пасхальный кулич можно купить в любом магазине. Представители РПЦ заверяют: «Ничего плохого в этом нет. Не у всех бывает время самим печь, да и не все умеют. Можно купить в магазине и прийти освящать в храм. Обычно это надо делать в течение субботы часов с 10–11 часов и до вечера, а также после пасхального богослужения в воскресенье, после ночной службы»⁶. Своими вкусовыми качествами и внешним видом магазинные пасхальные кулички привлекают внимание представителей разных национальностей, оказываются на столе не только у христиан, но и мусульман и язычников.

¹ Зеленин Д.К. Указ. соч.; Зеленин Д.К. Усень-Ивановский говор // Известия Отделения русского языка и словесности РАН. 1905. Т. 10, вып. 2. С. 93–108.

² Татаринов Д.И. Указ. соч. С. 28.

³ ПМА 2009 г. Информатор Г.А. Хабибова (1962 г.р.), с. Метели Дуванского района РБ.

⁴ ПМА 2011 г. Информатор Г.Г. Чулкова (1957 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁵ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куяргазинского района РБ.

⁶ Пасха: URL: <http://www.eparhia-ufa.ru/?lib/pasha-pr> (дата обращения: 10.02.2011).

После Пасхи, во вторник Фоминой недели¹, проводили *Радуницу* – день поминовения умерших. Это одна из четырех «родительских суббот». Кроме нее – суббота Троицкая – накануне Пятидесятницы (50-й день после Пасхи), суббота Димитриевская – 18 (31) октября, суббота Мясопустная – за 56 дней до Пасхи.

В сороковой день после Пасхи население проводило *Праздник Вознесения Господня*, который относится к двенадцати важнейшим христианским праздникам, наряду с Рождеством, Крещением, Преображением, Успением. Вознесение Господня считается последним весенним праздником: «Весна о Вознесении на небо возносится – на отдых в рай пресветлый просится!»

На *Юрьев день* 23 апреля (6 мая) было принято выгонять в первый раз скотину в поле с вербой с Вербного воскресенья. Уфимские табуны коров выпускали на пастбища 1 и 2 мая по совершению молебствий².

Праздник 8 (21) мая по Святцам, то есть Списку святых православной церкви, составленном в порядке месяцев и дней года, – в память апостола и евангелиста св. *Иоанна Богослова*. Как писал Д.К. Зеленин³, крестьяне Уфимской губернии «накануне праздника «примываются», т.е. моют пол в избе, ходят в баню. Стараются все сделать до вечера, так как с вечера уже начинается «праздно время», т.е. ничегонеделание <...>. В самый праздник решительно ничего не работают, кроме, конечно, самого необходимого: сварить обед, накормить скот, подоить коров. Даже не стелют холстов для беления, не вяжут чулок. Но вышивание не считается работой, а «бездельничаньем», и девушки иногда вышивают в праздники, большей частью те, которым в будни некогда. В воскресенье вечером уже делают легкую работу: шьют, вяжут и т.п., почему в эти дни бывают и беседки»⁴.

В сам праздник люди завтракали, пили чай, после чего старики «отдыхали», то есть спали. После обеда сидели у ворот на бревнах. «разговаривают о том, о сём, часто жалуясь на то, что нет времени возить дрова и т.п.». Молодёжь сидела отдельно от стариков парочками, а после вечерни шла гулять небольшими группами. Мужики и бабы по-прежнему сидели у ворот, либо ходили в гости к родным⁵.

9 (22) мая отмечался престольный праздник *Николин день* – день перенесения святых мощей Николая Чудотворца в Бар-град. Имя Николая Чудотворца жителям Уфимской губернии особенно дорого и связано с чудотворной иконой Святителя Николая (Камско-Березовской по месту явления в с. Николо-Березовка). В Уфе накануне организовывали Её торжественный приезд, а в сам праздник – крестный ход и торжественные проводы под звон церковных колоколов, при громадном стечении народа – представителей разных сословий, горожан, жителей окрестных и отдаленных селений. По наблюдению

¹ Фомина неделя начинается со второго воскресенья после Пасхи.

² УГВ. 1905. № 95 (4 мая). С.2.

³ Зеленин Д.К. Указ. соч.

⁴ Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов. № 2. С. 145.

⁵ Там же.

старожил, вслед за встречей иконы везде после засухи шли обильные дожди¹.

Икона в Уфу провозилась и в другое время, неизменно собирая огромное количество народа. В 1904 г. очевидец писал: «В числе молящихся были лица разных знаний, положений и состояний; рядом с модно одетой барыней можно было видеть и простую деревенскую бабу в сарафане и пестром платочке; рядом с господином, одетым в пальто из дорогой материи с пенсне на носу и цилиндром в руках стоял одетый в пестрядины и лаптях мужичек»².

Приезд иконы в любое селение Уфимской губернии был очень важным событием и сопровождался духовным единением людей. Так, например, в день прибытия в с. Верхнетроицкое 23 мая 1905 г. «ни пьяных, что составляет обычное явление в праздник в деревне, ни поющих песни, не было»³.

29 июня (12 июля) – *День св. апостолов Петра и Павла* – отмечался в разных церквях Уфимской губернии Божественной литургией и молебнами⁴. В этот день заканчивается Петров пост.

Для христиан Уфимской губернии особым днем стал 8 (19) июля 1621 г. – день явления чтимой иконы *Богородско-Уфимской Божьей Матери*, которая была чудесным образом обретена на месте близ села Кадомцево (впоследствии Богородское) под Уфой. Иконографический тип иконы – «Одигитрия», список с Казанской иконы Божьей Матери. По материалам прессы, сразу после явления иконы начали совершаться многие чудеса, открылся родник с целебной водой. Икона неоднократно спасала Уфу от холеры и тифа, исцеляла людей от болезней. В XVII в., когда в среде крестьянства стали «бродить бунтарские настроения» и многие сёла были сожжены, Богородское не пострадало. В честь иконы построили храм.

Для поклонения иконе ежегодно стекались тысячи верующих из отдаленных мест Уфимской и смежных губерний, моля Святую Заступницу о своих скорбях и болезнях⁵. Главный контингент составляло простонародье, крестьяне – «труженики и молитвенники русской земли». «Идут такие богомольцы нередко целые десятки верст, и по пыльной дороге, и под лучами знойного солнца, и по колено в грязи, обдаваемые ливнями дождей. Посещают с. Богородское и многочисленные жители гор. Уфы».

Церковное празднование 8 июня 1905 г. в Уфе началось накануне с торжественной службы всенощной, литургии ранней (в 6 ч. утра) и поздней (в 9 ч. утра). В 2 часа ночи св. икона при торжественном церковном трезвоне относится на место явления – каменную часовню, имеющую внутри колодец. Здесь служатся молебны, и богомольцы из колодца берут св. воду. По окончании поздней литургии совершается крестный ход и служится общий молебен с водосвятием. Ко времени последнего богослужения остаются только крестьяне, «от остатальной публики уже нет и следа»⁶.

¹ УГВ. 1904. № 99 (11 мая). С.3.

² *Сельский паломник*. Церковное торжество // УГВ. 1904. № 120 (30 мая).

³ *Свящ. М. Бурдуков*. С Верхнетроицкое // УГВ. 1905. № 117 (3 июня). С. 2–3.

⁴ УГВ. 1905. № 139 (1 июля). С.2.

⁵ *З-ф-р-въ В. [Зефиров]*. Взгляд на Уфу // ОГВ. 1850. 30 сент., 7 окт.

⁶ Смежный житель. Село Богородское Уфимской губ. // УГВ. 1905. № 148 (12

В 1930-е гг. Богородская икона исчезла и до сих пор не найдена. Остались копии чудотворной иконы, одна из них – в Уфимско-Богородском храме. Указом Патриарха от 5 августа 1993 г. днем празднования Богородской иконы Божией Матери установлено 19 июля.

В летний период, 18 (31) августа, отмечался *праздник св. мучеников Фрола (Флора) и Лавра* – покровителей лошадей. В этот день лошадей не использовали для работы, а напротив, купали и кормили их «в полную сыть». В русских селениях Дуван-Мечетлинской волости в 1860-х гг. в этот день гривы лошадей украшали множеством разноцветных широких шелковых лент¹. Повсеместно в Уфимской и Оренбургской губерниях накануне совершали всенощное бдение, а в сам праздник – Божественную литургию и молебен от падежа и для приплода скота. Возле Уфимской Ильинской церкви на открытом воздухе собиралось много людей, проводилось окропление святой водой лошадей, привезенных горожанами. В 1905 г. к церкви лошадей прибыло намного меньше, чем раньше, потому что «5–6 лет назад неизвестно на каком основании подобную процедуру стала выполнять Троицкая церковь»².

Покров день – покровитель браков; покрытая голова выступает метафорой замужней женщины. Покров Пресвятой Богородицы был большим праздником, днем Великой Благодати и в губернии, и в России в целом. С вечера в храмах проходило всенощное бдение, а в сам праздник – Божественная литургия и молебен Пресвятой Богоматери. В Уфимском кафедральном соборе кроме русских богомольцев в Покров день пребывало много мордвы и чувашей из всего уезда³.

В прессе прошлых столетий религиозность мордвы ставилась в пример русским и другим жителям губерний: они «усердно посещают храмы Божьи», усердны в исполнении христианского долга бытия у исповеди и в причастии, «радушно принимают в свои дома святые иконы, почтительны к духовенству». В праздники их крестные ходы по деревням и полям всегда сопровождаются большей половиной населения. Многие из мордвы обладают хорошим и сильным голосом, «мордовские песни на целые версты слышно», «мордва поют и в поле, и среди улицы уже после праздника, а в самый праздник и тем более». В отличие от русских, «у мордвы в обычае испокон веков хранимом, – не петь мирских песен до той поры, пока они не примут в свои дома св. иконы»⁴. Очевидец описывает, как русские уже час после службы на Пасху поют «разудалые» песни. В мордовских селениях даже в конце второй пасхальной недели молодежь, выгоняющая на пастьбу скотину, поет пасхальную песню «Христос Воскрес!». Дети, качающиеся на качелях, тоже «пищат»: «Христос Воскрес!»⁵.

июня). С.3.

¹ *Касимовский В.С.* Очерки о Дуване (1868 г., 1877 г.). Месягутово, 1991. С. 10.

² *П.* [О праздновании Дня св. мучеников Фрола и Лавра] // УГВ. 1905. № 175 (17 авг.).

³ Наша корреспонденция // УГВ. 1905. № 280 (4 окт.).

⁴ *Бурдуков М.* Мордва (этнограф. очерк) // УГВ. 1905. № 177 (19 авг.).

⁵ Там же.

В XIX в. *Михайлов день* был веселым и сытным праздником по всей России, в том числе в Уфимской губернии. В преддверии, иногда в течение целой недели, священник с причтом ходил по приходу, служил молебны и поздравлял всех с наступающим праздником: православные отмечают праздник Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, который известен в народе под названием Михайлов день. (Михаил-архангел считается в народе грозным для всякой нечисти, хранителем праведников на земле от сатанинских наваждений и проводником душ в селения райские.) Хозяева расплачивались ковригой хлеба и деньгами – от 5 до 15 коп. со двора. К празднику крестьяне заблаговременно готовили много продуктов и выпивки (богатые – до 7 ведер). Праздничными блюдами были студень, блюда из мяса, пироги, баранки. Ими несколько дней щедро угощали гостей из своего села и соседних деревень, которых ждали без особого приглашения¹.

Вот как проходил праздник Михайлов день в починке Ново-Надеждинском Уфимской губернии у зажиточного крестьянина Смирнова: «Пировали-то, говорят, весело и хорошо, потому что расходу-то вышло много на праздник. Много было куплено вина² простого и виноградного – 4 ведра, пива и лимонаду 1 корзина, крупчатки, рыбы, мяса и пр.; подсчитали, оказывается, на 50 руб. Другие члены товарищества расходовали на праздник от 20 до 30 руб. В общем починок Ново-Надеждинский, состоящий из 86 домов, пропил и проел в три дня праздника 2000 руб.³».

Очевидно, что на рубеже XIX и XX в. многие праздники, утратив изначальный магический смысл, превратились в веселое времяпровождение крестьян с народными гуляниями, обильными трапезами, активным посещением родственников, знакомых, всех односельчан. Одного дня, отведенного календарем, уже не хватало, и в ряде случаев в первые десятилетия XX в. отмечали по три дня. Вот слова очевидца: «К каждому домохозяину на праздник приезжает много гостей, знакомых, иногда до 8 человек. Хозяин, угостив у себя в доме приезжих гостей, идет с ними к соседу, где садятся за стол, закусывают, запивают, и так по порядку по всей деревне. Сосед со своими гостями также не остается в долгу по части визита и выпивки <...>. Некоторые бы и рады не пить, но боятся «прослыть скупыми»⁴. «Расточительные праздники, общинные трапезы-гулянки» стали «местом, где кормится беднота»⁵.

У В.С. Касимовского читаем: «На праздники, которые бывают по два, по три раза в году, съезжаются из других селений в гости не только брат к сестрам и зятю, зять к тестю, но и сват к свату, кум к куму, кума к куме, живут и обильно угощаются по два—три дня, не только у хозяев дома, но и по всему се-

¹ Русские обряды и обычаи. Семейные обычаи. Календарные обряды. Подвижные праздники. М., 2005. С. 256.

² «Простым вином» называли водку, в отличие от «виноградного вина».

³ *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 188. Источник: Сельскохозяйственный листок. 1910. № 2 (20 февр.). Стб. 30–32.

⁴ Цит. по: *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 188. Источник: УГВ. 1913.

⁵ Сельскохозяйственный листок. 1910. № 6 (5 июня). С. 62.

лу<...>. Наезжают из соседних селений родные, близкие и дальние, и знакомые, пируют дня по два на славу, большими партиями ходят из дома в дом, с утра до ночи и до утра, с песнями, пьют в каждом доме чай, водку и едят рыбные пироги. Молодые парни и девки, разряженные, ходят по базару и забавляются сусличными пряниками, жемками (медовыми пряниками), орешками и даже конфетками. <...> В Благовещенье и Вербное воскресенье молодежь играет на соломе¹.

В прессе отмечено, что среди детей Уфы в тот период стали популярными игры «В пьянчушку». По примеру старших девочки и мальчики выходили на улицы, даже те, «которых от земли не видать», образовывали группы. «Обоймутся, как обнимаются мужики и бабы, и идут, горланя, что есть мочи какие-то песни, а сами в это время <...> шатаются из стороны в сторону, встают и вновь идут, поют, размахивая при этом маленькими рученьками», произнося нецензурные слова и выражения².

В инородческой Кызыльярвской волости Бирского уезда отмечено непотребное поведение рекрутов, получивших отсрочку от армии. Они, среди прочих безобразий, устраивают «катание на лошадях с песнями, гармошками и колоколами»³. (Вероятно, речь идет о саратовских гармониках. – Ф.Г.). Впрочем, это было в рамках обрядовой традиции: «Гуляния рекрутов включало катание по деревне на лошадях, взаимные угощения и различного рода бесчинства. Нормой их поведения становится отрицание общепринятых повседневных правил. Бесчинства рекрутов – составная часть обряда»⁴.

«Городская» или «фабричная цивилизация» в начале XX столетия проникла к православным и староверам, живущим на селе. Д.К. Зеленин стал свидетелем случая, когда в один из праздников «среди белого дня молодой человек, шатаясь от выпитого вина, прошел в сопровождении своего товарища по заводской улице, ругаясь по-матерному и распевая: *Я мальчишко не дурак:// Пью вино, курю табак*. Затем он вынул из кармана папироску и закурил на глазах у других людей, сидящих на улице у своих ворот. Скандал был «невозможный». «Не он это дурит, а вино в нем», – утешали себя некоторые бабы. Другие крестились и уходили домой. Старики уныло покачивали головой». Одно спасло, что парень-скандалист был сирота. «В противном случае заводские старики поставили бы его отцу ultimatum: «обуздай своего сына, не то – в нашем обществе нет тебе части!»⁵.

Самыми популярными на заводе были праздники Рождества, Пасхи, Вознесения, Троицы, Николина дня и Иванова дня. Молодежь «играют в горельшки», поют песни, иногда пляшут под гармонику, хотя «пляска у староверов считается большим грехом». Как только солнышко закатывалось, все шли по домам с «песнями», на пути немного задержавшись у ворот и позволив некоторые воль-

¹ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 22, 25.

² Новая игра детей // УГВ. 1905. № 199 (18 сент.).

³ К.Б. Из жизни губернии // УГВ. 1905. № 269 (22 дек.).

⁴ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 63.

⁵ Там же.

ности (допускаются объятия). «Песнями» здесь называют двухстрочные частушки.

В это же время повсеместно происходило формирование общей культуры, основанной на взаимодействии народных, религиозных и светских традиций. В с. Ильтбахтино Мензелинского уезда накануне праздников и воскресных дней, «когда в храме Божьем идет служба, на улицах раздаются песни и игра на гармониках, и это продолжается всю ночь до рассвета»¹. Торжества государственного уровня сопровождались народными песнями и танцами, игрой на музыкальных инструментах. В день коронавания Николая I «с 6-ти часов вечера и до 9-ти не смолкали на улицах веселые песни ремесленников и удалые их пляски под рожок»².

Ситуация коренным образом изменилась в XX столетии. Революции, войны, репрессии, голод и нищета, борьба с религией, насильственная коллективизация, урбанизация и индустриализация изменили традиционный уклад жизни и крестьянское сознание. Однако информаторы отмечают, что успевали всё – и работать в колхозе, и вести свое хозяйство, и растить детей, и петь, и танцевать. Злоупотребления алкоголем как правило не было. В тяжелые времена помогали выжить оптимизм и сила духа, сплоченность и терпение, а также песни. Информаторы утверждают, что благодаря песням происходило высвобождение отрицательных эмоций, очищение души и тела, возвращение силы.

В XX столетии в жизни русских крестьян, заводчан и горожан появились новые праздники, прежде всего «Октябрьский» (7 ноября). В с. Ивушкино Дуванского района не было клуба, и на «Октябрьскую» в 1946–1950 гг. (позднее село перестало существовать) Нина Сергеевна Сафонова (1935 г.р.) и её четыре подруги готовили концертную программу. В назначенное время любые жители села (полсотни домов) могли прийти в дом Сафоновых. Они рассаживались вдоль стен на лавочки, смотрели, слушали, развлекались. В доме Мокшиных напротив Сафоновых подобным образом готовились и праздновали Новый год³.

В русское село Молоканово Куяргазинского района 7 ноября приходили с флагами и транспарантами башкиры из соседнего села Кунакбаево, входящего в один и тот же колхоз. Колонны направлялись к школе, где в самом большом классе силами колхоза были накрыты столы. Собирались и старики, и маленькие дети. Вместе пили чай с выпечкой. Гармонист играл, все пели и веселились. На Первомай также собирались в школе, но его не праздновали широко, потому что все мысли крестьянина были заняты посевной. На праздники в клубе организовывали любительские спектакли, показывали кинокартины⁴.

К настоящему времени многие русские традиционные календарные обряды и праздники в Башкортостане утрачены, в том числе «Похороны кукушки», обряды первого и последнего стога, первого выгона скота в поле. Информаторы

¹ *Прохожий*. Наша корреспонденция // УГВ. 1905. № 150 (14 июля).

² *Сосфенов И.П.* // ОГВ. 1846. 30 авг.

³ ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁴ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куяргазинского района РБ.

еще хранят память об обрядах встречи весны, о «Радунице», «Духове дне», «Благовещенье», «Русальной неделе». Забывание календарных обрядов как продуктов крестьянской общины во многом связано с процессами урбанизации, индустриализации и интернационализации общества, когда коренным образом изменились условия развития традиционной культуры. В русских селениях Башкортостана, удаленных от центров урбанизации расстоянием и природно-географическими барьерами (горы и леса), некоторые традиции имеют место до сих пор.

Свадебный обряд

В развитии свадебного обряда на территории Башкортостана И.Е. Карпухин выделяет период активной жизни крестьянских традиций (до 1920-х гг.), когда соблюдалась целостность комплекса обрядов, и этап нововведений и интенсивной ломки, в результате чего остались лишь отдельные «картины». Своеобразие региона в том, что здесь бытовали и северно-русский, и южнорусский типы свадеб. Северный обряд был тяжелой драмой, насыщенной плачами невесты, ее матери, сестры, южный – игровой, с пенями и танцами. В процессе их смешения сформировался особый тип, который развивался по пути усиления веселых, игровых мотивов¹. Кроме того, отличались свадьбы православных христиан и староверов. Последние запрещали шумные торжества, присутствие ряженных, пение светских песен (могли звучать исключительно духовные стихи), пляски и песни рядом с праздничным столом. У староверов беспоповского направления в свадебном обряде отсутствует венчание; этот обычай появился на Руси с принятием христианства. Вместо венчания проводилось благословление наставника в молитвенном доме².

Свадьбы и православных, и староверов выполняли обрядовую роль; осуществляли хозяйственно-экономическую сделку представителей двух семей; в последние десятилетия возросло значение эстетической функции. И.Е. Карпухин рассматривает русскую свадьбу в Башкортостане как своеобразную народную пьесу, в которой есть свои «зрители» и «артисты», режиссер и актеры, имеет место зрелищная выразительность с использованием костюмов, мимики, жестов. Присутствует сюжетность и конфликтность, воплощенная в поступки и поведение персонажей, цепь диалогов и монологов, членение сюжета на сценические эпизоды³. Система действующих лиц – сложная и многочисленная. Это жених и невеста, *коренные сват и сваха* (родители невесты и жениха), *сват и сваха* (крестные с обеих сторон), *дружка* (главный организатор свадьбы со стороны жениха; его перевязывали крест-накрест двумя полотенцами); *полдружка* (помощник со стороны невесты, обычно ее брат, его перевязывали одним полотенцем). Со стороны жениха

¹ Карпухин И.Е. Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях. Стерлитамак, 1997. С. 14, 25.

² Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале. Уфа, 2002. С. 187, 185.

³ Карпухин И.Е. Свадьбы в Башкортостане на стыке тысячелетий. Уфа, 2009. С. 19.

назначали *постельных* для перевозки в новый дом постели девушки, а также *повозчиков*, которые везли *поезжан*. *Подруги* помогали готовить приданое, участвовали в обрядовой бане. Важную роль выполняли *большой боярин, малый боярин, кучер, ведун, ряженые* (пастух, цыганка, солдат, врач и пр.). Многие из свадебных чинов к рубежу XX и XXI в. перестали существовать. Добавились свидетели со стороны жениха и невесты, тамада, профессиональные музыканты и танцоры, фотограф и видео-оператор. На свадьбу приглашают коллег, руководителей предприятий, сельских поселений, представителей обществ.

Раньше считалось грехом заключать брак между представителями рода до шестой степени, у староверов – до восьмого колена, также как и между приемными и своими детьми. Этот запрет стимулировал искать партнеров даже в Сибири¹. Сейчас правило нарушают. По рассказам информаторов², возраст жениха в основном составлял 18 лет, невесты – 16. Часто встречались «неравные» браки, когда жениху 17–18 лет, а невесте 20 и старше. Желание родителей женить сына пораньше объяснялось стремлением «не избаловать» его и приобрести в семье настоящую работницу. В послевоенные годы брачные союзы заключались между представителями разных возрастов, с вдовами, чьи мужья погибли на фронте.

По замечанию В.С. Касимовского, в середине XIX в., в отличие от прошлых лет, браки в основном совершались по взаимному согласию молодых. При достижении 25 лет девушка могла выйти замуж без согласия родителей. Встречались браки *убегом*, «в старину их было больше; ныне же, с развитием свободного женского сознания и упадком самодурного родительского деспотизма, подобное явление составляет исключение»³. Браки *убегом* или *умычкой* часто встречались там, где родители не брали в расчет интересы молодых, а также среди староверов беспоповских согласий, придерживающихся безбрачия, в частности, у федосеевцев⁴. В тяжелые военные и послевоенные годы к якобы *умыканию* прибегали ввиду материальных сложностей и невозможности проведения торжеств. В разные времена были случаи разводов, повторной женитьбы и замужества. В последние десятилетия диапазон возраста впервые брачующихся расширился, число разводов намного увеличилось. О решении жениться многие пары ставят в известность своих родителей. Все чаще заключаются межэтнические браки, в т.ч. русско-башкирские и русско-татарские. Если раньше, кроме венчания, обязательной была народная свадьба, сейчас некоторые из-за дороговизны свадьбу не проводят, живут *гражданским браком*.

Свадьбы в прошлом проводились в свободное от земледельческих работ время, осенью, с Покрова дня (1 октября по старому стилю), и зимой от Крещения, до и во время Масленичной седмицы. Запрещались торжества во время постов, в течение Пасхальной недели и в дни особого поминовения усопших. Сва-

¹ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 181.

² ПМА 2011 г. С. Тастуба и Вознесенка Дуванского района.

³ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 18.

⁴ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 183, 185.

дебные обряды растягивались на несколько месяцев. Вначале родители жениха вместе со свахой (крестной) шли или ехали к родителям невесты, часто скрытно, чтобы в случае неудачи «не попасть впросак». Разговор велся иносказательно: «У вас – товар, у нас – купец» или «У вас – курочка, у нас – петушок, сведем их в один хлевушок». Если с первого посещения договориться не смогли, то посещали дом невесты повторно. В случае удачного *сватовства* проводились: *смотрины* невесты, знакомство с хозяйством жениха, *сговор* (*запой, рукобитье*), во время которого договаривались о дате свадьбы, количестве приглашенных с обеих сторон, размере приданого, содержании *кладки* – денежном взносе жениха (у казаков – от 10 до 100 руб. серебром¹) и одежде в дар невесте (шуба, пальто, шелковое платье, ботинки с галошами). После *помолвки* в течение нескольких дней и до самой свадьбы шла подготовка к свадьбе: подруги невесты собирались в ее доме на *вечерки* (*посиденки*), помогали приготовить подарки на свадьбу и приданое – пряли, шили, вязали. *Девки* ездили в дом жениха, обмеряли окна и полы для расчета размеров штор, половиков и т.п. Жених несколько раз посещал дом невесты, в его доме в эти дни шла подготовка к свадьбе.

Для приданого зачастую девушки старались заготовить столько вещей, особенно одежды, чтобы хватало на многие годы, нередко на всю жизнь. По наблюдению В.С. Касимовского, «невеста, кроме ношебного своего платья приносит в приданое пестрядь для нижнего белья, холсты для рубах, посконные хлебные полога и мешки. Приданое составляет неотъемлемую собственность молодухи, после же ее смерти поступает во владение детям и мужу. Если приданым бывает имущество, например, земля, дом, мельница и т.п., то за смертью жены, по неимению детей, приданое поступает в пользу родственников жены по согласию мужа, или в спорном случае—по решению волостного суда. В семье приобретение имущества снохой дозволяется и собственность ее считается неприкосновенною: она имеет и продает свой лен, свои холсты и пр.»².

В последний день перед венчанием – на *девичник* (*вечеруха*) – девушка прощалась с родительским домом, просила благословение у родителей, иногда, если брак был не по любви, укоряла их, пела горестные лирические песни и причитала. Происходил обряд расплетания и символического обрезания девичьей косы. Подружки готовили *обрядовую баню*, которая символизировала переход в новое состояние, парили ее веником, присланным женихом.

В день свадьбы у жениха снаряжался *свадебный поезд*. Число подвод было нечетным, не менее 3-х. Выбирали лучших лошадей, их гривы украшали лентами и цветами. Крепили колокольчики, разносившие весть красивым перезвоном. По пути к дому невесты первыми ехали дружки, вторыми жених со своим крестным, третьими свахи, и далее все остальные *свалебжане*. Родители жениха за невестой и на венчание в церковь не ездили, они оставались дома и готовились к приему свадьбы. Поезжане, прежде чем направиться за невестой, несколько раз с гармонью объезжали село.

¹ *Стариков В.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 242.

² *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 18.

К приезду жениха подруги обряжали невесту в новую праздничную одежду. Прибывший свадебный поезд у дома невесты встречали ее родственники, с шумом, гамом, частушками и песнями под гармошку. Дружки жениха выкупали ворота (угощали гостей самогоном), чтобы они впустили во двор. Затем откупались от свах, стоящих на крыльце. После обоюдного угощения порожние стаканы разбивали о пол на счастье молодых. Войдя в дом, искали спрятанную невесту, а найдя, деньгами отдавали выкуп за нее. Девки занимали стол, чтобы получить горсть серебряных и медных монет за свой уход и передачу свахам жениха. Жених за носовой платок вел невесту к столу. Справа сидел его крестный, а потом крестная, слева от невесты – ее крестная, потом крестный. Все угощались. Дружки жениха за стол не садились, они выкупали или «воровали» постель невесты, укладывали в тарантас жениха, на котором затем ехали жених с невестой. Вся свадьба усаживалась по подводам и направлялась в церковь.

Молодые шли на *венчание* в сопровождении крестных. У православных христиан и староверов-поповцев венчание было кульминацией свадебного обряда. После ритуала с надеванием венцов, молебном и благословлением, в церковном пристрое молодой заплетали две косы, прятали волосы под головной убор замужней женщины (платок, *чехлушка*). Обряд *окручивания* – смены девичьего головного убора на женский – раньше проводили после брачной ночи, либо по приезду после венчания в доме жениха, у беспоповцев – после благословления наставника в молитвенном доме. Затем ехали к жениху.

Во дворе дома жениха поглазеть собиралась толпа *тучеглазников*. Для них выносили угощение. На крыльце дома расстилали ковер. Свекор со свекровью встречали молодых хлебом-солью, обсыпали зерном, хмелем. В доме невесту свахи передевали из подвенечного в свадебное платье. Жених вел невесту к накрытому столу. Молодые слушали напутственные пожелания родственников и гостей, величальные песни, под крики «горько» целовались. После угощения с выпивкой и закуской начиналось гуляние. Вечером молодых отправляли в амбар, подклеть или пустую избу, где приготовлена постель, в то время как свадьба продолжала гулять.

Второй день во многих русских селениях начинался поисками молодой – «*искали ярку*» (широко распространенный обычай переселенцев из Поволжья). Ряженные – родственники со стороны невесты, в т.ч. женщины в башкирских, чувашских, марийских и иных платьях, помогали «по метке» опознать «ярку». Звучали озорные частушки, присказки: – *У нас ярочка пропала. Говорят, ваши барашек увел. // – Да нет у нас никакой ярочки! / – Нет, к вам, к вам следы ведут!* И начинались поиски. Когда находили, решали, их ли это ярочка: вроде она и не совсем она... Театрализованные представления были особенно яркими у выходцев из южных губерний России и в казачьих станицах.

В доме невеста показывала приданое, развешивала шторы, полотенца, расстилала половики. Она одаривала жениха, свекра со свекровью, крестного и крестную, братьев и сестер жениха (домотканые рукотерники, скатерти, юбки, сарафаны, подрубашницы, мужчинам рубахи). После этого дружка разносил гостям на подносе водку, пряники и конфеты, предлагая «сыры закусить и на сыры положить». Молодые кланялись в ноги. Тот, кому обращался дружка,

выпивал рюмку и клал «на сыры», т.е. обещал лошадь, корову, барана, козу или денег¹. Затем шумной толпой молодую вели к реке или колодцу за водой; всех присутствующих обрызгивали. Вернувшись домой, устраивали проверку молодой хозяйке. «Не слепая ли?» На полу разбрасывали солому, мусор, бумажные и металлические деньги. Невеста брала веник, подметала, собирала деньги, ей помогал жених. Молодую заставляли также истопить баню, угостить блюдом своего приготовления и т.п. Под вечер к столу подавали выпивку и разгонный пирог (с рыбой).

На третий день гуляние продолжалось. Отправлялись «к теще на блины». В. Стариков описал обряд у казаков: «Зять по приходе в дом тестя дарит теще башмаки, затем садится за стол, а теща, в свою очередь, берет ложку масла и, выливая его на голову зятя, приговаривает: «Будь, зять, также сладок и мягок для своей жены, как сладко и мягко это масло»; после чего берет тарелку с блинами, ставит их на стол и сверху покрывает другой тарелкой. Зять берет блины, переворачивает тарелку, а затем верхнюю из них бросает в потолок, именно в матицу, тарелка вдребезги разбивается. Этим дается знать, что обряд исполнен и стол открыт»². До этого смиренно стоящие на ногах гости вслед за зятем с шумом и гамом били все, что попадало под руку. Начиналось веселье и «безобразия»: волов и лошадей впрягали во что попало – в телеги, сани, лодки; к хвостам животных привязывали шкуры, переодевались в разные костюмы и в таком виде разъезжали по улицам.

В богатых семьях через неделю или две после свадьбы устраивали *большой стол*, во время которого молодых одаривали деньгами и подарками. После большого стола в течение нескольких дней молодожены обходили дома и угощались³.

Раньше свадьба могла длиться неделю и больше. Со временем происходило совмещение обрядовых картин, их объединение и упрощение. Сейчас свадебный пир проводится несколько часов, часто в столовых, кафе и ресторанах. Танцуют под современную музыку, поют авторские песни. Нередко пир завершается пусканием петард.

В последние десятилетия свадебный обряд русских, а также башкир, татар и других народов, унифицировался. Вместо лошадей используют автомобили, украшенные лентами, шарами, кольцами и куклами. Кorteжем объезжают вокруг селения, по улицам города, сигнала по пути следования, заезжая к памятным местам (вечный огонь, памятники с возложением цветов). Практически по одному сценарию у народов республики проходит регистрация брака с надеванием колец, посыпанием на их головы при выходе из ЗАГСа лепестков роз и зерна. Жених и невеста надевают традиционные костюмы, отпускают в небо белых голубей. На свадебных пирах тамада и гости зачитывают стихотворные «пожелания», «советы», «наказы» жениху и невесте, свекрови, теще, устраивают одни и те же конкурсы, лотереи с

¹ Стариков В. Указ. соч. С. 243.

² Там же.

³ Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1905. Т. 21, № 3. С. 243–245.

шуточными призами, вывешивают плакаты. Сохраняется шуточный обряд выкупа невесты, ее туфли и места за столом. На столе схожая сервировка и блюда. Исполняются песни на русском, башкирском, татарском языках. Стало традицией дарить деньги в конвертах и открытках, иногда туристические путевки, автотранспорт и квартиры. С 1990-х гг. возрастание интереса к своим корням и религиозный подъем способствовал более частому обращению к венчанию, возрождению института крестных, проведению свадеб по современным сценариям, но с использованием традиционных элементов.

Похоронно-поминальные обряды

Похоронно-поминальные обряды русских Башкортостана проводились в три этапа: допогребальный, погребальный и поминальный, каждый из которого имел практический и сакральный смысл.

К смерти человек готовился заранее, собирался *смертный узел* с одеждой и обувью, готовился гроб из некрашеных досок, в ряде случаев гроб-колода, выдолбленный из цельного дерева (особенно у староверов¹). Гроб (или материалы к нему) хранился на чердаке в подвешенном виде, иногда засыпался зерном, которое менялось с каждым новым урожаем². Приметой, предвещающей смерть человека или его домашних животных, был сон о приезде лошади. Старики наказывали, чтобы их на кладбище везли на лошади с телегой или на салазках (как в старину, независимо от времени года). Считалось, что на машине возят только чертей. Существовал обычай прощания стариков с белым светом: они благодарили матушку красно солнышко, которое погрело, батюшку месяц, белый свет (с поклоном на четыре стороны), ветерок, лесочек. Когда становилось ясно, что человек не поправится, призывали священника или наставника для исповеди, у староверов-поповцев – и для причастия. Затем происходило прощание с родными, давались последние указы.

После кончины человека проводили его омовение: мужчину – мужчины, женщину – женщины. При этом использовали проточную воду из реки или ручья, которая, по древним представлениям славянских народов, соотносилась с символикой беспрепятственного хода, способствовала удалению из жилого пространства вышедшего из употребления³. Старую одежду усопшего в прошлом также стирали в проточной воде. Покойника мыли на полу, застелив соломой. Использованную («мертвую») воду сливали в укромное место, посуду разбивали, ветошь сжигали. Участники процедуры мылись и переодевались. Покойника обряжали. Умершую девушку облачали в наряд невесты. Оставлять

¹ Данилко Е.С. Указ. соч.

² Моисеева С.А. Региональный похоронный обряд: архаика и современность // Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале. Магнитогорск, 2008. С. 9-14..

³ Виноградова Л.Н. Та вода, которая ... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 35.

покойника одного считалось небезопасным, с ним постоянно находился один из родственников. С момента смерти до самых похорон постоянно читались молитвы. Прощаться заходили родственники и соседи, целуя его в лоб или прикладывая губами к установленной на груди иконе. На третий день проводился чин отпевания.

Вдове перед похоронами, к девяти дням или до истечения сорока дней дарили живую курицу или овцу (покровительственная функция). Считалось, что подать надо от чистого сердца, от всей души. В ряде случаев живую курицу передавали через гроб, что является мотивом выделения доли умершему. К доле умершего относят также гроб, который сопоставляется с «новым домом» и называется *домовиной*. Под ворота тайно вечером подбрасывали дрова под ворота вдове, которая утром должна была протопить ими свою печь и таким образом, считалось, отопить «новый дом» умершего, иначе покойник «замерзал на том свете» и начинал тревожить живых родственников.

Старообрядцев, а под их влиянием некоторых православных пожилого возраста, хоронили в саване. Саван представлял большой кусок ткани, сшитый углом наподобие капюшона, доходящий до пят или до колен. Сверху у лицевой стороны края собирались, образуя складку, у женщин края перебрасывались справа налево, у мужчин – наоборот. Существовала также традиция пеленать покойного, как и младенца. Узкая белая лента (кромка ткани, предназначенной на саван) продевалась под голову усопшего, два длинных конца обвивали тело, образуя спереди три креста – на груди, где сложены руки, на бедрах и на коленях. После омовения и обряжения усопшего клали на лавку в красном углу, православные – лицом от икон, староверы – лицом, чтобы усопший мог помолиться за спасение¹, ногами к выходу.

В домовину помещалась «доля» покойника: на дно гроба стружки, оставшиеся после обтесывания гроба, березовые листья и «богородская трава». Этим же набивалась подушечка под голову покойного. Опускали монеты («для переправы через реку»), полотняный мешочек с ногтями усопшего («чтобы на том свете вскарабкаться в гору»), его волосами (мотив собирания целого в конце жизненного пути), обрезки ткани от шитья савана, курительные принадлежности и пр., огарки от свечей, стоявших возле гроба. Налицо также «мотив незавершенности»²: гроб тщательно не обтесывался, саван шился «на живую нитку», в гроб могли положить незавершенную работу (недовязанные чулки) для выполнения на том свете. Затем покойного перекладывали в гроб, предварительно окуренный дымом ладана из кадила, в левую руку вкладывали белую летовку, в правую – крестное знамение (двоперстие у староверов), накрывали белым покрывалом, на груди устанавливали икону, по краям гроба зажигали четыре восковые свечи. На лоб покойного клали «венчик» – бумажную ленту со словами молитвы, в правую руку также вкладывали текст с молитвенной формулой («подорожная», «пропуск на тот свет»).

После отпевания над гробом кадили, высыпали в него три горсти земли, крышку гроба закрывали. Сыновья (мужчины-родственники) выносили гроб из

¹ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 195.

² Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. М., 1993. С. 109.

дома на двор. У староверов нести гроб мужчины могли только мужчины, женщины – только женщины, гроб с телом вдовы – вдовы, незамужней девушки – девушки. Впереди процессии несли крест, который устанавливался на могиле, затем крышку от гроба (если не закрывали после отпевания), гроб с телом и все провожающие, произнося молитвы. На рубеже XX и XXI вв. даже среди староверов распространилась традиция бросать по пути цветы, что представляет элемент гражданских похорон¹. Похоронная процессия по пути на кладбище не останавливалась («будут новые покойники»), либо останавливалась на перекрестке или в лесу под деревом (русские селения Белорецкого района Башкортостана); рядом ставили стол. Все прощались с покойником. К нему ходили с мукой (следы аграрной магии и культа предков, покровительствующих роду), тем самым, считалось, несли гостинец родителям². Для переноски гроба использовали веревки и длинные полотенца, носилки из жердей. Полотенца на кладбище разрезались и раздавались тем, кто нес гроб. Носилки оставляли сверху могильного холма.

В русских селениях Златоустовского уезда в 1860-х гг. «при похоронах ближний родственник или родственница умершего или умершей плачут, помещаясь на гробе покойника, гроб же на могилку не носят на носилках, а возят на лошади. Плач родных и посторонних плакальщиц, например, нишенок, не сопровождается какими-нибудь причитаниями, а есть только отчаянный вопль и крик, иногда дикое завывание. Хоронят богатых с выносом из церкви на кладбище; отсюда приглашают священника и причт на заупокойную чашу, На поминках кормят родственников, знакомых и нищих. По покойникам служат сорокоусты; но большею частью зажиточные заказывают по несколько литургий в разных церквях, чтобы иметь большее число молитвенников пред престолом Божиим»³.

Могилы копали только в день похорон и вплоть до момента похорон символически закрывали перекрещенными лопатами. Яму окуривали дымом из кадьницы. Внутри ямы иногда сооружали помост из досок. На кладбище проходило последнее прощание с умершим. Родственники раздавали милостыню (мелкие монеты, выпечка, носовые платки). На руки тем, кто готовил могилы, повязывали полотенца. Каждый из присутствующих символически принимал участие в закапывании ямы, бросая в нее горсть земли. В старину могилу не огораживали.

Традиция готовить *выносную / последнюю котомку / канун / сорокоуст* сохранилась до наших дней, в частности, в горнолесных районах республики. «Выносную» составляли самые необходимые предметы для нового дома (доля умершему), в т.ч. *встречная лепёшка*, подаваемая первому встречному по пути покойника на кладбище. Эта лепёшка, считалось, была наделена особыми магическими функциями, за нее надо было молиться сорок дней и положить на божничку. Лепешка могла помочь в несчастных случаях, например, при пожаре или болезни коровы; в поисках затерявшегося скота или в пути-дорожке. У

¹ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 199.

² Моисеева С.А. Указ. соч. С. 12.

³ Касимовский В. Указ. соч. С. 17.

старообрядцев этот обряд назывался *первой встречей*. Первому человеку, попавшемуся навстречу похоронному шествию, вне зависимости от его вероисповедания и национальности, подавали кусок холста, в который заворачивали хлеб или другую домашнюю выпечку, катушку ниток с иглой, чашку с ложкой, луковицу, кусок мыла и пр. Считалось, что этот обряд «открывает» дорогу душе умершего¹.

Ритуал *караулить / сторожить душу* заключался в том, что в день похорон, часов в девять вечера, ходили на кладбище, на могилке ставили три свечи, обходили вокруг нее со словами: «Не бойсь, / Не ходи, а мы к тебе придём». В ряде случаев с аналогичными словами стреляли из ружья. Иногда на кладбище ходили каждый день в течение шести недель, которые считались самыми опасными днями как для души умершего, так и для оставшихся живых родственников. Именно в этот период душа умершего могла явиться в дом в образе сатаны или беса.

Ритуал *проводы души* проводился на 40-й день после смерти, либо в час смерти, либо до восхода солнца, либо сразу после поминального обеда. Для этого ближе к дороге выносили стол, в последние годы и стул, обязательно со свечами и иконами, выходили за ворота, били поклоны в сторону, куда унесли покойника, или на солнце. Действия сопровождалась молитвами, которые произносились *читальщицами*. Самые близкие родственники в финале ритуала просили у умершего прощение, благословение и покровительство².

У староверов Южного Урала все элементы похоронного обряда строго регламентировались уставами согласий. Свообразием отличались обряды страннического согласия, идеологией которых является побег как средство противостояния социальному злу. Предполагалось уничтожение всех следов пребывания человека в этом антихристовом мире, поэтому на месте захоронений не только не ставились надмогильные плиты, но они тщательно маскировались, сравнивались с поверхностью, покрывались слоем дерна, иногда садили деревце. Могилы никогда не посещались. Похороны совершались узким кругом людей. В других согласиях похороны совершались коллективно.

Раньше местные власти боролись с теми, кто продолжал хоронить своих родственников и односельчан на отдельном староверческом кладбище, вплоть до лишения свободы на несколько лет. В смешанных селах, несмотря на преследования, старообрядцы организовывали собственные места для захоронений, на отдельной стороне, иногда в качестве границы проводя межу. В Уфе и Челябинске в XIX в. также отводились отдельные участки для раскольничьих кладбищ³. По полевым материалам, в начале XXI столетия эта традиция разрушается. Часто хоронят и православных, и староверов рядом. Вместо восьмиконечных староверческих крестов стали устанавливать православные. Встречаются архаичные надмогильные сооружения в виде столбов, врытых в землю с двускатной кровлей (Дуванский район). Нет ограничения участвовать в похоронах старовера только единоверцам. В наши дни нарушается обычай хоронить отдельно «за-

¹ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 199-200.

² Моисеева С.А. Указ. соч. С. 14.

³ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 190.

ложных», «нечистых» покойников (самоубийцы, колдуны, утопленники, т.е. люди, не успевшие принять покаяния), что, по мнению старожил, ведет к неурожаю и другим несчастьям. Похороны покойника организуются специальными службами, могут проводиться в гробах из ценных пород дерева, на могилу возлагают венки и цветы.

После похорон проводились очистительные ритуальные действия. Помещение мыли, протирали мебель и стены. Вернувшиеся с кладбища мыли руки проточной водой.

Первые поминки проводили сразу после погребения, сопровождалась трапезами и молитвами. Накрывался стол с кутьей из разваренных на меду зерен пшеницы, которая заменилась рисовой кашей или медом с блинами. Готовили щи, каши, окрошку, пироги. Запивали квасом, киселем, компотом. Староверческие поминки проводились без спиртного. Сейчас поминки проводятся в столовых и кафе с разнообразным ассортиментом блюд. Поминки проводились на третий (день похорон), девятый, сороковой день и в дни календарных обрядов. В последние годы увеличилось количество посетителей кладбищ в «родительские» дни. Могилы очищаются от сорняка и мусора, засаживаются цветами, кустами и деревьями. У разных народов распространилась традиция ставить памятники из гранита, мрамора и других материалов, фотографии покойного, носить цветы.

Раздел 4

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ

Времяпровождения крестьян и заводчан на рубеже XIX и XX вв.

Жизнь русского человека была четко организована, монотонный труд облегчался приятным и полезным общением. Обычно пустынные улицы в будни, в праздничные наполнялись смехом, радостью, звуками гармоник и балалайки, песнями. В теплое время года молодежь чинно, небольшими группами, ходила по селению. Девушки демонстрировали свои наряды, а парни – искусство острословия и веселый характер. Старшее поколение на скамейках обсуждала последние новости и осуждала плохие нравы молодежи. (Похоже, так было всегда.)

Летними развлечениями молодежи Д.К. Зеленин назвал следующие. 1) Парни после заката солнца ходят по улицам и поют песни под звуки гармоник. 2) Партии девушек ходят в «сосняк» (сосновый лес) и в глухие заулки, поют песни. Якобы случайно девушки встречаются там с кавалерами. 3) Весной ходят партиями в лес за кислицей. 4) В праздники днем сидят у ворот домов, на завалянках и бревнах, девицы и парни вместе. На Троицких заводах бывает и «каравод»: «кружатся плавненько и поют песни»¹.

Хороводы проводились повсеместно и сопровождались исполнением песен. В Дуван-Мечетлинской волости «женщины и девицы пели непременно не тонкими, а толстыми голосами, и в этом случае составляли контраст с заводскими и удельными женщинами и девицами». Хороводы молодежь водила не только в деревнях, но и на окраине Уфы. Так, в 1904 г. на площади за Мало-Казанской улицей (ныне – ул. Свердлова) в направлении современного микрорайона, а раньше села Нижегородка, «местная молодежь с наступлением теплых вечеров, особенно в праздники, устраивает хороводы. В этом невинном развлечении не было бы ничего дурного, если бы веселящиеся не избирали для хороводов и плясок мостик близ часовни, служащий единственным удобным местом для прихода и проезда жителей»².

Повсюду звучали песни. В с. Верхнетроицкое Белебеевского уезда, где почти каждый хозяин устраивал помочи, каждый вечер «селение оглашается пением. Это поют возвращающиеся с работы поденщики и паденщицы. Такова уж натура русского человека, чтобы петь. Работает – поет, отработал – поет, весело ему – поет, горе у него – и тут поет»³.

В холодное время года и молодые, и немолодые, ходили друг к другу в гости, устраивали «посиделки» и «беседы», на которых завязывались и развязывались сердечные увлечения, сказывались сказки и предания из старых семейных хроник. На «лапотных» посиделках мужчины плели лапти,

¹ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 149–150.

² Неудобство // УГВ. 1904. № 86 (15 апр.).

³ Сосфенов И.П. // УГВ. 1852. 30 авг.

занимались изготовлением сбруй для лошадей, кожаной и валяной обуви. Совместная работа сопровождалась обсуждением важных социальных и политических вопросов. Звучали рассказы бывалых людей, «серьезные» песни и частушки, не обходилось и без юмора. На супрядки женщины и девушки являлись в красивых одеждах с прялицей или шитьем. Вечер, посвященный обработке льна, сопровождался исполнением игровых песен, имитируя процесс сеяния льна. Богатая крестьянка раздавала лён крестьянкам-мастерицам с тем, чтобы спрясть его к известному дню, и за эту работу угощала их чаем, пивом, вином и обедом»¹.

На девичьи «чулочные» посиделки приходили парни, в их адрес звучали величальные песни, за что девушки брали денежное вознаграждение. Каждый парень садился возле нравившейся ему девушки, для виду помогал работать – держал готовые мотки пряжи, закреплял кудель на прялке. Без песен не обходилось на «капустинных вечерах» – посиделках девушек и женщин с рублением и солением капусты – одного из основных продуктов русских крестьян. Весёлым времяпровождением после трудового дня были вечерки, которые проводились зимой дома, а летом на улице – «на лавке» (уличные вечерки). На посиделки и вечерки под песни и инструментальное сопровождение танцевали «Кадриль», «Голубца», «Круговую», «Полечку», «Краковяк», «Сербиянку», «Барыню».

Зимой в деревнях², а также в городах³ и на заводах⁴ заливали катки, и «веселый говор, смех, режущий звук коньков, скрип деревянных кресел наполнял воздух»⁵.

По примеру русских посиделок и вечёрок северо-восточные башкиры стали проводить свои. По исследованиям И.Р. Шараповой, накануне Покрова дня, который башкирами был назван «Быкрау», молодежь заранее договаривается о месте встречи на «аулак ой» (дом, где взрослые временно отсутствуют). Девушки накрывают на стол, готовят из гостинца, принесенного парнями (курица, петух, гусь) блюдо. Все угощаются мясом; играют в различные игры, поют песни, танцуют, особо любимым стал русский хоровод. Трапеза длится всю ночь, к утру молодежь разбегается по домам. «Быкрау» имеет место в последние годы⁶.

¹ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 28.

² ПМА 2009 г., с. Метели Дуванского района РБ.

³ Каток в Уфе // УГВ. 1905. № 243 (23 нояб.).

⁴ Татаринев Д.И. Указ. соч.

⁵ Там же С. 21.

⁶ Шарапова И.Р. Диалог культур: «Быкрау» – заимствованный у русского населения праздник северо-восточных башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 2009. С. 205–206.

Традиционная пища

Традиционная пища делилась на постную и скоромную; специальные блюда готовились на календарные праздники и обряды жизненного цикла. Особенности питания определялись многовековыми традициями и природно-климатическими условиями местности (реки, озера с многочисленными видами рыбы и раками, леса, богатые зверями и дикой птицей, пастбища для ведения скотоводства). Основой питания повсеместно были зерновые культуры (рожь, пшеница, ячмень, просо, гречиха, овес). Из зерна готовили каши с конопляным маслом, салом, молоком или залитыми щами, делали горошницу. Незаменимым продуктом был хлеб: в будни – ржаной, в праздники – пшеничный. Любили печь пирожки с яйцами, мясным фаршем, овощами, а также ватрушки, шаньги, оладьи, калинники. На свадьбу обязательным блюдом был курник – пирог из порубленной курятины или мяса с картофелем, пшеном. Многие обряды – масленица, свадьба, поминки – сопровождалась приготовлением блинов. На Пасху красили яйца, выпекали куличи, делали творожную пасху, посыпанную разноцветным крашеным пшеном. В Заговенье делали пельмени, на Рождество – сочень с конопляными семечками, на обряд закликаания Весны – печенье «жаворонки». На праздники готовили блюда из мяса, студень (холодец) с хреном и квасом.

В.С. Касимовский в 1860-х гг., присутствуя на свадьбе в Дуване, описал «пир горой»: «После венца едят примерно 20 блюд. Чего не подается на столы! Щи со свининой, со свежиной (говядиной), холодное из свежины, студень коровий, жаркое; баранина, поросенок, курица, утка, гусь, индейка; пироги с рыбой, курицей; ячница в латке, каравашек с маслом и пр. и пр. И все это запивается в изобилии водкой: ее покупается зажиточными на свадьбу до 15 ведер. На другой день идет столование—обед с таким же огромным числом блюд и таким же обилием вина. А после столованья, только что успеют убрать со столов, опять собирают на стол. Это так 'называемые пироги, не в собственном, а в переносном смысле, потому что поедаются те же блюда с начала до конца. Дивиться нужно пищеварению и эластичности желудка. А гостей бывает много: вся родня мужская и женская с обеих сторон женихова и невестина, близкая и дальняя. На народе естся мужичку побольше, по пословице «одному и у каши не спору». пил напиток взварец, вроде сбитня, заменявший шоколад на боярских свадьбах»¹.

Повседневной пищей были щи из квашенной или свежей капусты; картофельная похлебка с крупой или клецками, отварной картофель с солеными огурцами, капустой, грибами, луком, пареная репа, разведенное квасом толокно, хлеб или сухари, размоченные в квасе или молоке (*тюря*), гороховый, овсяный, пшеничный кисель. Во второй половине репы стали употреблять намного меньше, предпочитая картофель. Из супов готовили щи из говядины или свинины, мясную или молочную лапшу, картофельный суп с курицей, жаркое с бараниной.

В Златоустовском уезде обеденный стол в скоромный день бывает таков:

¹ Касимовский В. Указ. соч. С. 18.

ржаной хлеб, ярушники (хлебы из яровой ржи), всегда квас, щи с толстыми ячменными крупами и говядиной или свиной. Каша пшенная или ячменная, редко гречневая и полбенная. Молоко пресное или кислое с ярушником или со сметанной шаньгой и яичница. В большом количестве употреблялись соленая капуста, соленые огурцы и грузди. В весеннее время «возами» потреблялись зелень: кислица (большерослая кислятка) и дягили, называемые пиканами. Головки последних варили и, посоливши, ели. В летнее время собирают грибы, их солят, варят (синявки, опенки, обабки), делают губницу (похлебку). Распространяется чаепитие¹.

Важное место в питании русского населения горнолесных районов занимала рыба: «Большую же часть подается на стол, притом почти исключительно в пирогах местная рыба: кутема (харьгуз), которую ловят в Юрюзани и Уфе, окунь, подуз, шекля (бакля), пискозоб (пискарь) <...>. В праздник постный и скоромный, не исключая Св. Пасхи и Рождества Христова, печется пирог из соленого судака с выставленными наружу хвостом. Является гость — на стол самовар и пирог». Пирог «печется из пшеничного теста, но нижняя корка делается из ржаного теста, которая называется остожьем»². Рыбные пироги были и остаются обязательным атрибутом праздничного стола в Дуванском районе. Их и сейчас готовят с хвостом наружу как в домашних условиях, так и местном кафе.

На праздники запасались пивом и медовухой. Газета «Белебеевский сельскохозяйственный листок» приводит рецепт изготовления медового напитка «Вишняк», который «отличается особым вкусовым достоинством и, наверное, может составить предмет очень выгодной продажи в тех местностях, где практикуется более или менее широкая культура вишен, или же она растет в большом количестве в диком состоянии». На пуд свежего, отделённого от центробежки мёда берётся пуд истолчённых с косточками вишен, эту смесь тщательно размешивают чистым веслом, добавляют воду и кипятят на медленном огне в котле, снимая пену. После охлаждения смесь переливают в бочонок и «заправляют» дрожжами. По окончании брожения опускают в холщовом мешочке до одного фунта толченого миндаля и изрезанных корок 3–5 апельсинов. Через два дня вливают в бочонок растворенного в сусле рыбьего клея, взбалтывают и оставляют устояться. Через три дня мёд-вишняк разливают в бутылки, процеживая через сито, закупоривают бархатными пробками, засмаливают и укладывают лежа в сухом подвале с низкой температурой³.

По полевым материалам, с давних времён русские использовали мёд как консервант для хранения лесных ягод⁴. Он был бесценным в годы социальных потрясений – войн, послевоенной разрухи, голода, так как усиливал иммунитет, лечил от болезней, был средством обмена на другие продукты и товары. Информаторы сообщают, что семьи, которые держали пчёл, легче пережили тяжелые времена.

¹ Там же. С. 27.

² *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 9, 15.

³ *И.Г.* Мед-вишняк // Белебеевский сельскохозяйственный листок. 1909. С. 10–11.

⁴ ПМА 2009, 2011 гг. Дуванский район РБ.

На рубеже XX и XXI вв. русские, живущие не только в городах, но и селах, употребляют в пищу украинский борщ, белорусские дранники, кавказский шашлык, и, конечно, башкирский и татарский чак-чак и суп-лапшу. Активно пользуются рецептами приготовления пищи из средств массовой информации.

Одежда

В Музее археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН к настоящему времени сформировались разнообразные коллекции русской этнографии, которые представляют эволюцию народной крестьянской одежды в XIX и XX вв. Это традиционные, из домотканины, яркие сарафаны с белыми рубахами и вышитыми передниками, платья и юбки из покупных тканей разных цветов и кроев, костюм «парочка», который носили в заводах и в городах. Разнообразны большие ажурные шали с кистями, полushалки, узорные вязанные и кружевные платки.

Повседневная одежда. Русские мужчины в прошлом носили пестрядинные или набойчатые порты, состоятельные люди – плисовые или нанковые шаровары, белые или пестрядинные рубахи с нагрудной прорезью, богато украшенной вышивкой, молодежь – *косоворотки* из поскони, льняного холста, праздничные – из ситца, кумача. Рубаху подпоясывали хлопчатобумажным, шерстяным или шелковым *поясом*. В заводах раньше стали носить рубахи из шелка с широкими шароварами и кожаными сапогами. Из городов в 1920-х гг. в крестьянскую среду проникли не только пиджаки и косоворотки, но и костюмы-тройки, жилеты.

Головными уборами были суконные и войлочные шапки, поярковые черные шляпы с узкими полями, у молодых – суконные фуражки. Во второй половине XIX в. распространились *картузы*. Мужским зимним головным убором, даже в старовойсковской среде с консервативными взглядами, у русских была, как и у местного башкирского населения, шапка с ушами – *малахай*¹. Д.К. Зеленин передает слова жительницы с. Усень-Иваново Белебеевского района: «У кого чего есть, тот то и носит»; она «не назвала грехом, когда я стал носить татарскую чапашку на голове <...>. Однако башкирскую белую шляпу никто из усеньчан никогда не наденет»². Картуз в силу своей дешевизны здесь стал самым распространенным головным убором мужчин даже почтенного возраста. Иногда его заменяли войлочные высокие, с узкими полями и овальным, несколько вдавленным доньшком, шляпы. «По словам стариков, прежде больше всего и носили такие шляпы (не то, что теперь: «на чувашский манер», т.е. круглые сверху)»³. От украинцев, белорусов и латышей русские переняли опыт плетения и ношения соломенных шляп. Он получил распространение в центральных районах Башкортостана⁴.

Казаки надевали форму: летом – казакин синего сукна с малиновыми

¹ Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Казань, 1967. С. 125–126.

² Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 101.

³ Там же.

⁴ ПМА 2011 г. Архангельский район РБ.

погонами и малиновым шарфом, синие шаровары с малиновыми лампасами, сапоги и фуражку. Наряду с картузом, оренбургские казаки надевали башкирские *сарыки*, которые считались удобными для полевых работ.

Рабочей и повседневной обувью у большинства населения были *лапти* своего плетения, при этом русские крестьяне обоев полов чаще носили лапти не русского, а татарского плетения, которые считались прочными и удобными. Женщины лапти носили с шерстяными чулками, мужчины – с портянками и онучами. При плохой погоде к лаптям подшивали пеньковую бечеву или насаживали на колодки-дощечки. Зимой носили валенки (*пимы*). Покупали кустарные или фабричные кожаные башмаки (*коты*), иногда с суконными голенищами, и *карпетки* – кожаные туфли с надвязанными узорными голенищами. Их изготавливали, например, в селах Метели и Вознесенка Дуванского района. Женщины-модницы еще в первые десятилетия XX в. здесь носили изделия собственного изготовления или купленные на ярмарках и базарах. Это валенки черного и красного цветов, туфли «беретки» типа сандалий на каблучке, женщины – черные ботинки на шнурке по центру спереди и на скошенном каблучке, мужчины – сапоги. В качестве украшений женщины надевали покупные бусы и кольца, которые женщины делали сами из серебряных монет¹. Повсеместно женщины из овечьей шерсти делали домашнее сукно, вязали варежки, чулки, валяли валенки, шляпы. В заводах и казачьих станицах для мужчин было модно заправлять шаровары в голенища сапог. Имело место промысловая обувь – *чарки* или *бродни* с длинными кожаными голенищами на ремешках.

В холодное время года русское население Южного Урала не обходились без длинных *кафтанов* (*зипун, чекмень*) из домашнего сукна черного, синего или серого цветов, богатые шили из фабричного сукна. Молодые носили короткие *кафтанчики*, скроенные в талию. Природно-географические условия обуславливали наличие зимней одежды из меха – тулупы, шубы, полушубки, нагольные или крытые тканью или сукном, шапки с отворотом, ушанки. Одежду подпоясывали шерстяным кушаком, шею закрывали пуховым или шерстяным шарфом.

Женскую повседневную одежду шили из домашних материалов. Даже в состоятельных семьях покупные ткани (ситец, шелк) зачастую использовали лишь на верх рубахи (*рукава*), основная же часть (*становина*) выполнялась из холста. В домашних условиях поверх рубах надевали *выбойчатую* или ситцевую присборенную юбку и фартук с оборкой (*запон*). В старину имели место несшитые юбки (*понева*). Переселенцы из южных губерний носили полосатые теплые юбки (*сукмянки*). Ходили также в холщовом сарафане (*дубасе*) синего или черного цветов. В селениях, расположенных ближе к городам, раньше распространились длинные юбки с кофтами навывпуск. Женщины среднего и старшего поколения носили широкие кофты, молодые – приталенные. Для тепла надевали также *наздевки* из синей пестряди – вроде куртки, а сверху – фартук. В городах, а под их влиянием в заводах и селах стали

¹ ПМА 2011 г. Информатор Н.И. Игишева (1936 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

привычными платьями.

Головным убором замужней женщины были небольшие тканевые шапочки (*повойник, волосник, чехлик, шлык*) – у пожилых темный, у молодых – разноцветные ситцевые, отделанные кружевом. Русских староверок и местных мусульманок объединяет способ ношения платка, при котором два конца завязываются под подбородком, а полотно ткани закрывает всю спину. Однако это не является заимствованием, а представляет давнюю традицию русской одежды¹.

В холодное время года женщины надевали сборчатые кафтаны или чемени из темного домашнего сукна, шубы из овчины, ватные пальто.

Некоторые русские горожане на Южном Урале в XIX в. носили предметы одежды тюркского происхождения – шапку-башлык, суконные чулки, сафьяновые сапоги ичеги, «киргизские» армяки².

Праздничная одежда Сарафан в XIX – начале XX в. служил праздничной одеждой русских, а под их влиянием украинцев и белорусов. Сарафаны были распашные и косоклинные, более поздние – узкие прямые «московские», спереди украшенные двумя полосами позументов или красивой фабричной ткани, и блестящими пуговицами между ними. Пожилые отдавали предпочтение темно-синим сарафанам из домашней крашенины, молодые – из пестрого ситца и шелка. Зажиточные крестьянки и казачки имели штофный сарафан. Сарафан подпоясывали шелковым, шерстяным или хлопчатобумажным поясом. Поверх сарафана носили шелковые или парчовые телогреи. На праздники надевали шелковые или парчовые *полукокошники*³. Его носили замужние женщины после свадьбы до рождения первого ребенка. Девушки на лоб повязывали бисерную повязку (*начельш*). Атрибутом современной женщины начала XX в. был костюм «парочка». Его дополняли модные до сих пор сапоги со шнуровкой по центру и на каблук. Давнюю старину долгое время остается большая шаль, наброшенная на плечи. Украшениями служили серьги, кольца, перстни из серебра, меди и золота, ожерелья и воротники из бус (*борки*), бусы из янтаря и стекла, броши для ворота. Праздничные выездные шубы богатых женщин были крыты тонким сукном или шелком, с беличьим или лисьим отложным воротником⁴. В заводах были модны короткие шубки с пушистой оторочкой.

Сохранилось описание игрищ молодежи, сделанное на рубеже XIX и XX вв. в период Святков⁵, когда происходило высматривание невест, а значит, показ нарядов. У девушек были модными сшитые из ярких тонов шерстяные платья; неимущие ограничивались ситцевыми. На шею и руки надевали белые манжеты; на плечи накидывали, смотря по достатку, шелковые, шерстяные или бумажные

¹ Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002. С. 244, 245.

² Там же. С. 194.

³ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 224.

⁴ Там же. С. 224.

⁵ Дольский казак. Игрища, устраиваемые в казачьих поселках Челябинского уезда // Оренбургский край. 1894. № 1. С. 1–3.

головные платки или «шали». Парни являлись в тужурках серого сукна со светлыми пуговицами или, у кого есть средства, в «пинжаках» дешевой бумажной материи и в таких же шароварах, заправленных в голенища сапог с высокими каблуками и толстыми подошвами. Чтобы увеличить толщину подошв, нередко прибавляли ряд подметок. Верхней одеждой служили шубы, крытые сукном у зажиточных и более дешевыми тканями у людей победнее. Самые бедные были в «нагольных» шубах. На другие дни Святков девушки наряжались не так пышно – в ситцевые платья или такие же кофты и юбки. Парни, сняв суконные тулупы и тужурки, дешевые «пинжаки», крытые и нагольные полушубки, оставались в одних рубашках.

Свадебная одежда Своеобразным экзаменом мастерства девушки-невесты являлся свадебный наряд. Он состоял из большого набора предметов: рубахи, сарафана или поневы, передника, пояса, многоэлементного головного убора, украшений. Костюм жениха составляли: рубаха, штаны, пояс, головной убор. Практически все предметы в свадебной одежде и невесты и жениха были отмечены красным цветом. В одежде невесты – это красный (бордовый) сарафан; красные узоры в рубахах невесты и жениха: обшивки красной материей горловины и разреза на груди, концов на рукавах жениховых рубах; красный цвет материи в женских головных уборах, красный цвет покрывала невесты, красные пояса. Со временем символическое значение красного цвета упростилось, однако он остался одним из традиционных цветов и стал знаменовать счастье и благополучие будущей семейной жизни. Тот наряд, в котором невеста брачилась (венчалась), все составляющие его предметы, обладали, по убеждению женщин, магическими свойствами. Об этом свидетельствуют факты использования рубахи, сарафана, передника, головного убора, пояса для лечения болезней, особенно детских. Многие крестьянки после замужества надевали его только несколько раз в году, по самым большим праздникам. В ряде случаев женщины берегли свой свадебный наряд до смерти, когда он использовался как погребальная одежда.

Кроме наряда, одевавшегося непосредственно во время свадьбы девушки готовили, в зависимости от достатка, еще несколько праздничных костюмов, которые отличались от свадебного сортами тканей.

В качестве *смертной одежды* крестьяне использовали венчальную (свадебную), лапти или тапочки собственного изготовления, либо специально приготовленную из домотканины, а с середины XX в. – из хлопчатобумажной ткани белого цвета. Ее шили без узлов («Душе тяжело будет подниматься на небо»), «на живую нитку», иголку держа от себя и даже левой рукой («Одежда покойного не должна быть похожей на наряд живого, иначе смерть может забрать и его»).

В мужской погребальный костюм входили: длинная белая рубаха, штаны и пояс, женского – рубаха, сарафан, пояс, головной убор, состоящий из «чехлушки» и двух платков. На ноги одевали лапти или белые вязаные носки¹. Одежда застегивалась на все пуговицы наоборот: у мужчин справа налево, у

¹ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 190.

женщин – слева направо; также наоборот заворачивались онучи.

Имело место не только влияние народов на русских, но и обратное. По исследованиям Е.Е. Нечвалоды (Никоновой)¹, в конце XIX – начале XX в. башкирские и татарские мужчины носили рубахи с воротом-стойкой (а не с отложным воротником и центральным вырезом, как раньше) и косоворотки по русскому образцу. Традиционные чувашские рубахи без ворота с правосторонним грудным разрезом также заменялись русскими, с разрезом слева. Чуваши от русских переняли фуражки. Марийцы – шляпы, сапоги, плисовые или нанковые шаровары, мужские красные ситцевые рубахи, фабричные женские платки и полушалки. Мордва Башкортостана утратила специфику традиционного костюма и перешла на юбки и кофты, как у русских. От украинцев русские переняли обычай носить сарафаны на лямках и мужские косоворотки².

Вещи изготавливались из домотканины, на ткацком станке, из покупных тканей, вязались крючком из хлопчатобумажных, шерстяных, изредка синтетических нитей. Для обретения разных цветов и оттенков обрабатывались природными и фабричными красками. С последней трети XX в. одежду шили в основном из покупных тканей, украшая вышивкой. До сих пор во всех районах практикуется вязание на спицах (варежки, носки) и крючком (салфетки), вышивка (в том числе икон, настенных панно).

Игры

Веселым времяпровождением детей, подростков и молодежи в течение всего года были игры. В праздничные дни спортивные состязания были одной из форм досуга взрослого мужского населения. В качестве атрибутов использовали мячи, палки, гальки, кольца, булавки, спички и другие предметы.

Во многих русских селениях была известна «Чушка», по-другому «Чиж». По описаниям Д.К. Зеленина в с. Усень-Иваново Белебеевского уезда, «чушка – это палочка, которую кладут на земле на небольшое возвышение, подшибают один из концов палкой и потом бьют её на лету той же палкой. В других местностях, но не в Усени, эта игра варьируется; различается, например, «Чиж с кола». В неё играют больше мальчики, реже девушки³. В «Ляпки» или в «Гальки» играли девочки, иногда вместе с мальчиками, на улице или в комнате. Берется пять галек, т.е. мелких гладких камешков, которые передвигаются и разбрасываются разным образом, потом вновь собираются. Различаются два вида, в каждой по пять фигур. Местные дети также играли в «Облуношное» (в лунки с мя-

¹ *Никонова Е.Е., Илларионова Е.Н. Одежда русских Башкортостана в процессе межэтнических взаимодействий // Славянский мир: история и современность. Уфа, 2008. С. 42.*

² *Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992.*

³ *Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 149.*

чом) и в «Козны» (общеизвестная как «Бабки»). «Мерéкаются», т.е. считают, обхватывая попеременно руками палку, кому первому ловить мяч¹.

Повсеместно любимой игрой детворы и молодёжи были «Горелки». Она начиналась со слов:

*Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо –
Птички летят,
Колокольчики звенят!*

Затем участники разбегались, а ведущий ловил игроков. Ведущим становился тот, кто окажется пойманным.

«В горельшки играть» – так называли в Усень-Иваново не известную игру в горелки (здесь её не знали), а «чинное гуляние молодежи по праздникам, имеющей одежду, приличную для невесты или жениха», девушки с 14 лет, парни с 11–17. Детвора толпилась по сторонам. Женатых, замужних, тем более стариков здесь не было². При этом молодежь ходила не парами, как водится в России, а тройками: парень в середине, а две (иногда три или четыре) девицы – по бокам («как берег»). «Так ведется здесь испокон века; кто вздумал бы гулять парой, того засмеют <...>: «Парами-то Бог знает куды могут уйти». (На соседних Троицких заводах гуляли парами.) При гулянии за руки не брались. Многие щелкали семечки подсолнечника.

В Дуване в летнее время играли в мяч и бабки, в шар, в козны. В.С. Касимовский в 1877 г. отмечает, карточная игра, к чести кунгуряков, весьма мало прививалась, завозилась портными, каменщиками, красильщиками и торгующими людьми из других губерний³. В с. Ярославка Дуванского района были распространены «Бабки», «Косточки», «Чухи-городки», дети и молодежь гоняла шары по льду. Летом девушки и парни играли в мяч⁴. В с. Черношар того же района в первой половине XX столетия женатые и холостые мужчины в праздничные дни также собирались на поляне играть в футбол и волейбол; парни и девушки – в «Третий лишний», «Ручеек», «Чуха», «Булавочки» («Колечко»).

В с. Молоканово Куюргазинского район любили «Чижика», «Лапту», «Чурку», «Прядки», «Фантики», «Жмурки». Летом собирались на горе, зимой – в одном из домов, объединялись дети и подростки 3-х – 4-х крестьянских усадеб. Мужчины в возрасте вплоть до 30–40 лет в свободное время гоняли в футбол и другие игры с мячом⁵.

В русских селениях были игры достаточно жестокие, например, в селе Кага – «Стенка на стенку»: «Молодежь собиралась большими партиями, шла друг на

¹ Там же.

² Там же.

³ Касимовский В.С. Указ. соч. С. 22, 27.

⁴ Село родное Ярославка. С. 14.

⁵ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района РБ.

друга стеной; застрельщиками выступали мальчишки; после них в бой вступали взрослые»¹. В этом развлечении активное участие принимали молодежь и дети не только деревень, но и городов. В Уфе «нежелательные забавы» проводили близ Черкаликина оврага. Собиралась толпа ребят, человек до 100. Делились на две части: одна делала «выпадение», другая защищалась. В ход шли камни, палки, булыжники, всё, что попадет под руку. Дрались не один на один, а стенка на стенку. Отчаянные побоища шли «не на живот, а на смерть»².

Молодёжные игры занимали важное место в дни святых вечеров (с первого дня Рождества Христова до дня Крещения Господня включительно) и в дни храмовых престольных праздников³. Играя в «Соседку», каждый молодец выбирал девушку, которая садилась с ним рядом или ему на колени. Ведущая игру девушка – «десятник» – с лучиной в руках или небольшой палкой обходила пары и спрашивала: «Мил ли сосед?». Если мил – требовала поцелуя, если нет – награждала ударами и искала замену до тех пор, пока один из играющих не скажет: «Всеми не доволен!». При этом возгласе все соскакивали с мест, происходила смена пар; «десятник» тоже пыталась занять чье-то место на лавке, кто не успеет, становился ведущим.

Другая игра – в «Спичку» – схожа с предыдущей. Девушка или парень ходят вокруг сидящих на лавке и пытаются незаметно вложить в руки обломок спички. Если ходит девушка – спичка передается парню и наоборот. После того, как спичка сдана кому-нибудь, ведущий отходит в сторону и выкрикивает: «Спичка, выскочи!». «Спичка» выскакивает и бежит, в это время все ее награждают тумаками по всему пути следования к порогу, независимо от того, «спичкой» является девушка или парень. Неизбежный поцелуй служит наградой страдальцу.

Игра «Монахом» заключалась в том, что играющий идет к двери, стучит в нее. Его спрашивали: «Кого тебе надо?». Он отвечал: «Монашку». – «Какую?». – Он называл приметы девушки, например: «в голубом платье, с черными волосами, с «янтарями» на шее». Спрашивающий отводил в сторону эту девушку, а после поцелуя она занимала место монаха, правда, становилась, «монашкой» и требовала «монаха»⁴.

Повсеместно на многие праздники, в том числе на Пасху, парни и мужики играли в «Лапту», «Городки» и другие игры, остальные жители приходили посмотреть. В первое воскресенье после Пасхи, на праздник Красной горки, молодые девушки ходили на горку или пригорок катать крашеные яйца. Делали желобок из лубка с ложбинкой посередине. Внизу клали несколько яиц. По очереди

¹ Шакурова Ф.А. Южноуральское село Кага: история края в вопросах и ответах Уфа, 2010. С. 95.

² Нежелательные забавы // УГВ. 1905. № 186 (1 сент.); Побоище // УГВ. 1905. № 191 (17 сент.).

³ Дольский казак. Игрища, устраиваемые в казачьих поселках Челябинского уезда // ОК. 1894. № 1. С. 1–3.

⁴ Там же.

скатывали яйцо, стараясь задеть одно из лежащих. Призом были выбитые яйца. Кому больше повезёт – больше яиц домой унесёт»¹.

Некоторые игры сопровождались исполнением песен и поцелуями. По материалам прессы XIX в. «очень старинная» игра «Хоронить золото» была неразрывна с песней:

*Уж я золото хоронюя!
Чисто серебро хороню, хороню!
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки в высоком, в высоком.*

При этом одна из девушек клала кольцо в руки какого-нибудь молодца, а другая должна угадать, кому именно. Хор пел:

*Гадай, гадай, девица,
оей руке пОтгадай, красавица!
В керстень,
В коей ручке золото.*

Если девушка угадывала, она, поцеловавшись с парнем, садилась на лавку, и другая занимала её место. Если нет – песня пелась сначала, кольцо перепрыгивалось.

Д.К. Зеленин указал, что на Святки молодежь в Белебеевском уезде «играет песни»: «Чижики», «У ворот Маша стоит», «В вора играют», «Барыня»². На святочные игрища в Челябинском уезде играли в «Дрёму». На середину избы выдвигался стул, если его не оказывалось – скамейка. На них садился один из удалых молодцов. Участники хора ходили вокруг Дрёмы парами или друг за другом, призывали его проснуться, чтобы любить и целовать девушек. По окончании песню начинали снова, причем Дрёма делал другое лицо³.

По материалам экспедиций 1948–1949 гг. в русские селения Башкирии под руководством Э.В. Померанцевой, на зимние Святки в Кигинском районе играли и пели «А свет ты мой, Сидор Филикарпович»⁴. Молодежь обращалась к старцу: когда же он помирать-то будет? Как без него детишки жить-то будут? Чем поминать будут? Где хоронить будут? На все эти вопросы участник действия дает ответы. Хор пел текст, в котором центральным является мотив «чужой стороны», характерный свадебным, сиротским и другим необрядовым песням:

Игры-песни были на супрядках. Например, вечер, посвященный обработке льна, начинался с исполнения игровой песни «Сею, вею бел леночек». Участники становились в круг и повторяли движения, о которых говорилось в песне: как сеяли, рвали, трепали, пряли, ткали, шили, косили лен. Пели и играли

¹ ПМА 2010 г. Информатор А.Д. Гагарина (1925 г.р.).

² Зеленин Д.К. Указ. соч.

³ Дольский казак. Указ. соч. С. 2.

⁴ Русское народное творчество в Башкирии С. 141–142.

также «Села-села на лавочке», при этом «водили разными фигурами» наподобие кадрили: по одному навстречу друг другу или крест-накрест, потом по двое и трое¹.

Игровыми действиями сопровождались хороводы, которые проводились на большой лужайке, они особенно были популярны на Пасху и Троицу. В с. Ахлыстино Покровского района на Троицу водили хоровод-игру в селезня и уточку. В с. Месягутово Дуванского района популярной весенней круговой была песня «Селезенька», которая сопровождалась игровыми действиями. Несколько девушек под песню показывали, как пляшут сторбившиеся старушки. Далее селезня просили показать, как плясали молодки, девушки демонстрировали их танец².

О широком распространении и популярности русских хороводных песен свидетельствует тот факт, что в фольклоре чувашей Башкортостана известны их «конкретные заимствования» и переработка. Например, прообраз чувашской песни «Шывсем юхаз» стала русская песня «Ах, по морю», «Ғерем пӑсса вир акрӑм» – «А мы просо³ сеяли», несмотря на то, что чувашаи сохранили сакральное отношение к хороводным песням. Эти песни органично вошли в чувашскую национальную традицию и распространены повсеместно⁴. Нами зафиксировано заимствование от русских удмуртами республики хороводной песни «А мы просо сеяли»⁵. Если в русской этнической среде обрядовые песни забываются, то в иноэтнической среде они получают новую жизнь.

Игры-песни, посвященные миру растений и животных, имеют древнее происхождение. Им приписывалась магическая функция плодородия⁶. Более поздние произведения изображают человека. Популярными образами были заяц («Где же ты, зайныка, гуливал?»⁷), козел («Скочил козел в огород»), галка («По тропинке галка шла»), корова («На дворе стоит корова»). Из растительного мира – репей («Эх, эй ли, мой репей»), смородина («Рвала я смородину»), березка («На поле березонька стоит»), лебеда («Сею, вею лебеду на берегу»⁸). В них изображается желаемое действие с растением или животным и его результат.

¹ Там же. С. 30–37.

² Русский фольклор Башкирии. Д. 332. Л. 495–496.

³ Просо – исторически первый возделываемый у славян злак [Земцовский И.И. Указ. соч. С. 32]. З.Я. Можейко вслед за И.И. Земцовским привела русские, украинские, белорусские, болгарские, сербские варианты песни «А мы просо сеяли» [Можейко З.Я. Указ. соч. С. 130].

⁴ Кондратьев М.Г. Музыкальная культура: традиции и новации // Чувашаи Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 99–100; Кондратьев М.Г. Музыкальная культура чувашей Приуралья // Традиции и современность в культуре народов. Уфа, 1999. С. 40–42.

⁵ ПМА 1991 г. Д. Ташкичи Илишевского района РБ.

⁶ Круглов Ю.Г. Русский обрядовый фольклор. М., 2000. С. 109; Земцовский И.И. Песенная поэзия русских земледельческих праздников // Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. С. 12.

⁷ Там же. С. 305.

⁸ Там же. № 90–126.

Многие игры-песни, записанные на территории Башкирии, с давних времен были известны в других регионах России. Например, старинная хороводная песня «Перевейся, хмелек», зафиксированная в 1949 г. в Караидельском районе Башкирии, встречается в рукописных сборниках XVIII в., составленных в Вологодской, Владимирской, Казанской, Пермской, Тамбовской, Костромской, Уфимской губерниях. Песня посвящена хмелю, также упоминается мята, липа, верба, которые растут в огороде у милого¹.

Таким образом, игры занимали важное место в жизни русского населения Башкирии, проводились в течение всего календарного года, особенно на Святки, Пасху, Троицу, на посиделках и супрядках. Многие игры и игровые песни имеют аналоги в других регионах России и благодаря русским стали достоянием народов республики.

Музыкальные инструменты

Развлечением раньше считали игру на музыкальных инструментах – иногда на скрипке, мандолине, гитаре, но во всех русских селениях – на гармонии и балалайке. Имели место многочисленные и разнообразные звуковые и шумовые приспособления.

Гармоники пришли в Башкортостан вместе с русскими переселенцами и в конце XIX в. повсеместно распространились среди башкир, татар, марийцев, удмуртов и других народов. Они были распространены на селе, в городах и на заводах, включая староверческое население, хотя «старики их очень не любили» и считали, наряду с пиджаком и «запретной сигареткой», первыми «ласточками» фабричной цивилизации, негативной по своему характеру. За ними следуют ослабление родительского авторитета и религиозности². Новое время требовало новых песен, и после Октябрьской революции в сопровождении гармони стали звучать не только народные русские, башкирские, татарские, но и авторские патриотические песни, разнообразные переделки песен.

Как указал Р.Г. Рахимов³, привозной инструмент имел высокую стоимость. Он стал символом достатка семей, их прогрессивности и связи с советскими властями, что обусловило создание своих мастерских по изготовлению гармоней около металлургических центров. Постепенно в селениях Южного Урала и Поволжья появились самые разнообразные гармоники. Успехом пользовались «бирские» тальянки, «артинские» тальянки (Арти – город в Свердловской области), «вятские» тальянки, казанские тальянки, национальная гармонь «Казань», «хромка», 1–2–3-х рядные тальянки. Встречались инструменты с язычками, изготовленными из монетного серебра. Известным гармонным мастером начала XX в. был Т.А. Трофимов (пос. Верхний Авзян Белорецкого района). Несколькими позднее стали популярны имена Ш. Мухаярова, А. Шайхуллина,

¹ Русское народное творчество в Башкирии / Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Уфа, 1957. С. 172.

² Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 149–150.

³ Рахимов Р.Г. Напевы тальянки. Уфа, 1985.

В.В. Вагина, А.А. Батршина и др. В экспедиции 2000 г. в с. Караякупово Чишминского района мы общались с Галимовым Мухарямом Сабировичем (1919 г.р.), который сам делает тальянки.

В настоящее время в республике распространена гармонь «русского строя», чаще всего представленная «саратовской» гармоникой. Еще более любима тальянка (тальян-гармонь, тальян). Гармоника «русского строя» производится в объединении «Дружба».

О гармонии сложено много песен и особенно частушек. Большим успехом в Башкортостане пользовались «Праздники тальянки», проводившиеся с 1980-х годов и ставшие прототипом для всероссийской популярной телепередачи «Играй, гармонь!». Хорошие гармонисты, как мужчины, так и женщины, у русских и других народов в Башкортостане пользуются большим уважением и почетом, они находятся в центре всех праздничных событий.

В селе Вознесенка Дуванского района Александр Федорович Бреев (1908–198?) ремонтировал, делал гармони и играл на них; в семье Пестеревых дочери играли на мандолине. В селе Сальёвка был скрипач Дмитрий Анатольевич Малинин. В селе Ярославка на гармонике играли братья Петр и Павел Корионовы, Анатолий Булатов, Вениамин Иванович Булатов, Анна Рябухина. В 1970-х гг. здесь был создан оркестр духовых инструментов под руководством В.И. Булатова¹. В экспедициях мы познакомились в Вознесенке с гармонистом Виталием Васильевичем Горкуновым (1930 г.р.) и балалаечницей Александрой Федотовной Булатовой (1939 г.р.). А.Ф. Булатова сообщает, что «вся молодость с балалаечкой прошла. Гармошка тоже была. Но гармошка – свадьба или что... Раньше веселее жили. То ли народ добрее был... Работали, трудились. И отдых – только песня была. Хоть на 5–10 минут выйдем с балалаечкой на лавочку, напоймся песен». Её инструмент передавали «из рук в руки». На гармони играл брат Илюша, иногда тятя (отец), на балалайке – сестра Сина (Ксения). Сама она взяла балалайку, когда овдовела, в 32 года, оставшись с 4-мя детьми на руках.

В 1930-х гг. в торговой сети появилась мандолина, которая быстро и горячо была воспринята городской и сельской интеллигенцией, русской, башкирской, татарской. Новый инструмент обладал прекрасными внешними и акустическими данными, на нем хорошо звучали современные мелодии. В ряде селений она по-прежнему имеет место.

Большой популярностью у детей, подростков и молодежи пользовались приспособления из листа дерева, берестяная пленка, гребенчатая гармоника, кося, свистульки из акации, бересты, растения пырей, дикой моркови, пикана (борщевика), прутиков тополя, черёмухи. Информатор Татьяна Ивановна Турышева (1929 г.р.) из с. Метели Дуванского района вспоминает: «Когда молодежь гуляла, брали гармоники и балалайки, были и гитары. У меня брат сам изладил балалайку. Делали свистульки для детей: кожуру из черёмухи отделишь, её вытянешь, изладишь»². Музыкальные приспособления были разных размеров

¹ Село родное Ярославка. С. 193.

² Зап. Е.Е. Нечвалода в 2011 г. в с. Метели Дуванского района РБ.

и достигали 15–20 см¹, служили для имитаций звуков птиц, воспроизведения плясовых мелодий. Взрослые ругались: «Не свистите! Деньги не поведутся!»².

Повсеместно дети играли на глиняных раскрашенных свистульках «петушок». В с. Молоканово Куюргазинского района в 1930-х гг. их регулярно привозил торговец на лошади вместе с красками, удочками, текстилем, а забирал с собой тряпки и масла³. В селе Вознесенка Дуванского района местный гончар Арсений Алексеевич Шостаков (1876–1966) сам делал такие свистульки, продавал их, наряду с другими керамическими изделиями (корчаги, миски).

Молодежь на свадьбах, на праздниках, в разгар веселья, вместо музыкального сопровождения использовала деревянные ложки, приличные доски, заслонки от печей и «у кого какая фантазия».

В последние десятилетия значение народных музыкальных инструментов в бытовой жизни русских крестьян и горожан уменьшилось. На торжества чаще приглашают профессиональных инструменталистов, используют студийные фонограммы, хотя по-прежнему во многих домах почетное место занимают гармоника и балалайка.

Песенный фольклор

Песенная культура русских Башкортостана таит в себе много загадок и парадоксов. С одной стороны, она явилась результатом многовековой интерференции культурных традиций восточнославянских, тюркских и других народов республики. В Башкортостане многочисленны примеры обмена репертуаром представителей разных этносов, исполнения песен на языках народов республики, переводов на тюркские языки, смешения восточнославянских языков при пении, использования русской лексики и фонетики в песенном фольклоре других народов, внедрения местных мотивов в сюжеты русских песен, контаминации песен разных народов и т.д. С другой стороны, наряду с процессами взаимодействия, в песенной культуре русского населения Башкортостана на протяжении нескольких столетий основной вектор был направлен на сохранение этнических традиций. Это выразилось в традиционной жанровой системе, композиционных особенностях жанров и жанровых разновидностей, устойчивых речевых конструкциях, поэтических образах, художественных средствах и приемах. Вплоть до наших дней можно записать удивительный по своей красоте и поэтическому совершенству необрядовый, а также календарно-обрядовый и свадебный фольклор, многие образцы которого на основной этнической территории давно забыты. В XX столетии в республике бытовали песни на исторические и любовные сюжеты,

¹ ПМА 2011 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ.

² ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

³ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района РБ.

сиротские, вдовьи, рекрутские, колыбельные. Были популярны баллады, лирические, шуточные, игровые, плясовые песни и частушки.

Сравнение записей в Башкортостане с песнями, бытовавшими на территории России, показало сохранение традиционной поэтики в большинстве случаев; различия не выходят за рамки вариационной природы фольклора. Например, историческая «Соловей кукушечку уговаривал», игровая «Где же ты, зайныка, погуливал?», шуточная «Заводила ничего, да поставила на чело» встречаются в песенниках с конца XVIII в.¹ Нередки переделки текстов литературного происхождения: «Сидели две голубки» («Сережа-пастушок») – стихотворения М.В. Ломоносова, «Ехали солдаты со службы домой» – С.Т. Аксакова² и т.д.

Причину сохранения классического песенного фольклора в Башкортостане исполнители объясняют тем, что они помогают жить и выживать, выплескивать радость и разделять горе, вспоминать события далеко минувших лет и мечтать о будущем. С самого рождения человек включается в звуковой мир, в котором народная песня формирует личность, дает ответы на возникающие вопросы. Несмотря на бурно меняющиеся реалии, песни по-прежнему звучат ярко, искренне и проникновенно, они насыщены тончайшими нюансами души, наполнены доброй животворной энергией.

Двадцатый век для Башкортостана и страны в целом стал периодом утраты многих этнокультурных ценностей, в том числе традиционного (крестьянского) фольклора. Процессы урбанизации, индустриализации и глобализации способствовали нивелированию, обезличиванию, унификации традиций. Во многом этому способствовал официальный запрет на исполнение ряда фольклорных жанров, например календарных. Возникли условия, трансформировавшие фольклорное сознание. Аутентичный фольклор стал уступать место фольклоризму. Некоторые фольклорные жанры, не созвучные новому времени, стали забываться. В их числе былины, сказки, многие исторические песни и баллады, календарные и свадебные песни, причитания рекрутов, невесты и похоронные, народная драма, духовные стихи. Формировались новые пласты культуры («жестокий» романс, городской фольклор, частушки, фольклор туристов, творчество бардов). Разрушению фольклорных традиций способствовала идеология советского общества, нацеленная на этнически безликие стандарты, массовую культуру.

Островками традиционной русской культуры остались некоторые селения, отдаленные от центров урбанизации расстоянием и природно-географическими барьерами, например, Дуванского района, находящегося в горнолесной зоне. До сих пор речь местных жителей – очень открытых для общения, искренних и добрых, – пестрит пословицами и поговорками. Некоторые помнят народные сказки, а также легенды и предания – о том, как русские переселенцы осваивали

¹ Русское народное творчество в Башкирии / Под общей ред. Э.В. Померанцевой; Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Уфа, 1957.

² Там же. С. 6–7.

башкирские земли, как со временем сложились добрососедские отношения с башкирами, татарами, мордвой и другими народами. Из поколения в поколение передаются рассказы о революционных и военных событиях, о кладоискателях и преследованиях зажиточных крестьян. Увлекательны былички о русалках и домовых, о приключениях и невероятных приобретениях охотников и рыболовов. Старшее поколение помнит обряды и фольклор земледельческого календаря и традиционной свадьбы.

При сборе материала нами выделен репертуар фольклорных коллективов и исполнителей, не являющихся участниками выступлений на сценических площадках. Этот метод был нацелен на определение, во-первых, специфики репертуара, во-вторых, степени фольклоризации. Результаты в разных селениях отличаются.

В селе Метели Дуванского района, например, исследование показало совпадение репертуара фольклорных коллективов и отдельных жителей. Его основу составили русские народные песни и авторские песни, ставшие народными: «Сама садик я садила», «Ехал из ярмарки ухарь купец», «Коробейники», «Перевоз Дуня держала», «Светит месяц», «Выйду я на улицу», «Смуглянка», «По Дону гуляет». Большинство этих песен ранее было записано экспедицией Э.В. Померанцевой¹ и сохранилось до наших дней. Гастроли местного фольклорного коллектива «Гармошка» в других районах республики, а также следование моде и требованиям фольклорных конкурсов и фестивалей обусловили включение в репертуар «Башкирских напевов», «Цыганских напевов», «Украинских наигрышей». Кроме того, около 80% репертуара ансамбля села Метели составили песни руководителя этого коллектива, местного поэта, композитора, баяниста Е.А. Багина (1948 г.р.). Приведем фрагмент его песни о речке Ай (пер. – луна), особенно любимой здесь, написанной, как и другие, в фольклорном стиле:

*Это просто речка Ай.
Ты попробуй, угадай,
Кто придумал это слово невзначай.
Берега у ней круты,
И рыбак с рекой на «ты».
А по речке-речке тянутся плоты <...>².*

В репертуаре фольклорного ансамбля и жителей села Вознесенка «Семеновна» в 2000-х гг. были в основном народные песни и романсы, во многом благодаря пропаганде фольклора со стороны руководителя ансамбля

¹ Например, «С ярмарки ехал ухарь», «По Дону гуляет»: Русский фольклор Башкирии // Науч. архив Уфим. науч. центра РАН (далее – НА УНЦ РАН). Записи фольклор. экспедиций 1948–1949 гг. кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Башкир. НИИ ист., яз. и литер. им. М. Гафури под рук. Э.В. Померанцевой. Ф. 3. Оп. 12. Д. 195. Л. 719–720; 655–656.

² ПМА 2009 г. С. Метели Дуванского района РБ.

Екатерины Демьяновны Петровой. В том числе: «Во саду, саду была», «Трубочка», «Грушица», «Ромашка», «Субботея», «Комара муха любила», «Это было давно», «У церкви стояла карета», «Ой, да ты, калинушка», «Черный ворон», «Ванька-цыган», «Раз помалу Маша жала», «Не было ветру». Последняя песня в селе раньше звучала как свадебная, а с разрушением традиционного обряда перешла в число необрядовых. В её современной версии отсутствует рассказ о том, как расплакалась невеста, как ее унимала мать, обещая построить новые сени, которые разрушили сваты, купить чашу с дорогим лазоревым камнем, которую сломали гости. Осталось лишь:

*Не было ветру,
Вдруг подул ветер.
Не было гостей,
Вдруг наехали.
Полные дворы
Золотых карет.
Полные столы
Дорогих гостей¹.*

Участницы фольклорного ансамбля с Вознесенка народной считают песню Ю. Кима «Думы окаянные», они поют ее на подчеркнуто фольклорный лад:

*Думы окаянная, думы потаенная,
Бестолковая любовь, головка загубённая.
Всё вы думы знаятё, всё вы думы помнятё,
До чего ж вы маё сердце этим огарчатё.
Позову я голубя, позову я милага,
Пошлю миламу письмо,
Да мы начнем всё с изнова².*

В селе Вознесенка от Галины Павловны Михайловой (1939 г.р.)³ мы зафиксировали народную песню про Чуркина-атамана (А), восходящую к стихотворению Ф.Б. Миллера «Погребеньё разбойника» 1846 г. По информации исполнителя, песня о Чуркине-атамане – времен Ивана Грозного, её пели в селе отец и дед. В 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой она была записана: в более полном варианте – в Ярославке⁴ (Б); в сокращенном – в Дуване⁵. Их начала почти совпадают, в современной трактовке нет лишь вставок «да», «ой да»:

¹ ПМА 2009 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ. В женском фольклорном ансамбле «Семеновна» средний возраст участников – 70 лет, в основном, это вдовы.

² Там же.

³ ПМА 2009 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁴ Русский фольклор Башкирии. Д. 195. Л. 658–659.

⁵ Там же. Л. 723–724.

А

*Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые –
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.*

Б

*Среди лесов дремучих
Разбойнички да идут,
В своих руках могучих
Товарища да несут.
Носилки не простые –
Из ружей ой да сложены,
Поперек стальные
Мечи положены.*

В Дуване говорится просто о солдате: «*На них лежал сраженный // Солдатик ой как молодой*», в отличие от других.

А

*На них лежит сраженный
Сам Чуркин молодой,
Он весь окровавленный,
С пробитой головой.
Из ран-то кровь сочится
По белым по щекам.
Еще она сочится
По черным по кудрям.*

Б

*На них лежал сраженный
Сам Чуркин ой да молодой,
Он весь окровавленный,
С разбитой ой да головой.
Из ран-то кровь сочится
По русым ой да волосам,
Две старые тинжалы
За поясом да висят.
Два длинных пистолета
В груди его блестят.*

Лишь в варианте Б содержится эпизод похорон атамана:

*На место приносили,
Сказали: «Братцы, стой,
Давайте рыть могилу
Мы брату своему».
Мы вырыли, спустили,
Сказали: «Брат, прощай,
Прощай, прощай, сраженный,
Наш Чуркин ой да молодой.
Нам некогда тепере
Беседовать с тобой.
Нам надо поскорее
Опять в кровавый бой¹».*

Опубликованы записи этой песни разных времен и регионов России: о

¹ Русский фольклор Башкирии. Д. 195. Л. 658–659.

кубанском казаке с упоминанием кадетов¹; просто о казаке, погибшем на турецкой земле («Не с лесов дремучих»); о Чапаеве («Среди песков сыпучих»)²; о солдатах первой мировой войны, где место кадетов заняли «германцы» или «немцы», «красные» и «белые»³. В отличие от многих других, в в Башкортостане нет припева «*Все пушки грохотали, // Трещал наш пулемет*» <...> (или: «*Стрелял наш целый взвод*»).

Сочинение песен и переделка известных – характерное явление для русских селений на территории Башкортостана. Научная экспедиция под руководством Н.П. Колпаковой в 1938 г. в руднике Сибай Баймакского района записала величальную песню бухгалтера Сибайского рудоуправления 32-летнего Коровянка Архипа Яковлевича, посвященную Н.И. Ежову⁴. Экспедиция Э.В. Померанцевой в 1949 г. в с. Вознесенка Дуванского района зафиксировала песню «Бедняк» Бреева Гаврилы Филипповича, партизана и участника революционных событий 1905 г.⁵. Они также отметили, что в с. Месягутово 27-лений демобилизованный украинец Москиса Владимир Поликарпович сочинил музыку и слова песни «Кречет», которую полюбили студенты местного учительского института⁶ и т.д.

По материалам экспедиции Э.В. Померанцевой, имело место досочинение текстов известных авторских песен. Например, «Землянка» А. Суркова дополнилась тремя четверостишиями⁷. Повсеместно было развито сочинение «Ответов» на популярные песни советских композиторов и поэтов: «Ответ Катюши», «Ответ землянке», «Голубой сарафан» и т.д., Например, откликом на песню «Огонёк» – «На позиции девушка провожала бойца» (муз. народная, сл. М. Исаковского) – стала следующая:

*Приоткрылось окно осторожно,
Видит девушка, словно во сне –
Где-то близко играет гармошка,
Раздаётся в ночной тишине.*

*Пусть ей музыка очень знакома,
Всё же твердо решила она –*

*Он свою игрою задорной
По ночам может нас разбудить,*

*Он идет по дорожке вдоль сада,
Не спуская с её окон глаз,
Только девушка знает, что надо
Пареньку-гармонисту сейчас.*

¹ Варавва И.Ф. Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. № 313.

² «Среди песков сыпучих...»: URL: <http://www.a.-pesni.golosa.info/grvojna/kr/srediles-gr.htm> (дата обращения: 01.03.2010); Астахов А.М. Фольклор гражданской войны. Советский фольклор. Вып. 1. М., 1934 (вариант партизан Беломорского побережья); Сенкевич В. Песни сибирских партизан. М., 1935. С. 1.

³ Элиасов Л.Е. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Уде, 1957. С. 105–107.

⁴ Русский фольклор Башкирии. Записи фольклорных экспедиций 1938–1939 гг. Башкир. НИИ яз. и литер. под рук. Н.П. Колпаковой // Архив УНЦ РАН Ф. 3. Оп. 2. Д. 79. Л.51.

⁵ Там же. Д. 194. Л. 453–454.

⁶ Там же. Л. 502–503.

⁷ Русский фольклор Башкирии. Д. 195. Л. 348.

*Пусть он ходит всю ночь возле дома,
Пусть он ходит всю ночь у окна.*

*Но характер её непокорный
Гармонисту никак не сломить.*

*Приоткрылось окно осторожно,
В хате молнией вспыхнул огонь,
Сердце парня забилося тревожно,
И в руках замолчала гармонь¹.*

В репертуаре русских исполнителей значительное место на протяжении прошлого столетия занимали не только русские, но и украинские народные песни. «Распрягайте, хлопцы, коней», «Несе Галя воду» и другие песни можно найти в материалах экспедиций в русских селениях Башкирии 1938–1939 гг. под руководством Н.П. Колпаковой², 1948–1949 гг. под руководством Э.В. Померанцевой.

Вариант песни «Распрягайте, хлопцы, коней», исполненный нам Валентином Андреевичем Зыряновым (1946 г.р.) (А), во многом близок к одной из записей Э.В. Померанцевой (Б). Вместе с тем, у В.А. Зырянова есть припев, с которым обычно песня исполняется сейчас по радио и телевидению, с дважды повторяющимися словами: «*Маруся раз-два-три калина, // Чернявая дивчина // В саду ягоду рвала*».

А

*Распрягайте, хлопцы, коней,
Да лягайте почивать,
А я вийду в сад зелёный,
В сад криниченьку копать.*

Припев.

*Копав-копав криниченьку
Во зелёном во саду,
Чай, не выйdet дивчинонька
Утром рано воду брать.
Вышла, вышла дивчинонька
Утром рано воду брать,
А за нею казаченька
Вышел коней наповат³.*

Б

*Распрягайте, хлопцы, коней,
Да лягайте почивать,
А я пойду в сад зелёный,
В сад криниченьку копать.*

*Копа, копав криничоночку
Во зелёном во саду,
Тай, не выйdet дивчинонька
Утром рано воду брать.
Вышла, вышла дивчинонька
Утром рано воду брать,
А за нею казаченька
Вышел коней наповать <...>⁴.*

На вопрос, какая же это песня – русская, украинская, казацкая, – В.А. Зырянов, в прошлом казак, по религии старовер поморского согласия, объясняющий свою фамилию финно-угорскими корнями, задумавшись, ответил: «Это наша песня», и этим все сказано.

¹ Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от В. Горкуновой в с. Вознесенка Дуванского района // Русский фольклор Башкирии. Л. 455–456.

² Записи фольклор. экспедиции 1938 г. Баш. НИИ яз. и лит. под рук. Н.П. Колпаковой // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 321–325.

³ ПМА 2009 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ.

⁴ Русский фольклор Башкирии. Д. 195. Л. 665.

Приведем примечание информаторов в материалах экспедиции Э.В. Померанцевой о времени распространения этой песни среди русских Дуванского района: «Ее ведь не шибко давно запели, с войны германской, с революции»¹. Записи указанной песни в Тастубе, Рухтино, Ярославке Дуванского района сделаны в 1948–1949 гг. В 1950-е – 1960-е гг. в Башкортостане она распространилась повсеместно у разных народов: в украинских, русских и белорусских², удмуртских, башкирских, татарских, мордовских селениях.

Разночтения исполнителей начинаются с первого слова: *випрягайте* / *распрягайте* / *запрягайте*, порой в масштабах одного села, например, в Месягутово³. В Дуванском районе *криниченька* (родник, источник) становится *крычененькой*, *кывыченькой*, *квичоночкой*, которую герой собрался и *шипать*, и *копать*. Прослеживаются лексические, фонетические и морфологические варьирования: *копал* (*копав*), *выйду* (*вийду*, *пиду*), *дарил* (*дарив*), *не дает* (*дає*), *не взяла* (*бере*), *видет* (*веде*), *напувать*), *видирёчка* (*відеречко*)⁴.

Интересный вариант песни в 1942 г. в Башкирии записан известным украинским фольклористом М.М. Плисецким, где вместо «конів» – «волы». Особенностью варианта является также наличие экспозиции, своеобразного лирического вступления, и эпилога-вывода:

*Зайшло сонечко за хмари,
Стало тьомно, не видать,
Розпрягайте, хлопці, воли,
И сами лягайте спать!
<...>
Ой, дурний, дурний козаче,
Дурна твоя голова,
Біле личко, чорні брови
Ти на ленту проміняв⁵.*

Итак, в песне «Распрягайте, хлопці, коней» ярко выражены русско-

¹ Там же. Д. 326–333.

² *Миннихметова Т.Г.* Роль этнической среды в формировании песенного репертуара деревни // *Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья*. Ижевск, 1989. С. 128–139; *Карпунин И.Е.* Русская свадьба в Башкортостане (состояние, поэтика, межэтнические взаимосвязи). Стерлитамак, 1999; *Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии* / Вступ. ст., сост., примеч. В.Я. Бабенко и Ф.Г. Ахатовой. Київ; Уфа, 1995. С. 63–64; *Ахатова Ф.Г.* Восточнославянские песни в Башкортостане: фольклорные процессы в многоэтничном регионе. М., 2006.

³ Варианты указ. песни: *Русский фольклор Башкирии* // НА УНЦ РАН. Д. 327. Л. 196–197.

⁴ Варианты песни: *Русский фольклор Башкирии* // НА УНЦ РАН. Д. 326. Л. 196; 502–503.

⁵ *Українці в Башкирії: Записи экспедиции 1942–1943 гг.* // Архив Ин-та искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рильского Национ. АН Украины. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 114.

украинские языковые взаимодействия. Смысл некоторых слов не известен исполнителям, да это и не важно: задача исполнителей – передача не конкретного содержания, а обобщенного образа, где детали второстепенны.

Популярными в 1940-е гг. у русского населения также были: украинская свадебная шуточная песня «Їз-за гор-гори їдуть мазури», уже в то время бытовавшая вне свадебного обряда, и чумацкая «Молодой чумаченько, чего зажурился» с вариантами «чумачек» (перевозчик грузов на дальние расстояния) – «чувашек»¹.

В то же время полюбившиеся русские песни переходили в репертуар других народов, прежде всего, украинцев и белорусов, что привело к формированию общего пласта их культуры. Одновременно происходила творческая переработка – как в среде русских, так и в творчестве народов, заимствовавших тексты. Так, старинная песня с зачином «Поле мое, поле чистое» в записи от русских в 1948 г. в г. Благовещенске представляет собой контаминацию исторической песни «Поле чистое турецкое» с разбойничьей или тюремной песней². В 1942 г. она записана М.М. Плисецким и М.Я. Береговским от украинцев Башкортостана как песня о революционных событиях XIX–XX вв. под названием «Та віють вітри все буйнее». Перейдя от русских к украинцам, она зазвучала в двух вариантах. В одном из них «герои» – немцы, в другом – турки, действие происходит на поле турецком или немецком³.

В творчестве белорусов Башкортостана (они называют себя «Мы не белорусы, мы – башкирские белорусы»), русские и украинские песни и романсы быстро были приняты как «свои» и исполняются сейчас как «белорусские песни»: «Несе Галя воду», «Роспрягайте, хлопцы, коней», «Катя-пастушка» («По деревне ходила стадом овец»), «Падруги вы, падруги», «Возле милага крылечка», «Поехав мой миленький, поехав» и др.⁴.

Башкирские и татарские песни русские исполнители в исследованных селах Дуванского района не поют. В с. Метели на концертах перед сельчанами их исполняет учительница башкирского языка Фефелова Лилия Фанисовна (муж – русский), ее слушают с большим удовольствием («нам нравится»), отмечают удивительную красоту башкирских мелодий. В селе Вознесенка башкирские и татарские семьи, например, семья М.Ш. Василовой (1937 г.р.), на своих семейных торжествах вспоминает родные песни, на общих же праздниках поет русские песни. В 1970-е гг. музыкальным руководителем ансамбля «Русская

¹ Русский фольклор Башкирии // НА УНЦ РАН. Д. 327. Л. 526–527, 623–624, 632–633. Д. 326. Л. 157; Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. С. 63–64.

² Русское народное творчество в Башкирии. С. 234; Русский фольклор Башкирии. Д. 194. Л. 271–272.

³ Фольклор українських переселенців у Башкирії // Архив Ин-та искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рильского Нац. АН Украины. Оп. 1. Д. 3. Л. 87, 62–64, 47, 51–52, 279, 280.

⁴ Песни белорусских переселенцев в Башкортостане / Вступ. ст., примеч., сост. Ф.Г. Ахатовой. Уфа, 2001.

песня» с. Вознесенка был гармонист, башкир по национальности, Юламанов Дим Набиахметович, однако его башкирский репертуар в селе не закрепился.

Распространение переделок русских песен у башкир и татар Башкортостана обусловлено несколькими факторами, но особенно: сложившимся несколько столетий назад численным превосходством русского населения, полиэтнизацией селений и широкой популярностью русской песенной культуры. После Октябрьской революции в музыкальный быт местных народов стремительно вошли песни «Интернационал», «Марсельеза», «Варшавянка», «Кузнецы», «Похоронный марш»¹, произведения молодых советских поэтов и композиторов: «Марш Буденного», «Красная Армия всех сильнее», «Дан приказ ему на запад», «Три танкиста»². В 1920-х гг. с новыми башкирскими словами пелись русские песни «Знаю, ворон, твой обычай», «Рассыпайся врассыпную». Припевы в этих песнях, выражающие основную идею произведения, оказывались прямым переводом с русского. От солдатской песни «Соловей, соловей, пташечка» в башкирском и татарском исполнении осталась мелодия, и лишь начальные слова³. С 1930-х – 1940-х гг. башкиры и татары пели русские песни «Светит месяц», «Косилка-молотилка» в вольном переводе на родные языки. Песня М. Исаковского и М. Блантера «Катюша» исполнялась и с основным текстом, и в башкирском переводе Г. Амири под названием «Зэйтунэкэй»⁴.

Создание новых текстов к мелодиям, заимствованным от русского населения, происходило у местных удмуртов. Так, например, И.Е. Карпухин заметил, что на мелодию «Хас-Булат удалой» в удмуртской среде была создана песня «Тон чебер апае» («Ты – красивая сестра») ⁵. Чаще местные удмурты создавали новые тексты к популярным татарским и башкирским мелодиям. Например, мелодия шуточной татарской песни «Шестеро парней» послужила отправной точкой для сочинения новых текстов на удмуртском и русском языке для концертного исполнения⁶.

Зафиксированы примеры сочинения текстов на чувашском языке к популярным русским песням «Коробейники», «Светит месяц», «Ах, Самаргородок». Реже такому переосмыслению подвергались авторские произведения. Например, напев песни М. Блантера «Под звездами балканскими» в Федоровском районе записан с текстом «Пирён ялм» («Моя деревенька») ⁷.

¹ *Лебединский Л.Н.* Башкирские народные песни и наигрыши. М., 1962. С. 50; Харисов А. Наследие: Наблюдения и исследования по башкирскому фольклору и образцы народной словесности. Уфа, 2004. С. 375.

² *Сулейманов Р.С.* Жемчужины народного творчества Урала. Уфа, 1995. С. 152.

³ *Баимов Б.С.* Башкирская современная народная песня // Башкирский фольклор. Исследования и материалы. Уфа, 1999. С. 131.

⁴ *Сулейманов Р.С.* Указ. соч. С. 154.

⁵ *Карпухин И.Е.* Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях. Стерлитамак, 1997. С. 170.

⁶ *Миннихметова Т.Г.* Роль этнической среды в формировании песенного репертуара деревни // Ижевск, 1989. С. 134–136.

⁷ *Кондратьев М.Г.* Музыкальная культура: традиции и новации // Чуваши

Таким образом, в русских селениях Башкортостана сохраняются условия для развития песенных традиций. Народный репертуар дополнен фольклором местных самодеятельных авторов и воспринятыми благодаря СМИ. На протяжении нескольких десятилетий украинские песни для русского населения стали родными (русскими). С разрушением обрядовых традиций свадебные песни и песни земледельческого календаря продолжили жизнь как необрядовые, часто в ущербном варианте. Во время проведения «Рождества», «Масленицы» и других обрядов и праздников, исполняются общераспространенные и местные необрядовые песни. Многие образцы песенного фольклора, которые раньше активно звучали, современное поколение не знает, но проявляют интерес, а если их поет, придерживается исполнительских традиций. Имеются условия и предпосылки для сохранения и развития традиционной русской культуры. Есть предположение, что силами самодеятельных коллективов и любителей фольклора, работников образования и культуры народные забытые песни могут вновь зазвучать.

В заключение укажем на важную роль русского сельского и городского населения на формирование национальной культуры края, которое, в свою очередь, испытало влияние башкир и других народов. До наших дней русские сохранили традиции переселенцев из разных губерний России, особенно при гнездовом типе поселений, недалеко от исторической родины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе написания книги мы провели несколько фольклорно-этнографических экспедиций. Побывали в суровых горнолесных районах, в тех местах, где снимался художественный фильм «Вечный зов», в дремучих лесах до сих пор водятся медведи, волки и кабаны, на склонах гор пасутся лоси и козули, произрастают редкие растения. Посетили русские урбанизированные деревни в центре республики, в которых соседствуют традиции и новомодные явления, широта души и рационализм. Изучили южные районы, где цветет ковыль, степные просторы позволяют любоваться животворными утренними лучами солнца далеко за горизонтом и багровым закатом в конце трудового дня. Мы не уставали удивляться разнообразию природы и стремлению русского крестьянина жить в гармонии с ней. А еще – миролюбие к своим соседям – башкирам, татарам, чувашам и другим, готовность к культурному диалогу и сотворчеству, не забывая традиции предков – выходцев из разных губерний России.

Суровый вид жилища русских переселенцев из северных районов – на высоком фундаменте, с закрытым двором, – смягчен резными наличниками ювелирной огранки и буйством красок цветов в палисадниках и огородах; он логично вписывается в ландшафт с многовековыми соснами и елями. Напротив, открытость построек усадьбы в степях сродни характеру и образу мышления их хозяев – из южных губерний. В процессе адаптации к новым природно-географическим и социальным условиям произошли изменения (использовались местные природные материалы, в ряде случаев появились печи с вмазанными котлами, глухие перегородки вдоль печи, закрепленные на стены жерди для подушек и одеял, как у башкир и татар). Имело место обратное влияние (уличный тип поселений, «русские» ворота, «русские» печи у башкир).

В Башкирии, которая стала второй родиной, русские крестьяне везде, где позволяли условия, продолжили заниматься земледелием, вовлекая в этот процесс башкир-кочевников, используя местные сельхозорудия, коррелируя свою деятельность исходя из локальных климатических особенностей. В то же время от башкир они переняли опыт скотоводства, изготовления предметов конского снаряжения, приспособлений для охоты и рыболовства. В горнолесной зоне бортевое и пасечное пчеловодство и лесные промыслы развивались в процессе активных русско-башкирских и башкиро-русских взаимодействий. В центральных и западных районах русские вступили в хозяйственные взаимодействия с татарами, чувашами, украинцами, белорусами, марийцами, мордвой, латышами, немцами, эстонцами.

Совместное проживание представителей разных этносов и конфессий сопровождалось сглаживанием противоречий и формированием общих традиций. Ещё сто лет назад старoverы башкирский кумыс называли «в высшей степени поганым», как и посуда, в которой был этот напиток, она становилась непригодной для дальнейшего использования. При употреблении любой другой пищи даже иноверцем посуду можно вымыть в проточной воде, и она будет пригодной¹. Среди некоторых старoverов считался греховным чай («кто чай пьет, тот

¹ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 99.

отчаянной от Бога») и даже «самоварная вода». В их среде было разрешено пить напиток из листьев земляники, смородины, вишни, а также блошницы, зверобоя¹. Сейчас староверы с открытой душой принимают гостей – православных и мусульман, вместе пьют чай с башкирским мёдом и чак-чаком.

Русские готовят домашнюю колбасу с начинкой из крови, субпродуктов и зерна, которую научились делать от башкир, называют её «тутырма»². От башкир и татар русские переняли беляши и кыстыбый. Посещая в разные годы русские села, нас потчевали уральскими пельменями, украинским борщом, белорусскими дранниками, кавказским шашлыком, среднеазиатским пловом, и, конечно, башкирским и татарским супом-лапшой. Из напитков вне конкуренции чай.

В Белорецком и Дуванском районах можно встретить информаторов, которые съедобные травы называют башкирскими названиями, например, балтырган (вместо борщевик), шумурт (а не черемуха)³. Наши информаторы с Молоканово Куюргазинского района говорят, что плели корзины из «та́ла» (пер. с башк. ива), а «сейчас та́ла не стало»⁴. В русском селе Вознесенка сорную траву называют «алама» (от башк. «плохой»)⁵. Заимствование слов усиливалось в процессе межэтнических контактов.

Взаимосвязи «город – деревня» способствовали формированию культуры в русле синтеза сельских и городских, религиозных и светских, народных и профессиональных традиций. На протяжении XX столетия многие сельчане стали горожанами, перестав быть носителями этнических традиций. Наряду с ними, сохранились русские селения, где крестьяне, пережив войны и революции, голод, коллективизацию, раскулачивание и другие социальные катастрофы, проявили чудеса терпения и жизнестойкости. В последние десятилетия некоторые стали фермерами, разводят по примеру башкир лошадей и новомодных страусов. Другие в поисках денег подались на заработки в Сибирь и на Север. Женщины не только успешно ведут крестьянское хозяйство, но и работают на частных и государственных предприятиях, многие занимают высокие административные посты.

Многолетняя борьба в советский период с проявлениями этничности и развитие промышленности вытеснили народное гончарное и бондарное производство, ткачество, плетение, искусство класть печи, делать сани и телеги. В сараи и на чердаки заброшены предметы, которые в свое время помогали жить и выживать (деревянные хомуты для быков, цепи для обработки льна). Инструменты переместились в дальние уголки крестьянского хозяйства, с расчетом, что еще могут пригодиться (скобель, пила, безмен, скребок). В то же время до сих пор в русских селах есть мастера, которые плетут лапти для ношения во время сенокоса, корзины для домашних птиц, делают улья и инструменты для пчело-

¹ Там же. С. 146.

² С. Зигаза Белорецкого района РБ. Информатор М.Г. Муллагулов. 2011 г.

³ Галиева Ф.Г. Отчет об экспедиции. С. 51.

⁴ ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района РБ.

⁵ ПМА 2011 г.

водства, занимаются резьбой по дереву, придумывая всё новые узоры, порой навеянные башкирскими мотивами. К традиционной культуре приобщаются школьники. Мальчики на уроках труда из дерева выпиливают не только предметы крестьянского быта, но и пасхальные яйца, а девочки раскрашивают их так, как предписывает традиция. Учителя для своих воспитанниц вспоминают способ работы ткацкого станка.

В русских селениях Башкортостана встречается традиционная планировка жилища и традиционная мебель (самодельные резные шкафы, столы, лавки, плетеные из ивовых ветвей скамейки), а также посуда и утварь, оказавшаяся незаменимой. Молоко держат в глиняных горшках, которые лучше сохраняют целебные свойства продукта, яйца – в берестяных туесах, муку и зерно – в деревянных огромных ларах, капусту квасят в дубовых бочках. В чугунах очень вкусно готовят картофель. Как и столетия назад, в процессе испечения хлеба в русской печи используют ухват, деревянную лопату и кочергу.

Интерьер жилища, как и прежде, создают текстильные изделия ручной работы – вышитые иконы, связанные крючком скатерти, изящные салфетки, теплые половички. Они уживаются с новыми фабричными коврами и паласами и оттеняют агрессию современной многочисленной аудио- и видеотехники. В последние годы, как в северных, так и южных районах республики, развивается вышивка ковров: для основы берется старое детское одеяло, а в качестве ниток – распущенные трикотажные вещи. «Кружки» (подстилки) для стульев делают путем вязания и аппликации фрагментов использованного текстиля. К краям фабричных скатертей пришивают изящные домашние кружева. Так старые вещи получают новую жизнь и одухотворяют крестьянский дом.

В Башкортостане в условиях крестьянской общины сохранялись традиционная структура, содержание и основные элементы календарных обрядов – ритуальная еда, ритуальное купание, игрища, действия с растениями (подобиями их), заклинательный фольклор. На больших лужайках в праздничные дни, особенно на Пасху и Троицу, водили по часовой стрелке (по солнцу), держась за руки, за платок, шаль или пояс, хороводы, которые символизировали дружбу и единение. Информаторы вспоминают «Ручеёк», «Верёвочка», «Хоронить золото», «Соседку», «Фант», «Прядки» и другие игры, которые благодаря русским на территории Башкирии стали достоянием многих народов. Общими стали музыкальные инструменты – гармонь и балалайка, принесенные на южно-уральские земли вместе с русскими переселенцами, их удивительно разнообразные, отражающие всю палитру чувств, песни.

Этническая культура к настоящему времени сохранились лучше там, где русские крестьяне образовывали поселения выходцев одной деревни (губернии) в отдалении от центров урбанизации, в горнолесной местности. Пример – села Метели, Тастуба, Вознесенка, Месягутово, Дуван, Ярославка, Сальёвка Дуванского района. В ряде случаев после освоения башкирских земель они какое-то время поддерживали торгово-экономические и культурные контакты с прежней родиной, чему способствовала географическая близость, отсюда принимали новых переселенцев, получали этнокультурную подпитку. Иноэтнические поселенцы (во второй половине XX в. и начале XXI в.) обогатили

этнокультурную палитру (Дуван, Месягутово), либо ассимилировались в русской среде (Метели, Вознесенка).

В указанных селах до сих пор в новогодне-рождественский период колядуют и ходят ряжеными, девушки гадают о суженом, на Крещение жители запасаются святой водой, на Троицу украшают дома ветками березы. Здесь сохранились разные жанры фольклора с их композиционными особенностями, устойчивыми речевыми конструкциями, поэтическими образами, художественными средствами и приемами. Вплоть до наших дней можно записать удивительные по своей красоте и поэтическому совершенству обрядовые песни; некоторые из них на основной этнической территории давно забыты, а сохранились в Башкортостане благодаря процессам консервации культуры в многоэтнической среде.

Однако в большинстве русских селений Башкортостана процессы индустриализации, урбанизации и глобализации, активизировавшиеся еще в первые десятилетия прошлого века, способствовали не только усилению роли городской культуры, но и обезличиванию, забыванию традиций. Этническая культура лишилась в ряде случаев этносоциальной базы для своего естественного развития. Трансформировалось сознание носителей традиционной культуры, и крестьянин-общинник, поклоняющийся Солнцу, Природе, верящий в силу обрядов, стал рационально мыслящим человеком, черпающим знания из СМИ и через общение с другими народами. Механизация труда и организация сельхозработ по государственным планам привели к утрате народных предписаний. Исчезли вера в магию обрядов первого снопа «именинного» и последнего «снопа-деда» или «снопа-бабы». Обряды модернизировались и трансформировались в общенародные праздники. Пасха в ряде селений заменилась Праздником первой борозды, Троица – Праздником русской березки с подведением итогов весенних полевых работ. Культработники летом стали организовывать «Здравствуйте, односельчане», «Шежере» (праздник родословной), «Праздник цветов», «Чествование ветеранов», «Праздник-конкурс на лучшую улицу и усадьбу».

Произошло складывание современной национальной культуры Башкортостана, в которой соединились народные и профессиональные, сельские и городские традиции, старое и новое, этническое и межэтнические. Особенность современных праздников – проведение по единой схеме: посещение официальных лиц, выступление фольклорных коллективов и отдельных исполнителей, выставка изделий народного творчества, праздничная торговля, спортивные состязания (для молодежи, детей и подростков), аттракционы, качели, катания детей на лошадях и пони, специализированная охрана порядка, дежурство скорой помощи. По такому методу проводятся русские, башкирские, татарские, марийские, немецкие и другие праздники.

Формированию общего пласта культуры народов Башкортостана способствовал совместный труд, проживание в одних и тех же селениях, межэтнические браки, а также общность традиций. В культурах как восточнославянских, так и финно-угорских, тюркских и других народов с языческих времен устраивали игрища и посиделки, обрядовое купание в воде,

водили хороводы, катались вокруг селений на лошадях, с гор и катках, готовили обрядовую пищу, исполняли ритуальные песни. Своими действиями они стремились обеспечить хороший урожай, приплод скота и продолжение рода человеческого.

Сейчас русские вместе с башкирами, татарами и другими этносами участвуют в праздновании тюркского Сабантуя, латышского Лиго, христианской Троицы, языческого Ивана Купалы. Мусульманин с благодарностью разделит рождественский стол христианина, примет от него пасхальное яйцо, произнеся предписанные ритуалом слова, испробует кулич, а в суровый крещенский мороз трижды по примеру русского друга искупается в Иордани.

На народных гуляниях представители разных национальностей и поют одни и те же песни под сопровождение русской гармони и балалайки, башкирского курая и думбыры. Сейчас уже сложно найти русский фольклорный ансамбль, в котором бы не выступали в качестве участников и даже руководителей этих коллективов башкиры и татары, и наоборот. На ежегодный Аксаковский фестиваль собираются все народные коллективы, независимо от национальности.

Культура Башкортостана явилась результатом взаимодействия и взаимовлияния традиций восточнославянских, тюркских и других народов республики; неслучайно Башкортостан называют «творческим котлом». Результаты бывают непредсказуемыми даже в такой сакральной области культуры, как наречение имени. В то время, как в русских селениях имена традиционно давали по Святцам, в соседних тюркских придумывали новые под влиянием русской культуры, а также отражая социально-политические и экономические перемены. Например, в с. Улькунды Дуванского района, расположенном в окружении русских сёл, мы зафиксировали имена коренных жителей разного возраста (до 80 лет), идентифицирующих себя башкирами, татарами и мишарями: *Эрина, Гранит, Атлас, Казбек, Мандат, Билград, Рикс, Энне, Иран, Уран, Эльбрус, Ефак, Балдарис, Узбек, Феликс, Лузария, Финер, Викарис, Илюзия, Ламберт, Флюрис, Торжинен, Асколь, Гигант, Финя, Дамбис, Марганис, Марганец, Марганда, Юльжикэ, Юлиза, Динарат, Мекка, Загния, Игнас, Марита, Флор, Людаже, Владе, Рюрик, Гаденон.*

С другой стороны, на протяжении нескольких столетий основной вектор развития русской культуры был направлен на сохранение этнических, в ряде случаев диалектных особенностей. Например, отличается язык жителей Дуванского района. Местная лексика касается системы родства: «*мама стара*» (*бабушка*); предметов быта: «*дружки*» (*ведра на коромысле; веники*); домашних животных: «*зюнька*» (*свинья*), «*кутя*» (*курица*), «*куран*» (*индюк*). Характеризует одежду: «*одеваха*» (*одежда*), «*бекешка*» (*верхняя одежда*), «*епешка*» (*рабочая одежда*), «*опояска*» (*пояс*), «*катанки*» (*валенки*). Систему питания: «*шарба*» (*уха*), «*осердие*» (*ливер*), «*подстава*» (*блюдо, угощение*), «*шти*» (*суп, щи*), «*сковрдунка*» (*блюдо из мелкой рыбы с яйцом*). Некоторые слова переняты из башкирского и татарского языка: траву-сорняк называют «*алама*» («*плохой*»). В

Куюргазинском районе иву называют «талом». «А сейчас талу не стало», – говорят они. (В текстах песен такие слова не отмечены.)

Мы живем в такое время, когда проблема развития этносов в полиэтническом пространстве стала государственной проблемой. Государственная программа «Народы Башкортостана: возрождение и развитие», разработанная сотрудниками ИЭИ УНЦ РАН во главе с чл.-корр. РАН Р.Г. Кузеевым, имеет большое научно-практическое значение для решения комплексных задач национального развития, регулирования межнациональных отношений в республике и одновременно обеспечения конституционных прав человека и гражданина. В ней подчеркивается, что именно в этнокультурном многообразии коренится источник динамичного развития региона. Реализуются Государственные программы по изучению и развитию национальных языков и фольклора.

Русские вносят существенный вклад в науку, политику, образование, культуру, промышленность и другие сферы жизни республики. Культура русских развивается в содружестве и сотворчестве с другими народами, в русле современных социально-экономических процессов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

- Галиева (Ахатова) Ф.Г.* ПМА. 2000–2011 гг. // Личный архив.
- Галиева Ф.Г.* Отчет об экспедиции в Дуванский район Республики Башкортостан: Рукопись // Архив ИЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2009.
- Дело об устройстве быта переселенцев Оренбургского края (1875 г.) // ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14494.
- Кучумов И.В.* Русское горнозаводское население Южного Урала. Дис... канд. ист. наук / Центр этнол. исследований Уфимского науч. центра РАН. Уфа, 1997.
- Мюллер Ф.Г.* Об исследовании в странах Урала и Кавказа в историческом, географическом и этнографическом отношении. Пер. М.М. Гельдта с нем. яз. // ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 63.
- Об улучшении быта крепостных людей (1857 г.) // ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 1996.
- Описание взятия «снежного городка» на Масленицу (1896 г.) // ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 46.
- Описание праздников в честь «открытия» Оренбургской губернии (1782 г.) // ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1850.
- Рукопись Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии // ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40.
- Русский фольклор Башкирии. Записи фольклорных экспедиций 1938–1939 гг. Башкир. НИИ яз. и литер. под рук. Н.П. Колпаковой (г. Ленинград). Записи фольклорных экспедиций 1948–1949 гг. кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Башкир. НИИ ист., яз. и литер. им. М. Гафури под рук. Э.В. Померанцевой // Архив Уфимского науч. центра РАН Ф. 3. Оп. 2. Д. 79–81, 181–197.
- Сведения о быте крестьян Оренбургской губернии. Из Отчета о состоянии губернии за 1868 г. // ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/7.
- Сведения об устройстве быта крестьян в губернии (1866 г.) // ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76.
- Сведения об устройстве быта переселенцев Оренбургского края (1875–1880 г.) // ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14494.
- Сведения о быте башкир Оренбургской губернии // ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14017/4.
- Сведения о быте башкир Уфимской губернии (1760 г.) // ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14337.
- Сведения о праздновании 50-летия освобождения края от крепостной зависимости (1910–1911 гг.) // ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 265.
- Сведения о проведении досуга жителями г. Оренбурга (1838 г.) // ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 32.
- Сведения о проведении маскарардов на берегу реки Урал (1888–1891) // ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 66.
- Сведения о недельном праздновании святой Пасхи вместо трех дней //

ГАОО. Ф. 173. Оп.1 Д. 24/2.

Українці в Башкирії: Записи экспедиции 1942–1943 гг. // Архив Ин-та искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рыльского НАН Украины. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3–5; Оп. 2. Д. 10; Оп. 4. Д. 2.

Фольклорные записи А.В. Попова // Гос. архив Оренбургской обл. Ф. 168. Оп. 1. Д. 67.

Шарпова И.Р. Башкирские народные праздники как социокультурное явление. Автореф. дис. ... канд. философ. наук / БашГУ. Уфа, 2010.

Статистические материалы

Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке Члена Уфимского Губернского Присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению Г. Уфимского Губернатора К.М. Богдановича. Уфа: Тип. Губернского правления, 1898. 88 с.

Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. VII.

Михайлов В. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке Непременного Члена Уфимского Губернского Присутствия В. Михайлова, составленный по поручению Г. Уфимского Губернатора К.М. Богдановича. Уфа: Тип. Губернского Правления, 1897. 282 с.

Михайлов В. Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уезде Уфимской губернии. Отчет по командировке Члена Губернского Присутствия В. Михайлова, составленный по поручению Г. Уфимского Губернатора К.М. Богдановича. Уфа: Тип. Губернского Правления, 1898. 163 с.

Населенные пункты Башкортостана. Часть 1: Уфимская губерния. 1877 г. / Отв. за выпуск А.А. Хисматуллин. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 2.: Современное положение садоводства в России. СПб.: Тип. Б. Безобразова, 1885.

Страницы истории Дуванского района / Редкол. В.В. Латыпова, Л.А. Морозова, А.И. Осипов, М.И. Роднов (отв. ред.), Н.И. Черепанова. Месягутово, 1991. 89 с.

Уфимская губерния. Список населенных пунктов по сведениям 1870 г. СПб., 1877. 344 с.

Публикации фольклорных и этнографических текстов

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Справочно-библиограф. материалы / РАН. М.: Индрик, 2000. 576 с.

Зоренька вечерняя: Сб. песен / Мин-во образования РФ, Стерлитамакский гос. пед. ин-т; Сост., вступ. ст. и коммент. И.Е. Карпухина; Сост. и муз. ред. И.Н. Васильева. Стерлитамак, 2000. 130 с.

Зырянов И.В. Лирические народные песни / Собр. и сост. И.В. Зырянов. Пермь: Кн. изд-во, 1962. 264 с.

Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета (1993–2003). Магнитогорск: МаГУ, 2003. 307 с.

Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензелинского уезда Уфимской губернии Н.Е. Пальчиковым. М.: Юргенсон, 1888.

Лирика русской свадьбы [Тексты] / АН СССР; Изд. подгот. Н.П. Колпакова; Отв. ред. В.Е. Гусев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 323 с. (Лит. памятники).

Народное творчество Южного Урала: В 2-х вып. / Зап. И.С. Зайцев; Под ред. и с пред. В.М. Сидельникова. Челябинск: Челябингиз, 1948. Вып. 1. 159 с.

Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Вступ. ст., сост., примеч. В.Я. Бабенко и Ф.Г. Ахатовой. Київ: Музична Україна; Уфа, 1995. 240 с.

Песни белорусских переселенцев в Башкортостане / Вступ. ст., примеч., сост. Ф.Г. Ахатовой; Центр этнол. исследований Уфимского науч. центра РАН. Уфа, 2001. 79 с.

Поэзия крестьянских праздников. 2-е изд. / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. И.И. Земцовского; Общ. ред. В.Г. Базанова. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1970. 636 с. (Б-ка поэта).

Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии: Сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. Магнитогорск: Минитип, 2000. 140 с.

Русское народное творчество в Башкирии / Под общей ред. Э.В. Померанцевой; Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева; Отв. ред. А.Н. Киреев. Уфа: Башкнигиздат, 1957. 327 с.

Сборник песен оренбургских казаков / Собрал сотник А.И. Мякутин: В 4 т. Оренбург; СПб.: Изд-во Оренб. казачьего войска, 1904–1910; Т. 1: Песни исторические. 1904. 294 с.; Т. 2: Песни бытовые. 1905. 162 с.; Т. 3: Песни бытовые. 1906. 314 с.; Т. 4: Песни обрядовые, духовные стихи, заговоры, очерки обрядовые. 1910. 352 с.

Монографии, сборники трудов, статьи

Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане: фольклорные процессы в многоэтничном регионе. М., 2006. 286 с.

Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. Уфа: Китап, 2001. 288 с.

Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде / Башкир. респ. товарищество почитателей украинской культуры «Кобзарь»; Башкир. респ. общественный центр украинистики; Ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. Уфа, 1992. 260 с.

Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов / РАН; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Башкирия в русской литературе: В 5 т. Уфа, 1961–1968; *То же*: В 6 т. Уфа, 1989–2004.

Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии //

Археология и этнография Башкортостана. Уфа, 1973. Т.5. С.61–93.

Бикбулатов Н.В. Башкирский аул. Очерк общественной и культурной жизни. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1969. 215 с.

Бикбулатов Н.В. Вопросы взаимодействия и сотрудничества народов Башкортостана в советскую эпоху // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 35–51.

Бикбулатов Н.В. Некоторые особенности в системе земледелия башкир в конце XIX начале XX вв. // Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974–1975 гг. Тез. докл. Душамбе, 1976. С. 130–132.

Бикбулатов Н.В. Пахотные орудия башкир в XIX начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX начале XX в. М., 1979. С. 46–62.

Бикбулатов Н.В. Система земледелия башкир в XIX начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX начале XX в. М., 1979. С. 5–45.

Брянцева Л.И. О жанровой классификации русских лирических песен // Фольклор народов России. Уфа, 1978. С. 71–81.

Брянцева Л.И. Русская балладная традиция в Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1986. С. 103–112.

Брянцева Л.И. Русская свадьба в Башкортостане // Живая старина: Краеведческий сб. Уфа, 1997. С. 191–211.

Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа; Китап, 2010. 264 с.

Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Вып. 2. Казань, 1967. С. 108–127.

Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX начало XX вв.). Казань, 1966.

Вахитов Р.Ш. Пчелы и люди: записки башкирского пчеловода. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1992. 288 с.

Верещагин А.С. История края в газете «Уфимские губернские ведомости». Уфа, 2003.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб., 1776–1777. (2-е изд: СПб., 1779); Совр. изд.: *Иоганн Готлиб Георги.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. М.: Библиотека РУСАЛа, 2007. 128 с.

Годовова Е.В. Специфические черты культуры топоса оренбургских казаков // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 2009. С. 132–134.

Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Составил по поручению Уфимского Губернского Статистического комитета Н.А. Гурвич, Член-Секретарь Уфимского и Действительный Член других

Статистических Комитетов, Член Императорского Русского Географического и других ученых обществ. Уфа: Печатня Н.К. Блохина, 1852. 875 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Рус. язык, 1998. Т. 4. 688 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Гос. Изд-во инстрани. и национ. словарей, 1955. Т.2 «И–О». 650 с.

Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа: Гилем, 2002. 216 с.

Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа: Башкнигоиздат, 1984.

Здобнова З.П. Атлас русских говоров Башкирии: В 2-х ч./ АН Респ. Башкортостан. Отд-ние соц. и гуманитар. наук. 4-е изд. Ч. 1, 2. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

Здобнова З.П. Словарь русских говоров Башкирии. А Я / Акад. наук Респ. Башкортостан, М-во общ. проф. образования, Башк. гос. ун-т; сост.: И.П. Березовская-Пономарева и др.; под ред. проф. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 1997; 2000, 2003, 2005.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии / БашГУ. Уфа, 2001. 155 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Зеленин Д.К. Избранные труды по духовной культуре 1901–1913 гг. / Вступ. ст. Н.И. Толстого; Сост. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 1994. 368 с. (Традиционная духовная культура славян).

Зеленин Д.К. Избранные труды: Ст. по духовной культуре: 1917–1934 / Вступ. ст. Т.Г. Ивановой; Сост. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 1999. 348 с. (Традиционная духовная культура славян).

Зеленин Д.К. Избранные труды: Ст. по духовной культуре: 1934–1954. М.: Индрик, 2004. 368 с.

Зеленин Д.К. Усень-Ивановский говор // Известия Отделения русского языка и словесности РАН. 1905. Т. 10, вып. 2. С. 93–108.

Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1905. Т. 21, № 3. С. 201–258; То же: Бельские просторы. 2011. № 1 (январь). С. 93–108; № 2 (февраль). С. 144–159.

Земля Ермекеевская...: Сб. ст. / Администрация Ермекеевского района Республики Башкортостан; Под ред. В.Я. Бабенко. Уфа, 1999. 336 с.

Игнатъев Руф. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т.1. 1859-1966 годы / Отв. ред. В.А. Лабузов; Сосотав. М.И. Роднов. Оренбург: Изд. Центр ОГАУ, 2011. 230 с.

Карпухин Е.И. Свадьбы в Башкортостане на стыке тысячелетий. Уфа: Гилем, 2009. 480 с.

Карпухин И.Е. Русская свадьба в Башкортостане (состояние, поэтика, межэтнические взаимосвязи). Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т; Уфа: Ин-т ист., яз. и лит. УНЦ РАН, 1999. 381 с.

Карпухин И.Е. Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях / Стерлитамак. гос. пед. ин-т; РАН, Уфимский науч. центр, Ин-т ист., яз. и лит. Стерлитамак, 1997. 239 с.

Касимовский В.С. Несколько слов о кунгурыках, живущих в Уфимской губернии // Русские Башкортостана. История и культура. Уфа, 2003. С. 101–108.

Касимовский В.С. Очерки о Дуване (1868 г., 1877 г.) / отв. за вып. Н. Черепанова. Месягутово, 1991. 29 с.

Квилинкова Е.Н. Специфика гагаузской новогодней обрядности // Ежегодник Института Межэтнических исследований Академии Наук Республики Молдова. Кишинэу, 2000. Т. I. С. 97–101.

Кирьянов И.К., Кореньюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 168 с.

Ковязин С.А. Русское население Башкирии (история, современность, религия, обычаи и обряды) / Респ. центр народного творчества Мин-ва культуры Башкирской ССР. Уфа, 1991. 39 с.

Колтакова Н.П. Путевой дневник // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976. С. 212–233.

Колтакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 284 с.

Кондратьев М.Г. Музыкальная культура чувашей Приуралья // Традиции и современность в культуре народов. Уфа, 1999. С. 39–44.

Кондратьев М.Г. Музыкальная культура: традиции и новации // Чувашаи Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 94–111.

Круглов Ю.Г. Русский обрядовый фольклор. 2-е изд. М.: Сов. писатель, 2000. 362 с.

Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки (с 140 фотографиями автора). М.: Изд. К.И. Тихомирова 1909. 317 с.

Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX начало XX в. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1971. 288 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 345 с.

Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к оседлому земледелию // Археология и этнография Башкортостана. Уфа, 1968. Т.3. С. 261–321.

Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане XVIII века. Уфа: Китап, 2000. 280 с.

Культура славян Оренбуржья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург: Изд. центр Оренбург. гос. аграрного ун-та, 2003. 384 с.

Культурное наследие славянских народов Башкортостана: Тез. докл. респ. науч.- практ. конф. Уфа, 28–29 мая 1996 г.: В 2-х т. Уфа: Изд. Башк. ун-та, 1996. Т. II. 149 с.

Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Сб. трудов. Часть 1 / Изд. Башкир. ун-та. Уфа, 1998. 186 с.

Курбангалеева Г.М. Русские говоры в Башкортостане: проблемы и перспективы изучения // Русские Башкортостана. История и культура. Уфа, 2003. С. 311–319.

Кучумов И.В. К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана). Уфа, ДизайнПолиграфСервис 2010. 136 с.

Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала. Екатеринбург, 1972. 320 с.

Лазарев А.И. Уральские посиделки / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; 2-е изд. Челябинск, 2008. 143 с. (Академия культуры и искусств: из творческого наследия).

Лазарева Л.Н. Теория и история праздников: учеб. пособие / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 3-е изд., испр. и доп. Челябинск, 2010. 251 с.

Лепёхин И. И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепёхина, академика и медицины доктора по провинциям Российского государства в 1770 г. Ч.2. СПб.: Императорская Академия наук, 1802. 338 с.

Лепёхин И.И. Дневные записки доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Ч.1 СПб.: Императорская Академия наук, 1795. 735 с.

Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия Ивана Лепёхина в 1772 году. Ч.4. СПб.: Императорская Академия наук, 1805. 457 с.

Лепёхин И.И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепёхина, академика и медицины доктора, Вольного экономического, друзей природы испытателей в Берлине и Гессенгамбургского патриотического общества члена по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Ч.3. СПб.: Императорская Академия наук, 1780. 404 с.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 162 с.

Миннихметова Т.Г. Календарные обряды закамских удмуртов / РАН, Урал. отд-ние, Удм. ин-т ист., яз. и лит. Ижевск, 2000. 168 с.

Миннихметова Т.Г. Роль этнической среды в формировании песенного репертуара деревни // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 128–139.

Муллагулов М.Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа: Гилем, 2007. 158 с.

Мурзабулатов М.В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX начале XX в. М., 1979. С. 62–77.

Некрылова А., Савушкина Н. Русский фольклорный театр // Народный театр. М., 1991. С. 5–20.

Никонорова Е.Е., Илларионова Е.Н. Одежда русских Башкортостана в процессе межэтнических взаимодействий // Славянский мир: история и современность. Уфа, 2008. С. 40–48.

Пекер А. Очерк Уфы // Вестник ИРГО. СПб, 1860. С. 176–200.

Петров И.Г. Чуваши // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 141–218.

Пропт В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Лабиринт, 2004. 176 с.

Рахимкулов М.Г. Народной мудрости родник: Башкирский фольклор в русской литературе. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. 182 с.

Рахимов Р.Г. Напевы тальянки: Фольклорный музыкальный сб. / муз. ред. Ф.Х. Камаев. Уфа, 1985.

Рахимов Р.Н. Русские офицеры в башкирских полках // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана. Сб. трудов: Ч.1. Уфа, 1998. С.73–74.

Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. 314 с.

Роднов М.И. У истоков уфимской прессы. Вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. 172 с.

Рожкова Т.И. Некоторые аспекты изучения традиционной культуры Южно-уральского региона // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. XXXII. С. 265–282.

Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во АНк СССР, 1955. 393 с.

Русские / В.А. Александров, В.А. Тишков, И.В. Власова и др.; Отв. ред. В.А. Александров и др.; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая М., 1997. 828 с. (Народы и страны).

Русские Башкортостана. История и культура. Сб. научных трудов / В.Н. Самородов, В.С. Горбунов, В.А. Иванов и др.; Отв. за вып. В.Я. Второв; Собор русских Башкортостана; Баш. гос. пед. ун-т. Уфа, 2003. 384 с.

Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. Тула: Гриф и К, 2008. 480 с.

Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия / О.Г. Баранова, Т.А. Зиминая, Е.Л. Мадлевская и др.; авт. предисл. и науч. ред. И.И. Шангина. СПб.: Искусство, 2001. 668 с.

Рыбаков С.Г. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 7. С. 271–291; № 8. С. 294–309.

Рычков П.И. Третье продолжение о пчелах // Труды вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч.ХI. 1769. С.1–34.

Самородов Д.П. Переселение крестьян Вятской губернии в Башкирию во второй половине XIX века // Башкирский край. Уфа, 1993. Вып. 3.

Самородов Д.П. Русская торговая буржуазия Южного Урала в конце XIX – начале XX вв. // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана. Сб. трудов: Ч.1. Уфа, 1998. С. 78–81.

Село родное Ярославка / авт. и сост. С.А. Брагина, А.В. Ковин, А.П. Ковин. Дуван, 2009 (?). 237 с.

Сергеев Ю.Н. Православное духовенство Южного Урала: очерки истории духовного сословия (вторая половина XVI–XVIII вв.). Уфа: БашГУ, 2004. 161 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН; Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1992. Вып. 18. 288 с.

Словарь русского языка. В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. Т.II. «К – О». 1014 с.

Словарь современного русского литературного языка РАН; Ин-т рус. яз. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 11 «Пра пятью». 1842 с.

Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. Составил Войсковой Старшина Ф. Стариков. Оренбург: Типо-литография Б. Брекслина, 1891. 257 с.

Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде (Фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов). Уфа: Гилем, 2006. 344 с.

Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVII первая половина XIX в. М.: Наука, 1984. 175 с.

Татаринов Д.И. Воспоминания // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 3–39; Уфа, 1993. Вып. 3 (окончание). С. 3–14.

Традиционная культура народов Урало-Поволжья в условиях модернизации общества. Сб. статей / Ин-т этнологич. исслед. им. Р.Г. Кузеева Уфимского науч. центра РАН; отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 2011. 152 с., ил.

Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пре-реформенный период: 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 372 с.

Успенский Б.А. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. 688 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Федорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старо-обрядцев Южного Урала. Курган, 1997. 284 с.

Филатова И., Сухова-Айснер И. Немцы // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 455–476.

Фольклор Урала / Урал. гос. ун-т; отв. ред. В.П. Кругляшова. Свердловск, 1976–. Вып. 1: Народная проза. Свердловск, 1976. 100 с.; Вып. 2: Литература и фольклор. Свердловск, 1976. 98 с.; Вып. 3: Народное песенное творчество. Свердловск, 1978. 124 с.; Вып. 4: Фольклор и историческая действительность. Свердловск, 1980. 147 с.

Хусаинова Г.Р. Образ кукушки в обрядах башкир и русских // Развитие социально-экономического и культурного сотрудничества Башкортостана и Украины. Уфа, 2003.

Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000. 247 с.

Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом им промышленном отношениях. Уфа, 1859. — 472 с.

Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 304 с.

Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. Очерки по истории народных верований // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1957. 236 с. (Новая серия; Т. 40).

Шакурова Ф.А. Южноуральское село Кага: история края в вопросах и ответах / Уфимский ин-т краеведения и туризма. Уфа, 2010. 224 с.

Шарипова И.Р. Диалог культур: «Быкрау» заимствованный у русского населения праздник северо-восточных башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 2009. С. 205–206.

Ширгазин А.Р. Православные храмы Башкирии. История и архитектура: Каталог-справочник. Уфа, 1995. 161 с.

Шитова С.Н. Постройки типа землянок у башкир // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 37–52.

Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М.: Наука, 1984. 252 с.

Шитова С.Н., Ковязин С.А. Русские // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 219–260.

Эстетико-культурологические смыслы праздника. Сб. статей памяти А.И. Мазаева / Отв. ред. И.В. Кондаков. М., 2009. 467 с.

Якупов Р.И. Татары // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 111–171.

Янгузин Р., Рахматуллина З. Башкирский сабантуй праздник весны (история и современность) // Ватандаш. 2003. № 6. С. 45–55.

Периодические издания и публикации в них

Бакалинец. Сретенская ярмарка // УГВ. 1905. № 64 (20 марта). С. 3.

Бакалинец. Чувашский обычай похищения невест // УГВ. 1905. № 66 (23 марта).

Баратынский Л. На хуторе (эскизы из хуторской жизни) // ОК. 1893. № 39 (1 апр.).

Башкирские легенды о месяце // ОЛ. 1876. 16 мая.

Белебеец. Из Белебея // УГВ. 1904. № 33 (10 февр.).

Б-в [Бурдуков М.С.]. Из нравов сельских жителей губернии // УГВ. 1905. № 158 (24 июля).

Будрик Ив. Наши школьные развлечения на Святки // ОК. 1984. № 154 (14 янв.).

Бурдуков М.С. Верхнетроицкое Булебеевского уезда // УГВ. 1905. № 166 (4 авг.).

Бурдуков М. С. Верхнетроицкое // УГВ. 1905. № 117 (3 июня). С. 2–3.

Бурдуков М. Чуваш. Этнографический очерк // УГВ. 1905. №; 190 (6 сент.); № 191 (7 сент.); № 192 (8 сент.); № 193 (10 сент.); № 194 (11 сент.).

Бурдуков М. Мордва (этнографический очерк) // Уфимские губернские ведомости (далее УГВ). 1905. № 176 (18 авг.); № 177 (19 авг.); № 178 (20 авг.).

Бурзянская деревня // ОЛ. 1876, 15 авг.

Встреча весны инородцами Оренбургского края // ОЛ. 1876, 10 окт.; 17 окт.; 24 окт.

В.П. Корреспонденция // УГВ. 1904. № 11 (15 янв.).

Григорович Н. По деревням Оренбургского уезда // ОК. 1893. № 55 (9 мая); № 62 (30 мая); № 74 (27 июня).

Гр. Алемасов. Искоренение суеверного обычая // ОГВ. 1850. № 33.

Доброселов Ф.А. Ночь на Пасху (рассказ-быль) // ОК. 1893. № 43 (11 апр.).

Дольский казак. Игрища, устраиваемые в казачьих поселках Челябинского уезда // ОК. 1894. № 1. С. 1–3.

Ёлка для детей городских и пожарных служителей // УГВ. 1904. № 9 (13 янв.).

Ёлка // УГВ. 1905. № 3 (5 янв.).

Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. СПб. (Пг.), 1890–1916; М., 1994–.

Завьялов А. Свадебные обряды казаков Челябинского уезда // ОК. 1894. № 220 (29 июня); № 223 (6 июля); № 226 (13 июля Китайские пословицы // ОЛ. 1900, 5 нояб.

З-ф-р-въ В. [Зефиоров]. Взгляд на Уфу // ОГВ. 1850. 30 сент., 7 окт.

Из крестьянских писем // УГВ. 1905. № 123 (11 июня).

Иванов Сергей. Наша корреспонденция // УГВ. 1905. № 172 (12 авг.).

Иванова А. Корреспонденция // УГВ. 1904. № 13 (17 янв.).

Кавадеров П. Миньярский завод // УГВ. 1905. № 9 (13 янв.).

Катав-Ивановский завод // УГВ. 1904. № 265 (10 дек.),

Китайские уголовные законы // ОЛ. 1900, 5 нояб.

Коневодство у киргиз // ОЛ. 1876, 5 окт.

Красильников М. Скотокрадство в Уфимской губернии // УГВ. 1905. № 159 (26 июля); № 161 (28 июля); № 162 (29 июля); № 163 (30 июля); № 164 (2 авг.), № 165 (3 авг.); № 167 (5 авг.); № 173 (13 авг.); № 176 (18 авг.); № 177 (19 авг.); № 178 (20 авг.); № 180 (23 авг.).

[Кулачные бои в пос. Верхнеозерный] // ОЛ. 1876, 1 февр.

Кузнецов А.П. Капустины вечера (этнограф. заметки) // ОЛ. 1891. № 39, 22 сент.

Кузнецов А.П. Засидки (этнограф. очерк) // ОЛ. 1891. № 40, 29 сент.

К.С.Ш. Степные очерки и картинки // ОК. 1893. № 79 (11 июля); № 82 (18 июля).

К-н. Из быта чувашей Уфимской губернии // УГВ. 1905. № 21 (27 янв.).

Крестный ход // УГВ. 1905. № 2 (4 янв.).

Лосиевский М.В. // ОЛ. 1876. № 43 (17 окт.).

Местные известия // ОГВ. 1860. № 33 (13 авг.).

Народные увеселения // УГВ. 1905. № 271 (25 дек.).

Нежелательные забавы // УГВ. 1905. № 186 (1 сент.).

Неудобство // УГВ. 1904. № 86 (15 апр.).

Не забудем же... // УГВ. 1904. № 64 (14 март). С. 4.

О конокрадстве у башкир // ОЛ. 1876, 22 февр.

Об устройстве быта переселенцев // ОЛ. 1876, 25 апр.

Оренбургская летопись // ОГВ. 1860. № 10 (5 март). С. 47.

Оренбургские губернские ведомости (с 1965 г. Уфимские губернские ведомости). Изд. в Уфе с 1838 г. // ОГАОО РБ.

Оренбургский край. Газета литературно-комическая и экономическая». Изд. с 1893 г.

Оренбургский листок: Газета общественная и литературная. Изд. И.Е. Ефимовский-Мировицкий. // ГАОО. 1876–1906.

[О Пасхе] // ОЛ. 1904, 21 март.

[О прошедшей Масленице] // ОЛ. 1876, 15 февр.
[О тройках лошадей на Масленицу] // ОЛ. 1877, 30 янв.
Павловский П. Тридцатое августа 1846 года в Оренбурге // ОГВ. 1846. № 59.
Пекер А.А. Несколько слов о домашнем быте русских крестьян // Оренбургские губернские ведомости (далее ОГВ). 1860. № 15 и 16 (16 апр.).
Побоище // УГВ. 1905. № 191 (17 сент.).
Погребальные обряды калмыков // ОЛ. 1904, 3 окт.
Покровский. К Великому празднику Рождества Христова // УГВ. 1905. № 266 (18 дек.).
Празднование светлой Пасхи в Уфе // УГВ. 1905. № 16 (22 апр.). С.3.
Предвестники весны // УГВ. 1904. № 55 (4 марта). С.3.
Престольные праздники // УГВ. 1904. № 109 (14 мая).
Прохожий. Наша корреспонденция // УГВ. 1905. № 150 (14 июля).
Рождественские святки у разных народов // УГВ. 1904. № 3 (4 янв.).
Русские казаки // ОЛ. 1900. 5 нояб.
Р. Театр и музыка // УГВ. 1904. № 27 (4 февр.). С.3.
Севастьянов С.Н. Взятие «городка» на Масленицу // Оренбургская газета. 1896. № 4 (29 янв.); ГАОО. Ф. 169. Оп.1. Д. 46.
Село Романовское, заговоры, свадебные и другие обряды среди жителей этого села // ОК. 1894. № 200 (13 июня).
Сибирские казаки // ОЛ. 1900. 5 дек.
Скачки в Уфе. // ОГВ. 1859. № 29 (18 июля).
Сосфенов И.П. // УГВ. 1852. 30 авг.
Ив. С-ф-ъ [Сосфенов]. Топографические и статистические записки, веденные во время приезда из Уфы в город Стерлитамак и Белебей // ОГВ. 1846. № 59. С.468–473.
Хроника // УГВ. 1905. № 1 (1 янв.).

Интернет материалы

Даль В.И. Бортъ // Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Спб., 1863–1866. URL: <http://www.slova.ru/article/2012.html> (дата обращения: 28.12.2011).
Запрет на рыбную ловлю 2011 г. в Башкирии: [сайт] URL: <http://www.tatfisher.ru/news/fishinglaw/457.html> (дата обращения: 03.02.2011).
Историческое значение присоединения Башкирии к Русскому государству: URL: <http://baimak-gorod.ucoz.ru/publ/1-1-0-2/> (дата обращения: 08.02.2012).
Итоги зимнего маршрутного учета диких животных: [сайт] URL: http://ufaportal.ru/news/2011/06/v_bashkirii_utverzhdeny_limity_na_ohotu/ (дата обращения: 03.02.2012).
Лимиты на охоту: [сайт] URL: <http://talks.guns.ru/forum/110/851815.html> (дата обращения: 03.02.2012).
Молокане: [сайт] URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Молокане> (дата обращения: 15.07.2011).
О причащении на Пасху и в период Пятидесятницы: [сайт] URL: <http://www.eparhia-ufa.ru/?let/2010/01/18> (дата обращения: 09.02.2011).

Охота на медведя в Башкирии: [сайт] URL: http://ufaportal.ru/news/2011/06/v_bashkirii_utverzhdenu_limity_na_ohotu/ (дата обращения: 03.02.2012).

Пасха: [сайт] URL: <http://www.eparhia-ufa.ru/?lib/pasha-pr> (дата обращения: 10.02.2011).

Поскотина: [сайт] URL: <http://www.classes.ru/.../russian-dictionary-Ushakov.htm> (дата обращения: 16.04.2011).

Предварительные результаты переписи 2010 г.: [сайт] URL: <http://ufabash.livejournal.com/433.html> (дата обращения: 06.01.2011).

Пчелы, цветы и здоровье: [сайт] [сайт] [сайт] [сайт] URL: <http://www.bestbees.ru/?q=node/11> (дата обращения: 30.01.2012).

Рыбалка в Башкирии: [сайт] URL: <http://fishersdream.ru/> (дата обращения: 03.02.2011).

Селу Новотроицкое 200 лет. 12.04.2011: [сайт] URL: <http://mishkan.ru/news/905/> (дата обращения: 08.02.2012).

Современная практика Причащения Святых Христовых Таин в день Святой Пасхи: [сайт] URL: <http://www.eparhia-ufa.ru/?lib/pasha-pr> (дата обращения: 06.01.2011)

Среди песков сыпучих...»: [сайт] URL: <http://www.a-resni.golosa.info/grvojna/kr/srediles-gr.htm> (дата обращения: 01.03.2010).

Сокращения

[БА] – Без автора

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ОГВ – Оренбургские губернские ведомости

ОК – Оренбургский край

ОЛ – Оренбургский листок

ГАОО – Оренбургский областной государственный архив

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

ИЭИ УНЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук

Н.п. – населенный пункт

РГО – Русское географическое общество

УГВ – Уфимские губернские ведомости

ПМА – Полевые материалы автора

НАН Украины – Национальная академия наук Украины

ЦГАОО РБ – Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан

ЦЭИ УНЦ РАН – Центр этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Раздел 1. Русские селения на территории Башкортостана	
Из истории заселения русскими Башкирского края.....	7
Формирование поселений.....	11
Общеэтнические, региональные и локальные особенности.....	15
Усадьба.....	21
Внутреннее убранство дома.....	28
Этнокультурные взаимодействия в строительстве и обустройстве жилищ.....	33
Раздел 2. Хозяйственная деятельность	37
Земледелие.....	39
Огородничество.....	45
Садоводство.....	47
Животноводство.....	49
Пчеловодство.....	52
Охота.....	57
Рыболовство.....	59
Собирательство.....	61
Сельские и городские ремесла и промыслы.....	62
Фабрично-заводское производство во второй половине XIX – начале XX вв.	64
Раздел 3. Общественная жизнь. Обряды и праздники	
Вклад русских в общественную жизнь края	68
Ярмарка как условие для этнокультурных взаимодействий.....	70
Календарные обряды и праздники.....	72
Свадебный обряд.....	84
Похоронно-поминальные обряды.....	89
Раздел 4. Народные традиции в прошлом и настоящем	
Времяпровождения крестьян и заводчан на рубеже XIX и XX вв.	94
Традиционная пища.....	96
Одежда.....	98
Игры.....	102
Музыкальные инструменты.....	107
Песенный фольклор.....	109
Заключение	120
Библиография	126
Сокращения	138

Научное издание

ГАЛИЕВА Фарида Габдулхаевна

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
БАШКОРТОСТАНА

Верстка *И. В. Кучумова*

Сдано в набор 24.03.2012. Подписано в печать 05.04.2012.
Формат 70×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 10,82. Уч.-изд. л. 9,37.
Тираж 120 экз. Заказ № 52. Цена договорная.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6. Тел. (347)2722979

Отпечатано в типографии ИП Галиуллин Д.А. в полном соответствии
с предоставленными оригинал-макетами.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru